



СОДЕРЖАНИЕ

**МЕДИЦИНА. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МЕТОДЫ**

Пшукова Е.М., Гамаева Ф.Б., Мусукаева А.Б., Пшукова А.А. Рак эндометрия у разных возрастных групп пациентов: морфологические особенности 4

Богатырева Л.Н., Албакова М.Х., Албакова Х.А. Железodefицитная анемия беременных и ее последствия для развития плода и ранней адаптации новорожденного ребенка. Современные аспекты лечения и профилактики..... 8

Лебедева А.М., Ряпова Э.И., Ляшенко Е.Н., Ляшенко А.С. Лечение и диагностика фетоплацентарной недостаточности 11

Сидорчук М.А. Оптимизация профессиональной подготовки студентов-медиков с учетом опыта пандемии коронавируса и запросов глобального здравоохранения..... 17

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ И СПОРТИВНАЯ МЕДИЦИНА,
ЛЕЧЕБНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА, КУРОРТОЛОГИЯ
И ФИЗИОТЕРАПИЯ**

Куланина С.В. Зависимость морфофизиологического состояния младших школьников от типа телосложения..... 22

Махмудова А.И. Улучшение вертикального баланса у детей с ДЦП при занятиях на лыжах и роликовых коньках на примере программы «Лига Мечты» 26

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ

Руссу О.Н., Алексеева О.В., Солнышкина Ю.О., Артемов К.А., Шафенков М.Ю. Тенденции развития профессионального спорта в Москве (на примере Московской федерации футбола)..... 29

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Борисенко А.А. Образы социальной реальности в современной отечественной социологии. Консервативный поворот 33

Гришенкова Т.Ф. Особенности самоидентификации человека-инвалида 39

Почакаева Е.И. Транспортный шум урбанизированных территорий 44

Чумак Е.В. Социально-правовые аспекты регулирования миграционных процессов в Российской Федерации 49

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76398 от 26.07.2019
Индекс Роспечати 65002
ISSN 2686-9365

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель: ООО «Городец»
Издается с 2010 года
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: fapz@list.ru Сайт: www.medsociofil.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аверин Юрий Петрович, д-р соц. наук, проф., зав. кафедрой Методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Агапов Платон Валериевич**, канд. соц. наук, доц., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Алиханов Халлар Абумуслимович**, д-р мед. наук проф., Государственная классическая академия им. Маймонида; **Алиханов Багдади Абумуслимович**, д-р мед. наук, проф., Центральная клиническая больница РАН; **Апресян Рубен Грантович**, д-р филос. наук проф., заведующий сектором этики Института философии РАН; **Багдасарян Надежда Гегамовна**, д-р филос. наук, проф., МГУ им. Н.Э. Баумана; **Барков Сергей Александрович**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Бородин Владимир Иванович**, д-р мед. наук, проф. Терапевтический центр «Гранат»; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, д-р соц. наук, проф., Липецкий государственный педагогический университет; **Волков Юрий Григорьевич**, д-р филос. наук, проф., научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Грабельных Татьяна Ивановна**, д-р соц. наук, проф., Иркутский государственный университет; **Григорьев Святослав Иванович**, д-р соц. наук, проф., чл.-корр. РАН; **Дмитриев Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук проф., чл.-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института социологии РАН; **Добренков Владимир Иванович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Добренкова Екатерина Владимировна**, д-р соц. наук, проф., первый проректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Желтов Виктор Васильевич**, д-р филос. наук, проф., декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета; **Каплунова Вера Юрьевна**, д-р мед. наук, гл. научный сотрудник НИО «Метаболический синдром» НИЦ Московского мед. исследовательского ун-та им. И.М. Сеченова; **Кравченко Альберт Иванович**, д-р филос. наук, проф., ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, д-р соц. наук, проф., завкафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **Маршак Аркадий Львович**, д-р филос. наук, проф., главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Найдыш Вячеслав Михайлович**, д-р филос. наук, проф., завкафедрой онтологии и теории познания Российского ун-та дружбы народов; **Овсянников Сергей Александрович**, д-р мед. наук, проф., МГМСУ; **Осипов Александр Михайлович**, д-р соц. наук, проф., главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Петров Владимир Николаевич**, д-р соц. наук, проф., заведующий кафедрой социологии Кубанского государственного университета; **Петрова Татьяна Эдуардовна**, д-р соц. наук проф., кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; **Пятницкий Николай Юрьевич**, канд. мед. наук, доц., в.н.с. ФГБНУ НЦПЗ; **Рахманов Азат Борисович**, д-р филос. наук, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; **Садохин Александр Петрович**, д-р культурологии, проф., почетный работник высшего профессионального образования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Самыгин Сергей Иванович**, д-р соц. наук, проф., Южный федеральный университет; **Силласте Галина Георгиевна**, д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой «Социология» Финансового университета при Правительстве РФ; **Сычев Андрей Анатольевич**, д-р филос. наук, проф., кафедра философии Мордовского государственного ун-та им. Н.П. Огарева; **Терентьев Александр Александрович**, д-р мед. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. кафедры биохимии Российского исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем (КазИИТУ), д-р тех. наук, проф., академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, проф., факультет философии, Университет Черногории; **Кропп Фредрик**, декан факультета Монтеррейского университета (США); **Митрович Любша**, проф., факультет философии, Университет г. Ниш (Сербия); **Титаренко Лариса Григорьевна**, д-р соц. наук, проф., факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Фарро Антимо Луиджи**, проф., д-р социологии, Римский университет Салерна; **Чжан Шууха**, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая; **Соколова Галина Николаевна**, д-р филос. наук, проф., заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси (Минск); **Ари Палениус**, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия); **Джун Гуан**, проф., зам. декана Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Лай Дешенг**, проф., декан Института экономики и бизнесадминистрирования, Пекинский технологический университет (Китай); **Марек Вочозка**, проф., ректор Технико-экономического института в Чешких Будейовицах (Чехия); **Христан Мундт**, доктор медицины, директор психиатрической клиники (г. Гейдельберг, Германия); **Она Гражина Ракускиене**, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Главный редактор:
Бородин В.И., д-р мед. наук, проф.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.09.2021 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

МЕДИЦИНА. СОЦИОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. Прикладные исследования

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Гридина В.В., Рязанцев И.П. Патриотические установки студентов технического вуза (на примере г. Самара) 55

Ван Цзяньган. Тенденции трансформации демографических процессов в России 59

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Попов В.В., Музыка О.А., Макаров А.В. Субъективная темпоральность в системе концептуализации включающего общества 65

Потапова Л.В. Наука (о прокуратуре и прокурорской деятельности): к вопросу о важности развития научной школы 69

Сафронов А.В. К проблеме эволюции сознания. Мультистанциальная эволюция наблюдателя и иерархия модальных логик в каузальном дуализме 73

Сизинцев П.В. Идея личности в философском творчестве русского мыслителя И.С. Продана 84

Шелест Д.А. «Государство и революция» В.И. Ленина как доктринальное обоснование революционного переустройства общества 89

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ван Хайянь, Хэ Ижуй. Процессы десакрализации китайской народной медицины 94

Ягина О.М., Олейникова Е.Э. Психическое здоровье как объект социального управления 98

Копылова О.В., Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Долгосрочные эффекты программы медико-психологической коррекции факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний с применением дистанционных технологий 103

Ковалевский А.В. Феноменология описания города: город видимый и невидимый 108

Беляева Е.А., Грунт Е.В., Ли Ян, Ложкин Д.В. Компаративистика в оценке архитектурного образовательного пространства российской и китайской высшей школы 112

TABLE OF CONTENTS

THE MEDICINE. APPLIED RESEARCH AND METHODS

- Pshukova E.M., Gamaeva F.B., Musukaeva A.B., Pshukova A.A.* Endometriy cancer in different age groups of patients: morphological features 4
- Bogatyreva L.N., Albakova M.H., Albakova H.A.* Iron deficiency anemia of pregnant women and its consequences for fetal development and early adaptation of a newborn child. Modern aspects of treatment and prevention..... 8
- Lebedeva A.M., Ryapova E.I., Lyashenko E.N., Lyashenko A.S.* Treatment and diagnostics of Feto-placental insufficiency 11
- Sidorchuk M.A.* Optimization of professional training of medical students taking into account experience of the coronavirus pandemic and global healthcare requests 17

RECOVERY AND SPORTS MEDICINE, THERAPEUTIC EXERCISE, RESORTOLOGY AND PHYSIOTHERAPY

- Kulanina S.V.* The dependence of the morphophysiological state of younger schoolchildren on the type of physique 22
- Makhmudova A.I.* Improving the vertical balance in children with cerebral palsy during skiing and roller skating on the example of the Dream League program 26

MODERN APPROACHES IN HEALTH PROTECTION

- Russu O.N., Alekseeva O.V., Solnyshkina Yu.O., Artemov K.A., Shafenkov M. Yu.* Trends in the development of professional sports in Moscow (using the example of the Moscow Football Federation) 29

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT

- Borisenko A.A.* Images of social reality in modern Russian sociology. Conservative turn..... 33
- Grishenkova T.F.* Features of self-identification of a disabled person 39
- Pochukaeva E.I.* Traffic noise in urbanized areas 44
- Chumak E.V.* Socio-legal aspects of the regulation of migration processes in the Russian Federation 49

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

- Gridina V.V., Ryazantsev I.P.* Patriotic attitudes of students of technical university 55
- Wang Jiangang.* Trends in the transformation of demographic processes in Russia 59

PHILOSOPHICAL OUTLOOK

- Popov V.V., Musika O.A., Makarov A.V.* Subjective temporality in the system of conceptualization of an inclusive society 65
- Potapova L.V.* Science (on the prosecutor's office and prosecutorial activities): to the question of the importance of the development of a scientific school..... 69
- Safronov A.V.* On the problem of the evolution of consciousness. Multisubstantial evolution of the observer and the hierarchy of modal logics in causal dualism 73
- Sizintsev P.V.* The idea of personality in the philosophical work of the Russian thinker I.S. Prodan 84
- Shelest D.A.* "The State and the Revolution" by V.I. Lenin as a doctrinal basis for the revolutionary reorganization of society 89

EMPIRIC STUDIES

- Haiyan Wang, Yirui He.* Processes desecration of Chinese traditional medicine 94
- Yagina O.M., Oleinikova E.E.* Mental health as an object of social management..... 98
- Kopylova O.V., Sirota N.A., Yaltonsky V.M.* Long-term effects of the program of medical and psychological correction of risk factors for cardiovascular diseases using remote sensing technologies 103
- Kovalevsky A.V.* Phenomenology of city description: city visible and invisible..... 108
- Belyaeva E.A., Grunt E.V., Li Yang, Lozhkin D.V.* Comparative studies in assessment of the architectural educational space of Russian and Chinese Universities..... 112

Рак эндометрия у разных возрастных групп пациентов: морфологические особенности

Пшуква Елена Мухадиновна,

к.м.н., доцент кафедры нормальной и патологической анатомии, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: pshukova.71@mail.ru

Гамаева Фатима Баталовна,

ассистент кафедры нормальной и патологической анатомии, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: gamaevafatima72@gmail.com

Мусукаева Анжелика Баталовна,

ассистент кафедры нормальной и патологической анатомии, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: anzhela.musukaeva@mail.ru

Пшуква Альбина Анатольевна,

доцент кафедры нормальной и патологической анатомии, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: albina.75.75@bk.ru

Ранее считалось, что рак эндометрия преимущественно встречается у женщин, которые находятся в возрасте пре- и постменопаузы. Однако на данный момент данные свидетельствуют о том, что заболеваемость раком эндометрия женщин до 29 лет увеличилась на 48%. Данная динамика является негативной, так как касается наиболее социально активной возрастной группы. В связи с этим особую актуальность обретает изучение морфологических особенностей рака эндометрия у разных возрастных групп пациентов. Был выполнен ретроспективный анализ данных. В качестве материалов использовались клинические данные 3517 пациенток, страдающих раком эндометрия и проходивших 2010 г по 2020 г. терапию на базе научно-исследовательского онкологического института. Материалы были собраны на основании данных журналов регистрации гистологических исследований и оперативных вмешательств, амбулаторных и стационарных карт пациенток. Было обнаружено доминирование во всех возрастных группах стадии IA. Было выявлено, что среди всех пациенток эндометриодная аденокарцинома с высокой и умеренной степенью дифференциации является наиболее распространённым гистологическим типом опухоли. Выявлено, что чем выше возраст, тем выше частота неблагоприятных гистологических типов рака эндометрия. Необходимо отметить, что были выявлены возрастные особенности состояния эндометрия, где протекает развитие карцином. В преимущественном количестве случаев гиперпластический эндометрий и атипическая гиперплазия являются фоном для развития рака тела матки у репродуктивных пациенток, при этом у пациенток возрастной группы от 45 лет увеличивается частота эндометриальной трансформации по атрофическому и смешанному типу.

Ключевые слова: эндометрий, рак эндометрия, аденокарцинома, возрастные группы, менопауза.

Введение. Рак тела матки является наиболее распространенным гинекологическим злокачественным новообразованием. Положительным моментом является то, что у 75% женщин заболевание обнаруживается на ранней стадии. На данный момент терапия рака тела матки вызывает множество спорных вопросов, большая из которых касается послеоперационной терапии как для женщин с ранней, так и с поздней стадией рака эндометрия [1].

Сегодня наблюдается негативная динамика: рак эндометрия становится все более распространенным явлением в богатых западных странах, в основном из-за растущего ожирения среди этих групп населения [2]. Существует два признанных типа рака эндометрия:

- Тип I более распространен и связан с ожирением у женщин в постменопаузе и составляет примерно 80% всех случаев рака эндометрия;
- Тип II свойственен женщинам, которые в преимущественном количестве случаев молодого возраста и нормального телосложения, но имеют более агрессивный гистологический тип, не зависящий от эстрогенов, серозной или светлоклеточной гистологией. Для типа II свойственно более агрессивное клиническое течение, что приводит к худшему прогнозу [3].

Ряд исследователей придерживаются точки зрения, что большинство пациентов с раком эндометрия обнаруживают заболевание на ранних стадиях, поэтому скрининг вряд ли окажется экономически эффективным или снизит уровень смертности. В связи с этим более эффективным является наблюдение за группами высокого риска. К данной группе относятся следующие пациенты:

- имеющие семейный анамнез рака эндометрия;
- проходившие ранее заместительную гормональную терапию с приемом прогестагенов менее 12–14 дней;
- принимающее длительное время тамоксифен;
- имеющие в семейном анамнезе синдром наследственного неполипоза колоректального рака, синдром Каудена, синдром пейтца-егерса;
- имеющие в анамнезе рак груди и/или ожирение [4, 5].

Большинство пациентов, страдающих раком эндометрия, в качестве терапии предлагается хирургическое вмешательство. Стандартной хирургической процедурой при раке эндометрия явля-

ется экстрафасциальная тотальная гистерэктомия с двусторонней сальпингоофорэктомией. Также рекомендуется удаление придатков, даже если придатки выглядят нормально, поскольку они могут содержать микрометастазы. Безопасность лапароскопического подхода к хирургическому лечению рака матки еще не была продемонстрирована в проспективных рандомизированных исследованиях, поэтому ожидается проведение проспективного исследования Lap-2 группы гинекологической онкологии. Хотя рекомендации по последующему наблюдению после лечения различаются в разных учреждениях и странах, в целом за пациентами с высоким риском рецидива внимательно наблюдают каждые 3–4 месяца в течение первого года, а затем каждые 6 месяцев для завершения 5-летнего наблюдения.

Если говорить о заболеваемости раком тела матки на территории Российской Федерации, в течение последних 30 лет отмечается рост заболеваемости, которая увеличилась в 3 раза и на данный момент рак тела матки занимает II место в рейтинге онкологических заболеваний женщин.

Согласно имеющимся данным, женщины, страдающие раком эндометрия, распределены на возрастные группы в следующем соотношении:

- В возрасте менопаузы – 75%;
- В возрасте пременопаузы – 20%;
- В возрасте младше 40 лет – 5% [6].

Ранее считалось, что рак эндометрия преимущественно встречается у женщин, которые находятся в возрасте пре- и постменопаузы. Однако на данный момент данные свидетельствуют о том, что заболеваемость раком эндометрия женщин до 29 лет увеличилась на 48% [7]. Данная динамика является негативной, так как касается наиболее социально активной возрастной группы. В связи с этим особую актуальность обретает изучение морфологических особенностей рака эндометрия у разных возрастных групп пациентов.

Материалы и методы. В качестве материалов использовались клинические данные 3215 пациенток, страдающих раком эндометрия и проходивших 2010 г по 2020 г. терапию на базе научно-исследовательского онкологического института. Материалы были собраны на основании данных журналов регистрации гистологических исследований и оперативных вмешательств, амбулаторных и стационарных карт пациенток. Был выполнен ретроспективный анализ данных.

Средний возраст пациенток – 59.4 лет. Пациенты были разделены на следующие возрастные группы:

1. До 45 лет – 387 женщин – основная группа.
2. Свыше 55 лет – 2144 – контрольная группа.
3. До 55 лет – 986.

Результаты и обсуждение. Основываясь на результатах выполненного контент-анализа, было выявлено, что у пациентов репродуктивного возраста в 61–63.8% случаев регистрируются аденокарциномы высокодифференцированных форм, при этом более 2/3 всех случаев приходится

на I стадию заболевания, которая характеризуется глубиной инвазии до 50 мм. Однако есть и сведения об агрессивных карциномах эндометрия смешанного типа у женщин молодого возраста [8, 9].

Анализ полученных данных, результаты которого представлены в таблице 1, говорит о том, что свыше 50% пациенток не имели инвазию миометрия или имели ее в минимальном количестве (не более 1/2). Также было выявлено, что во всех возрастных группах стадия IA была распространена больше всего. Среди лиц репродуктивного возраста отмечается максимальное количество случаев с раком тела матки – 77.8%. Помимо этого, была обнаружена следующая тенденция: чем выше возраст, тем ниже доля стадии IA и тем выше удельный вес поздних стадий. Выявленная закономерность соотносится с лучшими результатами терапии молодых девушек и наиболее благоприятным прогнозом, что обусловлено адекватной тактикой терапии и своевременным выявлением.

Таблица 1. Распределение пациенток на основании возраста по стадиям заболевания

Стадия	< 45 лет		46–55 лет		>55 лет	
	Абсолют.	Относ. (%)	Абсолют.	Относ. (%)	Абсолют.	Относ. (%)
IA	301	77.8%	717	72.7%	1159	54.1%
IB	37	9.56%	148	15.0%	664	40.0%
II	10	3.2%	29	2.9%	130	6,1%
IIIA	12	4.0%	50	5.1%	99	4,6%
IIIB	–	–	–	–	29	1.3%
IIIC	6	1.5%	5	0.5%	14	0,7%
IVA	2	0.4%	–	–	–	–
IVB		2.5%	37	3.7%	49	2,3%
Всего	387	100.0%	986	100.0%	2144	100.0%

Результаты имеющихся исследований говорят о развитии рака эндометрия на фоне гиперпластичного эндометрия. Есть также данные, подтверждающие что злокачественный процесс может протекать на фоне атрофического эндометрия [10, 11].

Выполненное исследование демонстрирует, что максимальная частота развития рака эндометрия на фоне гиперпластического эндометрия приходится на репродуктивный возраст. Также на пациенток репродуктивного возраста приходится максимальная частота атипической железистой гиперплазия эндометрия (67.6%). У 52.3% пациентов в возрасте до 35 лет рак тела матки протекает на фоне атипической эндометриальной гиперплазии, а у 47.2% – на фоне эндометрия гиперпластичного типа. Обратная ситуация наблюдается у пациенток в возрасте старше 45 лет – у них по-

вышается доля смешанного и атрофического эндометрия.

Пролиферативная эндометриальная активность, на фоне которой, наблюдается рак тела матки, обуславливается патогенетическими механизмами развития злокачественных новообразований эндометрия у пациенток с раком эндометрия различных возрастных групп. На данный момент известно, что большая часть эндометриальных аденокарцином являются эндометриоидными, на них приходится около 90% всех злокачественных новообразований тела матки [8].

Полученные в ходе проведения данные показали, что у 80.3% обследованных женщин отмечалась эндометриоидная аденокарцинома, 9.7% случаев пришлось на серозно-папиллярную аденокарциному, 4.8% – на аденокарциному с плоскоклеточной метаплазией, 2.1% – на светлоклеточную, 2.4% – на формы с агрессивным течением, 0.7% – на муцинозную аденокарциному.

Для качества и точности прогноза рака тела матки особую роль имеет степень дифференциации опухоли. Аденокарцинома с высокой степенью дифференциации характеризуется поверхностным прорастанием в миометрий, а аденокарциномы низкой степенью дифференциации характеризуются глубокой инвазией и повышенной способностью к рецидивам.

Исследование степени дифференциации эндометриальных опухолей продемонстрировало, что в преимущественном количестве случаев всех возрастных групп отмечается дифференциация опухоли умеренной степени (G2). Но необходимо учитывать, что чем выше возраст пациента, тем выше количество низкодифференцированных опухолей (G3) и тем ниже число высокодифференцированных опухолей (G1). Таким образом, в группе пациентов в возрасте до 35 лет, на опухоли с высокой степенью дифференциации приходится 52.2%, в группе 36–45 лет – уже 24.8%, а в группе 46–55 лет – 21.3%, в группе старше 55 лет – 1.7%.

Необходимо отметить, что у пациенток репродуктивного возраста аденокарцинома серозно-папиллярного типа развивается в 3 раза чаще по сравнению с пациентками, у которых установлено бесплодие. Данная тенденция применима и к пациенткам с плоскоклеточной метаплазией и аденокарциномой. У пациенток, которые пребывают в состоянии менопаузы, были зарегистрированы серозно-папиллярная и светлоклеточная аденокарциномы, которые являются наиболее агрессивными, они также чаще наблюдались у женщин с установленным бесплодием (46.8% и 6.1% соответственно) относительно пациенток с сохраненной репродуктивной функцией (11.3% и 3.6% соответственно). В группе перименопаузальных пациенток аденокарцинома серозно-папиллярного типа встречалась в 3.6 раз чаще, чем у пациенток без бесплодия (12.3% и 5.2% соответственно), при этом аденокарцинома светлоклеточного типа зарегистрирована у 10 женщин без бесплодия. Эти данные не противоречат полученным данным

о повышении частоты атрофического эндометрия в возрастной группе от 55 лет. Установлено, что рак эндометрия серозно-папиллярного типа преимущественно развивается на фоне атрофического эндометрия (свыше 91% случаев). Учитывая перечисленные факты, частое сочетание у менопаузальных и репродуктивных пациенток аденокарцином серозно-папиллярного и светлоклеточного типа с установленным бесплодием подразумевает не эндокринно-обменные, а иные патогенетические факторы, при этом нельзя исключать влияние генетических факторов и воспалительных заболеваний.

Выводы. Таким образом, сведения, полученные в ходе проведения исследования, демонстрируют доминирование во всех возрастных группах стадии IA. Минимальная частота IA приходится на группу до 45 лет. Стадия IB превалирует у пациенток позднего репродуктивного периода, что является статистически значимым. Повышение возраста обусловлено сокращением числа пациенток, у которых установлена IA и увеличением удельного веса поздних стадий. Среди всех пациенток эндометриоидная аденокарцинома с высокой и умеренной степенью дифференциации является наиболее распространенным гистологическим типом опухоли. Выявлено, что чем выше возраст, тем выше частота неблагоприятных гистологических типов рака эндометрия. Необходимо отметить, что были выявлены возрастные особенности состояния эндометрия, где протекает развитие карцином. В преимущественном количестве случаев гиперпластический эндометрий и атипичная гиперплазия являются фоном для развития рака тела матки у репродуктивных пациенток, при этом у пациенток возрастной группы от 45 лет увеличивается частота эндометриальной трансформации по атрофическому и смешанному типу.

Литература

1. Filippova OT, Leitao MM. The current clinical approach to newly diagnosed uterine cancer. *Expert Rev Anticancer Ther.* 2020 Jul;20(7):581–590.
2. Carter J, Pather S. An overview of uterine cancer and its management. *Expert Rev Anticancer Ther.* 2006 Jan;6(1):33–42.
3. Henley SJ, Miller JW, Dowling NF, Benard VB, Richardson LC. Uterine Cancer Incidence and Mortality – United States, 1999–2016. *MMWR Morb Mortal Wkly Rep.* 2018 Dec 7;67(48):1333–1338.
4. Felix AS, Brinton LA. Cancer Progress and Priorities: Uterine Cancer. *Cancer Epidemiol Biomarkers Prev.* 2018 Sep;27(9):985–994.
5. Давыдов, М.И. Заболеваемость злокачественными новообразованиями / М.И. Давыдов, Е.М. Аксель // Вестник РОНЦ им. Н.Н. Блохина РАМН. – 2010. – Т. 21. – № 2 (прил. 1). – С. 52–86.
6. Нечушкина, В.М. Рак тела матки. Лекции по онкогинекологии: учебник для студентов /

В.М. Нечушкина; под общ. ред. акад. РАН и РАМН И. Давыдова, проф. В.В. Кузнецова. – М., 2009. – С. 227–230.

7. Filippova OT, Leitao MM. The current clinical approach to newly diagnosed uterine cancer. *Expert Rev Anticancer Ther.* 2020 Jul;20(7):581–590.
8. Мунтян А. Б., Коломиец Л.А., Бочкарева Н.В., Стуканов С.Л. Рак эндометрия и миома матки // СМЖ. 2010. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rak-endometriya-i-mioma-matki> (дата обращения: 19.07.2021).
9. del Carmen MG, Birrer M, Schorge JO. Uterine papillary serous cancer: a review of the literature. *Gynecol Oncol.* 2012 Dec;127(3):651–61.
10. Моисеенко Т. И., Непомнящая Е.М., Шишкина О.Г., Вовкочина М.А. Морфологические особенности рака эндометрия у больных разного возраста // Актуальные проблемы медицины. 2012. № 10 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskie-osobennosti-raka-endometriya-u-bolnyh-raznogo-vozrasta> (дата обращения: 19.07.2021).
11. Artioli G, Wabersich J, Ludwig K, Gardiman MP, Borgato L, Garbin F. Rare uterine cancer: carcinosarcomas. Review from histology to treatment. *Crit Rev Oncol Hematol.* 2015 Apr;94(1):98–104.

ENDOMETRY CANCER IN DIFFERENT AGE GROUPS OF PATIENTS: MORPHOLOGICAL FEATURES

Pshukova E.M., Gamaeva F.B., Musukaeva A.B., Pshukova A.A.
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

It was previously thought that endometrial cancer predominantly occurs in women who are pre- and postmenopausal. However, at the moment, the data indicate that the incidence of endometrial cancer in women under the age of 29 has increased by 48%. This dynamic is negative, as it concerns the most socially active age group. In this regard, the study of the morphological characteristics of endometrial cancer in different age groups of patients is of particular relevance. A retrospective analysis of the data was performed. Clinical data of 3517 patients suffering from endometrial cancer and undergoing therapy at the Oncological Research Institute from 2010 to 2020 were used as materials. Materials were collected on the basis of data from histological examinations and surgical intervention logs, outpatient and inpatient records of patients. Dominance was found in all age groups of stage IA. It was revealed that among all patients, endometrioid adenocarcinoma with a high and moderate degree of

differentiation is the most common histological type of tumor. It was revealed that the higher the age, the higher the incidence of unfavorable histological types of endometrial cancer. It should be noted that age-related features of the state of the endometrium were identified, where the development of carcinomas proceeds. In the predominant number of cases, hyperplastic endometrium and atypical hyperplasia are the background for the development of cancer of the uterine body in reproductive patients, while in patients of the age group from 45 years, the frequency of endometrial transformation in atrophic and mixed types increases.

Keywords: endometrium, endometrial cancer, adenocarcinoma, age groups, menopause.

References

1. Filippova OT, Leitao MM. The current clinical approach to newly diagnosed uterine cancer. *Expert Rev Anticancer Ther.* 2020 Jul; 20 (7): 581–590.
2. Carter J, Pather S. An overview of uterine cancer and its management. *Expert Rev Anticancer Ther.* 2006 Jan; 6 (1): 33–42.
3. Henley SJ, Miller JW, Dowling NF, Benard VB, Richardson LC. Uterine Cancer Incidence and Mortality – United States, 1999–2016. *MMWR Morb Mortal Wkly Rep.* 2018 Dec 7; 67 (48): 1333–1338.
4. Felix AS, Brinton LA. Cancer Progress and Priorities: Uterine Cancer. *Cancer Epidemiol Biomarkers Prev.* 2018 Sep; 27 (9): 985–994.
5. Davydov, M.I. Morbidity of malignant neoplasms / M.I. Davydov, E.M. Axel // Bulletin of the Russian Oncology Center. N.N. Blokhin Russian Academy of Medical Sciences. – 2010. – T. 21. – No. 2 (appendix 1). – S. 52–86.
6. Nechushkina, V.M. Cancer of the body of the uterus. Lectures on gynecological oncology: a textbook for students / V.M. Nechushkina; under total. ed. acad. RAS and RAMN M.I. Davydov, prof. V.V. Kuznetsova. – M., 2009. – S. 227–230.
7. Filippova OT, Leitao MM. The current clinical approach to newly diagnosed uterine cancer. *Expert Rev Anticancer Ther.* 2020 Jul; 20 (7): 581–590.
8. Muntyan AB, Kolomiets LA, Bochkareva NV, Stukanov SL Endometrial cancer and uterine myoma // CSF. 2010. No. 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rak-endometriya-i-mioma-matki> (date of access: 19.07.2021).
9. del Carmen MG, Birrer M, Schorge JO. Uterine papillary serous cancer: a review of the literature. *Gynecol Oncol.* 2012 Dec; 127 (3): 651–61.
10. Moiseenko TI, Nepomnyashchaya EM, Shishkina OG, Vovkochina MA Morphological features of endometrial cancer in patients of different ages // Actual problems of medicine. 2012. No. 10 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskie-osobennosti-raka-endometriya-u-bolnyh-raznogo-vozrasta> (date of access: 19.07.2021).
11. Artioli G, Wabersich J, Ludwig K, Gardiman MP, Borgato L, Garbin F. Rare uterine cancer: carcinosarcomas. Review from histology to treatment. *Crit Rev Oncol Hematol.* 2015 Apr; 94 (1): 98–104.

Железодефицитная анемия беременных и ее последствия для развития плода и ранней адаптации новорожденного ребенка. Современные аспекты лечения и профилактики

Богатырева Лидия Николаевна,

доц., кандидат медицинских наук, кафедра акушерства и гинекологии, Ингушский государственный университет
E-mail: b.l.n.1956@mail.ru

Албакова Маддан Хасолтановна,

доц., кандидат медицинских наук, кафедра акушерства и гинекологии, Ингушский государственный университет
E-mail: b.l.n.1956@mail.ru

Албакова Хадижет Асхабовна,

старший преподаватель, кафедра нормальной физиологии, Ингушский государственный университет
E-mail: b.l.n.1956@mail.ru

В статье анализируются проблемы железодефицитной анемии беременных и ее последствия для развития плода и ранней адаптации новорожденного ребенка, а также современные аспекты ее лечения и профилактики. Показано, что железодефицитная анемия у беременных является полиэтиологическим заболеванием, имеющим сложный патогенез, сопровождается сочетанными железо- и фолиево-дефицитными состояниями и дисбалансом важнейших микроэлементов. Железодефицитная анемия беременныхотягощает течение гестационного процесса, вызывает ряд осложнений в родах и послеродовом периоде, оказывает влияние на развитие патологии плода и новорожденного. Описаны заболевания на первом году жизни детей, родившихся у матерей с анемией беременных первой и второй степени. Показана необходимость реализации комплексных профилактических и лечебных мероприятий, как на этапе прегравидарной подготовки, так и во время беременности. Раскрыты современные медикаментозные методы профилактики железодефицитной анемии у беременных женщин. Показано, что препараты трехвалентного железа не имеют потенциально опасных свойств, влияющих на патогенез акушерской патологии. В комплексном медикаментозном лечении железодефицитной анемии беременных обоснована эффективность использования церулоплазмина и эритропоэтина. Показана необходимость комплексного использования медикаментозных и немедикаментозных методов профилактики и лечения железодефицитной анемии у беременных с применением междисциплинарных реабилитационных технологий.

Ключевые слова: беременность, анемия, гипоксия плода, адаптация новорожденного, лечение, профилактика.

Актуальность проблемы железодефицитной анемии связана с ее высокой распространенностью и высоким риском развития у женщин в период беременности. В структуре экстрагенитальной патологии беременных «анемия занимает первое место, составляя 47% случаев, при этом на железодефицитные анемии приходится от 85% до 95% случаев среди анемических состояний у беременных, которые, в свою очередь, неблагоприятно влияют на частоту акушерской и перинатальной патологии» [1].

Железодефицитная анемия у беременных является полиэтиологическим заболеванием, имеющим сложный патогенез. Рост потребности организма беременных женщин в железе, который не может быть восполнен алиментарным способом, как правило, обуславливает железодефицитную анемию. Следует отметить, что анемия более, чем у каждой второй беременной женщины характеризуется сочетанным характером. Чаще имеют место случаи сочетанных железо-, фолиево-, белководефицитных состояний, которые сопровождаются нарушением баланса ведущих микроэлементов, необходимых для организма. Так, согласно клиническим данным М.Н. Авдеева, для беременных с симптомами железодефицитной анемии характерны признаки «диспротеинемии, дисбаланс макро- и микроэлементов, наличие взаимосвязанных изменений в гормональном и иммунном статусе, сопровождающихся неблагоприятными сдвигами психоэмоционального состояния и вегетативной регуляции, которые в целом выступают в качестве значимых общесоматических предикторов акушерской и перинатальной патологии» [1, с. 12]. Таким образом, дефицит витаминов и микроэлементов, который прогрессирует параллельно тяжести заболевания, относятся к одному из звеньев патогенеза железодефицитной анемии беременных.

Частота развития железодефицитной анемии беременных, согласно клиническим данным, напрямую связана со сроком беременности. Железодефицитная анемия беременных «обычно диагностируется в 40 раз чаще во второй половине беременности, чем в первые недели... нарушения метаболизма железа часто возникает значительно раньше: у беременных с ранним токсикозом, сопровождающимся тошнотой и рвотой, которая является одной из причин развития железодефицитной анемии» [1, с. 19]. «О предшествующем дефиците железа и до начала гестации могут свидетельствовать повышение объема плазмы при гестации и недостаточное содержание железа в сыворотке крови в первом триместре беременности»

[7]. Дефицит железа, «развившийся во второй половине беременности, как правило, обусловлен увеличением потребности растущего плода в железе, особенно на фоне недостаточного поступления его с пищей» [1, с. 20].

При железодефицитной анемии беременность и родовая деятельность, как правило, сопровождаются высокой частотой встречаемости различных акушерских и общесоматических осложнений, потенциально опасных для здоровья матери и плода. Течение беременности и роды у пациенток с железодефицитной анемией, согласно Н.В. Мрачковской, «в большинстве случаев носят осложнённый характер: угроза невынашивания в 2 раза, гестоз и аномалии родовой деятельности в 1,5 раза, средняя кровопотеря в 1,3 раза чаще наблюдаются, чем у пациенток не страдающих железодефицитной анемией» [6, с. 20]. Автор также отмечает, что «при железодефицитной анемии у беременных наблюдаются нарушения фетоплацентарной системы, степень выраженности которых пропорциональна тяжести анемии и длительности ее течения» [6, с. 6]. Течение родовой деятельности у рожениц с железодефицитной анемией, согласно клиническим данным Г.Ю. Кенжаевой и соавт., характеризуется «слабостью родовой деятельности, преждевременным отхождением вод, кровотечениями, оперативным родоразрешением и послеродовыми гнойно-септическими заболеваниями» [5, с. 3].

Неблагоприятное воздействие железодефицитных состояний у беременных оказывают и на состояние плода и новорожденного. У пациенток с железодефицитной анемией, согласно клиническим исследованиям Н.В. Мрачковской, степень выраженности нарушений состояния новорожденных при рождении и в период ранней постнатальной адаптации обусловлена «длительностью и тяжестью анемии у матери, состоянием фетоплацентарной системы, характером ее изменений в процессе лечения анемии» [6, с. 6]. Новорожденные при анемии у матери «страдают нарушением вегетативной регуляции и снижением адаптационно-компенсаторных возможностей организма. Железодефицитная анемия беременности оказывает влияние на адаптационные возможности новорожденных в раннем неонатальном и постнатальном периодах, что в значительной степени отражается на дальнейшем состоянии здоровья детей» [6, с. 6]. Так, согласно исследованиям М.Ю. Галактиновой и соавт., «на первом году жизни у детей, родившихся у матерей с анемией беременных первой и второй степени, преобладали болезни верхних дыхательных путей, в том числе ОРВИ. У детей, родившихся у матерей с анемией второй степени, чаще диагностировали аллергический дерматит, заболевания желудочно-кишечного тракта в виде дисбиоза, синдрома раздраженного кишечника. В возрасте 12 месяцев среди детей, родившихся у матерей с анемией беременных первой и второй степени, анемия легкой степени была диагностирована почти у каждого третьего ребенка» [2, с. 52].

Итак, железодефицитная анемия беременных оказывает негативное влияние, как на гестационный период и родовую деятельность, так и на состояние плода и новорожденных, снижая адаптационно-компенсаторные ресурсы их организма, что требует проведения комплексных профилактических и лечебных мероприятий.

Проведение комплексных диагностических и лечебно-профилактических мероприятий при железодефицитной анемии крайне необходимо, как на этапе прегравидарной подготовки, так и во время беременности. В первую очередь, ставится вопрос о необходимости проведения диагностики дефицита железа беременных женщин, которую «следует проводить уже в первый пренатальный визит (до 12–15 недель гестационного периода), до начала выраженной гемодилуции и физиологического усиления эритропоэза, существенно искажающих результаты лабораторного обследования» [3, с. 11].

Эффективным методом профилактики железодефицитной анемии у беременных женщин традиционно является пероральный или оральный прием препаратов железа. Анализ результатов ряда рандомизированных исследований показал, что оральное назначение железа приводит к снижению риска железодефицитной анемии беременных во втором триместре беременности посредством повышения уровня гемоглобина и ферритина в плазме крови. Ежедневный пероральный прием препаратов железа, в отличие от орального приема железа два раза в неделю, обеспечивает более высокий уровень гемоглобина в крови. «Приём препаратов железа два раза в неделю, в отличие от орального приема железа один раз в неделю, более эффективно повышает уровень гемоглобина. Добавление витамина А к обычному железу ведет к повышению уровня гемоглобина и снижению частоты возникновения анемии в период беременности» [8].

Следует отметить и некоторые побочные эффекты со стороны желудочно-кишечного тракта при лечении железодефицитной анемии беременных на основе приема двухвалентных препаратов железа. Поэтому в настоящее время используются «ферропрепараты нового поколения, основанные на химической основе содержащего протеин стабильного комплексона, который регулирует количество и время высвобождения свободных ионов железа, в зависимости от темпов и уровня его резорбции и утилизации в организме» [4, с. 89]. Результаты клинических исследований показали, что «препараты трехвалентного железа не имеют потенциально опасных свойств, влияющих на патогенез акушерской патологии» [4].

В настоящее время в комплексном медикаментозном лечении железодефицитной анемии беременных эффективны использование церулоплазмина, который «является ведущим антиоксидантом крови, активно ускоряющим окисление двухвалентного железа и образование трансферрина, что оптимизирует процессы кроветворения благодаря его феррооксидазной активности» [1]. Свою

эффективность показало комплексное применение эритропоэтина. Это связано с тем, что недостаток эритропоэтина является одним из важных патогенетических механизмов развития анемии беременных. Поэтому «применение рекомбинантного человеческого эритропоэтина (рч-ЭПО) показывает достаточно высокую эффективность при лечении железодефицитной анемии беременных» [3, с. 7].

Современные методы лечения и профилактики железодефицитной анемии у беременных характеризуются комплексным подходом. Свою эффективность показали немедикаментозные методы профилактики и лечения железодефицитной анемии у беременных. На фоне медикаментозного лечения железодефицитной анемии беременных эффективны применение междисциплинарных реабилитационных технологий в форме «лечебной физкультуры, приема минеральных вод с индивидуально установленным рационом питания, талассотерапии, нормобарической гипокситерапии и транскраниальной электростимуляции» [1, с. 13].

Комплексное лечение и профилактика железодефицитной анемии, как на этапе подготовки к беременности, так и на разных этапах ее течения, обеспечивает физиологическое течение беременности и рождение здорового ребенка, что является задачей высокой медико-социальной значимости.

Литература

1. Авдеев М.Н. Эффективность профилактики и комплексного восстановительного лечения беременных с железодефицитной анемией на курорте Сочи: дис. ... канд. мед. наук. – СПб., 2018. – 146 с.
2. Галактионова М.Ю., Маисеенко Д.А., Капитонов В.Ф., Шурова О.А., Павлов А.В. Влияние анемии беременных на раннюю адаптацию новорожденных детей // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2016. – 61, № 6. – С. 49–53.
3. Демихов В.Г. Анемия беременных: дифференциальная диагностика и патогенетическое обоснование терапии: автореф. дис... д-ра мед наук, Рязань, 2003. – 40 с.
4. Казюкова Т.В. Новые возможности ферротерапии железодефицитной анемии / Т.В. Казюкова, Г.А. Самсыгина, Г.В. Калашникова, А.Г. Румянцев, А. Фаллук // Клиническая фармакология и терапия. – 2000. – № 2. – С. 88–91.
5. Кенжаева Г.Ю., Айдымбекова А.Б., Мамитниязова М.И., Умирова Л.Ж., Базарбаева Ж.У., Садвакасова А.Г. Осложнения во время беременности и родов при железодефицитной анемии // Вестник КазНМУ. – № 2. – 2016. – С. 1–4.
6. Мрачковская Н.В. Перинатальные исходы у беременных с железодефицитной анемией: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Смоленск, 2004. – 24 с.

7. Радзинский В.Е. Акушерская агрессия. – М.: Изд-во Status Praesents, 2011. – 688 с.
8. Lachili B., Hininger I., Faure H., Arnaud J., Richard M.J., Favier A., Roussel A.M. Increased lipid peroxidation in pregnant women after iron and vitamin C supplementation // Biol. Trace Elem. Res. – 2001. – № 83. – P. 103–110.

IRON DEFICIENCY ANEMIA OF PREGNANT WOMEN AND ITS CONSEQUENCES FOR FETAL DEVELOPMENT AND EARLY ADAPTATION OF A NEWBORN CHILD. MODERN ASPECTS OF TREATMENT AND PREVENTION

Bogatyreva L.N., Albakova M.H., Albakova H.A.
Ingush State University

The article analyzes the problems of iron deficiency anemia in pregnant women and its consequences for fetal development and early adaptation of a newborn child, as well as modern aspects of its treatment and prevention. It is shown that iron deficiency anemia in pregnant women is a polyetiological disease with a complex pathogenesis, accompanied by combined iron- and folate-deficient conditions and an imbalance of the most important trace elements. Iron deficiency anemia of pregnant women aggravates the course of the gestational process, causes a number of complications in childbirth and the postpartum period, affects the development of fetal and newborn pathology. Diseases in the first year of life of children born to mothers with anemia of pregnant women of the first and second degree are described. The necessity of implementing complex preventive and therapeutic measures, both at the stage of pre-gravidar preparation and during pregnancy, is shown. Modern medical methods of prevention of iron deficiency anemia in pregnant women are disclosed. It is shown that preparations of trivalent iron do not have potentially dangerous properties that affect the pathogenesis of obstetric pathology. The effectiveness of the use of ceruloplasmin and erythropoietin in the complex drug treatment of iron deficiency anemia in pregnant women is justified. The necessity of complex use of drug and non-drug methods of prevention and treatment of iron deficiency anemia in pregnant women with the use of interdisciplinary rehabilitation technologies is shown.

Keywords: pregnancy, anemia, fetal hypoxia, newborn adaptation, treatment, prevention.

References

1. Avdeev M.N. The effectiveness of prevention and comprehensive restorative treatment of pregnant women with iron deficiency anemia in the resort of Sochi: dis... candidate of medical Sciences. – St. Petersburg, 2018–146 p.
2. Galaktionova M. Yu., Maiseenko D.A., Kapitonov V.F., Shurova O.A., Pavlov A.V. The effect of anemia of pregnant women on the early adaptation of newborn children // Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics. – 2016. – 61, № 6. – P. 49–53.
3. Demikhov V.G. Anemia of pregnant women: differential diagnosis and pathogenetic justification of therapy: abstract. dis... Doctor of Medical Sciences, Ryazan, 2003. – 40 p.
4. Kazyukova T.V. New possibilities of ferrotreatment of iron deficiency anemia / T.V. Kazyukova, G.A. Samsygina, G.V. Kalashnikova, A.G. Rummyantsev, A. Fallukh // Clinical pharmacology and therapy. – 2000. – No. 2. – P. 88–91.
5. Kenzhaeva G. Yu., Aidymbekova A.B., Mamitniyazova M.I., Umirova L. Zh., Bazarbayeva Zh. U., Sadvakasova A.G. Complications during pregnancy and childbirth with iron deficiency anemia // Bulletin of KazNMU. – No. 2. – 2016. – P. 1–4.
6. Mrachkovskaya N.V. Perinatal outcomes in pregnant women with iron deficiency anemia: abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences. – Smolensk, 2004. – 24 p.
7. Radzinsky V.E. Obstetric aggression. – M.: Publishing house of the Status of Patients, 2011. – 688 p.
8. Lachili B., Hininger I., Faure H., Arnaud J., Richard M.J., Favier A., Roussel A.M. Increased lipid peroxidation in pregnant women after taking iron and vitamin C supplements // Biol. Trace element. Res. – 2001. – No. 83. – P. 103–110.

Лечение и диагностика фето-плацентарной недостаточности

Лебедева Анна Михайловна,

студент «КФУ им. В.И. Вернадского» Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
E-mail: anna96lebedeva@yandex.ru

Ряпова Эльвина Игоревна,

студент «КФУ им. В.И. Вернадского» Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
E-mail: elvina.ryapova@bk.ru

Ляшенко Елена Николаевна,

кандидат медицинских наук, доцент,
«КФУ им. В.И. Вернадского» Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
E-mail: helen.lyashen@mail.ru

Ляшенко Анастасия Сергеевна,

студент Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова
E-mail: grobovaaya98@mail.ru

На сегодняшний день известно, что маточно-плацентарная дисфункция, возникшая по причине недостаточного снабжения плода питательными веществами и кислородом, является наиболее частой причиной задержки роста плода с поздним началом. В настоящее время в Российской Федерации сложилась неблагоприятная демографическая ситуация. При этом имеет место снижение индекса здоровья женщин репродуктивного возраста и неуклонный рост материнской заболеваемости. По проведенным исследованиям известно, что всего около 32% беременных женщин соматически считаются здоровыми. Современные экологические и социально-экономические условия также отрицательно оказывают воздействие на фертильность, а также на способность выносить и родить здоровый плод. Число хронических гинекологических заболеваний, а именно воспалительных заболеваний органов малого таза, эндокринных заболеваний, эндометриоза и бесплодия неуклонно продолжает расти.

Ключевые слова: беременность, плацента, задержка развития и роста плода, маточно-плацентарное кровообращение.

Большинство состояний, которые оказывают воздействие на рост плода, имеют внутриутробное или же плацентарное происхождение. Наиболее часто встречаемыми плацентарными состояниями являются изменения плодно-плацентарного, а также маточно-плацентарного кровообращения. Недостаточная или неполная трофобластическая инвазия спиральных артерий в плацентарном ложе чаще всего является причиной снижения маточно-плацентарного кровотока. На сегодняшний день известно, что капиллярные сосуды третичных ворсинок сокращаясь, приводят к увеличению плацентарного сопротивления, что в свою очередь, вызывает повреждение ворсинок. Диагностирование плацентарной дисфункции возможно с помощью доплерографии, так как изменения наблюдаются в сосудах венозного протока, а также пупочных, маточных, средних мозговых артериях [2]. Известно, что при наличии данной патологии в тяжелых случаях необходимо родоразрешение плода под оптимальным наблюдением во время родов или кесарево сечение. Известно, что вес плода определяется состоянием его здоровья, генетическим потенциалом роста, а также способностью матери обеспечивать должным качеством и количеством субстратов, которые транспортируются к плаценте, оказывают влияние на рост и развитие плода.

Причины ограничения роста плода можно разделить на факторы матери, плода и плаценты. Причины нарушения развития плода включают многоплодную беременность, хромосомные аномалии, инфекции плода, а также структурные аномалии плода. Материнские факторы включают в себя дефицит витаминов Е и С, инфекционные заболевания, в особенности хронические инфекции, такие как туберкулез, малярия, а также наличие патологий у матери, например, анемия, гипертония, сахарный диабет, хронические заболевания легких и сердечные заболевания.

На сегодняшний день известно, что синдром антифосфолипидных антител (АРА) напрямую связан с внутриутробной смертью, выкидышем в первом триместре, преэклампсией, а также с задержкой роста плода [4]. Увеличивая тромбогенный потенциал, связывание антиген-антитело и активация комплемента приводит к широко распространенному повреждению эндотелия, а васкулопатия спиральных артерий приводит к тромбозам и инфарктам плаценты. Для того, чтобы диагностировать ограничение роста плода, крайне необходимо точно оценить гестационный возраст, учитывая, что ультразвук в первом триместре может более надежно датировать беременность.

Известно, что в развитых и в развивающихся странах, а также для всех этнических и расо-

вых групп отмечается положительная взаимосвязь между массой тела плода при рождении и общим набором веса матери. Необходимо учитывать тот факт, что на ранних сроках беременности до 24 недель недостаточная прибавка в весе (менее 4,2 кг), является независимым предиктором низкой массы тела плода при рождении. Простым методом оценки роста плода является последовательная оценка высоты дна матки [6]. Данное измерение, для того, чтобы избежать манипуляций, проводится с помощью неэластичной ленты сантиметровой стороной вниз и начинается от дна до лонного сочленения.

При проведении исследования в 1963 году, Браун и Койл обнаружили и сообщили о более низких уровнях эстриола в моче при беременности с низкой массой тела плода. Появление и развитие радиоиммуноанализа поспособствовало переходу от эстриола мочи к крови, однако суточные колебания концентрации в плазме, а также значительная ежедневная изменчивость уровня экскреции с мочой затрудняли интерпретацию результатов. К концу 1960-х годов впервые был продвинут такой маркер функции плаценты, как плацентарный лактоген человека [8]. В результате проведения исследований нормальных и аномальных беременностей, была выявлена концепция опасной зоны для плода. Согласно данной концепции, концентрация hPL в плазме ниже 4 мкг / мл после 30 недель беременности классифицируются как аномально низкие и указывают на беременность с высоким риском. Однако, данный анализ на данный период времени не нашел широкого применения, поскольку значительное число случаев гибели плода могло произойти в связи с нормальной концентрацией hPL.

На сегодняшний день ультрасонографическая биометрия также является одним из методов оценки роста и развития плода. Ультразвуковые измерения окружности головы, живота, длины бедра, а также бипариетального диаметра сопоставляются с 50-м перцентилем соответствующего параметра в готовых популяционных диаграммах. Известно, что измерения ниже 10-го перцентиля являются достаточно весомыми показателями для установки состояния ограничения роста и развития плода, а измерения ниже 3-го перцентиля являются полным основанием для установки ограничения роста и развития плода. Рост окружности живота менее чем на 1 см за 2 недели также свидетельствует о FGR (Fetal Growth Restriction).

В настоящее время, при диагностике аномалий плода в качестве дополнения к ультразвуковому исследованию используется МРТ плода. При изучении МРТ-признаков плаценты одноплодных плодов с ограниченным ростом, авторы обнаружили под влиянием патологии у плодов с задержкой роста значительное увеличение объема плаценты. Внешне плацента имела шаровидную форму с увеличением соотношения толщины плаценты к ее объему. Проводя исследования в данной области, авторы пришли к выводу, что внешний вид

плаценты на МРТ способен указать на тяжесть основного патологического процесса при задержке роста плода. Данный вывод основан на том, что при нормальном протекании беременности, объем плаценты увеличивался с увеличением срока беременности, однако у плодов с ограниченным ростом он оставался уменьшенным.

Для того, чтобы избежать риски развития нарушения роста плода, широко рекомендуется постельный режим в больнице или же дома, так как это позволяет осуществлять тщательный мониторинг пациентки, однако необходимо помнить о рисках развития тромбоза и исходя из этого понимать, что постельный режим должен быть сбалансирован и правильно скорректирован. Авторы, проводя исследования, оценили роль постельного режима в нарушении роста плода, сравнив постельный режим с амбулаторным ведением женщин с нарушением роста плода [10]. В результате были выявлены различия в весе плода и весе при рождении в обеих группах, однако разница не была статистически значимой.

На сегодняшний день стало известно, что пищевые добавки матери за счет сбалансированного потребления калорий способны по-разному оказывать воздействие на рост и развитие плода. В ходе исследования было выявлено, что вес плода увеличился на 100–250 г. Авторы научных работ провели плацебо-контролируемое рандомизированное исследование влияния добавок во время беременности декозагексаеновой кислоты на гестационный возраст и размер плода при рождении [12]. Исходя из результатов, авторы пришли к выводу, что пренатальный прием декозагексаеновой кислоты (ДГК) первородящими женщинами может привести к увеличению рождаемости в популяции.

Для того, чтобы преодолеть ишемию плаценты за счет увеличения оксида азота, используется L-аргинин, так как известно, что он способен оказать воздействие, улучшая маточно-плацентарный кровоток, а это, в свою очередь, приводит к расширению сосудов маточных артерий. Авторы научных исследований Neri et al. оценили влияние инфузии субстрата оксида азота, L-аргинина (ARG) на маточно-плацентарное кровообращение в третьем триместре. В своем исследовании трем группам по 9 женщин в каждой вводили 30 г L-аргинина в течение 30 мин. Одна группа служила контролем, а у остальных двух групп отмечалась задержка внутриутробного развития плода, где одна группа была с повышенным сопротивлением маточно-плацентарной циркуляции, а другая – без повышенного сопротивления [14]. Во время проведения исследования, гемодинамических изменений в маточно-пупочном кровообращении обнаружено не было. Авторы обнаружили, что уровни гормона роста, а также нитритов и нитратов в сыроворотке были значительно повышены. Также стало известно о резком снижении резистентности у женщин, у которых задержка внутриутробного развития плода была вызвана повышенной резистентностью.

L-аргинин. Исходя из результатов проведенного исследования, ученые пришли к выводу, что инфузия L-аргинина влияет на маточно-плацентарное кровообращение у женщин с задержкой внутриутробного развития плода из-за повышенной резистентности, что опосредовано высвобождением окисью азота. Rytlewski et al., проводя рандомизированное плацебо-контролируемое двойное слепое клиническое исследование, изучали воздействие перорального приема низких доз L-аргинина на фетоплацентарное кровообращение, биофизический профиль, а также исход новорожденных при преэклампсии.

В данном исследовании проводилась пероральная терапия 3 г L-аргинином в день. Результаты продемонстрировали, что лечение L-аргинином значительно ускоряет набор веса плода, а также улучшает его биофизический профиль. Начиная с 3-й недели терапии, показатели пульсации пупочной артерии были значительно снижены в группе L-аргинина. Новорожденные, которые находились в данной выборке, проявили достаточно высокие баллы по шкале Апгар. На основании результатов исследования было установлено, что дополнительное лечение пероральным L-аргинином благополучно оказывает воздействие на развитие плода и неонатальный исход, а также положительно отражается на продлении беременности, осложненной преэклампсией [16].

Ацетилсалициловая кислота. На сегодняшний день широко изучается использование низких доз аспирина для профилактики и лечения задержки внутриутробного развития и преэклампсии. В ходе проведения исследования, авторы Leitich et al. выполняли метаанализ низких доз аспирина для профилактики задержки внутриутробного развития. Анализ подгрупп в проведенном исследовании показал, что ацетилсалициловая кислота была эффективна при более низких дозах от 50 до 80 мг / день, однако профилактический эффект был больше при более высоких дозах от 100 до 150 мг / день [1]. В заключении, авторы пришли к выводу, что низкие дозы ацетилсалициловой кислоты не следует регулярно применять беременным женщинам. Показания к применению аспирина в низких дозах включают в себя повторную преэклампсию, ранее существовавшую хроническую гипертензию, гипертензию в анамнезе до 20 недель, а также связанные с ними аутоиммунные расстройства, например, такие как СКВ, наличие волчаночно-антикоагулянта и положительный тест на антикардиолипиновые антитела. Во время проведения многоцентрового исследования с целью оценки эффективности низких доз аспирина, которое проводилось при лечении и профилактики развития преэклампсии, отмечалось, что частота задержки внутриутробного развития плода и преэклампсии была значительно снижена у пациентов, которые получали низкие дозы аспирина в профилактических целях до 16 недель беременности.

Препараты гепарина. На сегодняшний день, для профилактики осложнений беременности применяют препараты гепарина. Гепарин обладает антикоагулянтным действием, ингибирует активацию системы комплемента в тканях трофобласта, предотвращая, таким образом, преждевременные роды и невынашивание [3]. Применяют низкомолекулярные (нефракционные) гепарины, так как они безопасней традиционного гемоглобина, не проникают через фето-плацентарный барьер и вызывают меньше осложнений. При длительном применении гепаринов во время беременности и после родов (более 3 месяцев) повышается риск возникновения остеопороза, так как беременность и кормление грудью усиливают обратимую деминерализацию костей у матери. Для предотвращения данного осложнения назначают препараты кальция и витамина D3, а также уменьшают физические нагрузки, прежде всего для профилактики искривления и травматизации позвоночника. После прекращения применения гепаринов увеличивается плотность костей и восстанавливается их структура. Низкомолекулярные гемоглобины, после комплексообразования с АТ III ингибируют фактор Ха (т.е. обладают только анти-Ха активностью), в то время как гепарин с большей молекулярной массой инактивирует и тромбин (анти-IIa) и фактор Ха (анти-Ха). Уменьшение длины цепей гепарина снижает его способность связываться с белками крови, матриксами сосудов, эндотелиальными клетками, макрофагами и тромбоцитами. Это повышает время персистенции низкомолекулярных гемоглобинов в плазме крови больных, обеспечивает более прогнозируемый лечебный эффект назначенной дозировки. Таким образом, кровотечения немногочисленны с небольшим изменением протромбинового времени и активированного частичного тромбопластинного времени [5]. Назначают препараты гепарина один раз в день, в таком случае они снижают риск тромбоцитопении и остеопороза. После применения данных препаратов осложнений у плода не наблюдалось. Эноксапарин 40 мг в сутки подкожно или Далтепарин 5000 ЕД в сутки вводят с момента подтверждения беременности до родов.

Цитрат силденафила. Цитрат силденафила чаще всего применяют для лечения легочной гипертензии, возникающей во время беременности, а также при задержке внутриутробного развития плода, не вынашивания и преждевременных родов. Махарадж и др. изучали механизм действия и эффективность применения цитрата силденафила на хорионические артерии человека *ex vivo* [7]. Артерии хорионической пластинки человека предварительно медикаментозно сужали. После проведения нескольких серий фармакологического исследования были выявлены следующие эффекты: силденафила цитрат ингибирует фосфодиэстеразу – 5 и персистируя в артериях хорионической пластинки плаценты человека вызывает дозозависимое расширение сосудов. Авторы пришли к выводу, что цитрат силденафила расширя-

ет сосуды фетоплацентарного кровообращения посредством цГМФ-зависимого механизма, включающего повышенную чувствительность к закиси азота. Фосфодиэстераза 5 типа является ферментом, обеспечивающим снижение внутриклеточной концентрации циклического нуклеотида – циклического гуанозинмонофосфата (цГМФ), поэтому ее ингибирование приводит к расслаблению гладкомышечных клеток и расширению артерий.

Фон Дадельзен и др. изучали эффективность лечения цитратом силденафила ранней задержки внутриутробного развития плода и коррекции тяжелых случаев ЗВУР [9]. Женщинам, у которых беременность сопровождалась ранним началом задержки внутриутробного развития плода (АС <5-го центиля), либо у которых масса плода после 25 недель гестационного возраста не достигала 600 грамм, предлагали цитрат силденафила по 25 мг три раза в день на весь период беременности, до родов. Авторы обнаружили, что данная концентрация препарата в крови беременной положительно влияет на фето-плацентарный кровоток и состояние плода [11]. Согласно результатам исследования, опубликованного 7 июля в *Obstetrics and Gynecology*, использование у беременных с преэклампсией силденафила цитрата продлевает беременность на 4 дня по сравнению с плацебо. Такой вывод был сделан по результатам анализа, включавшего 100 беременных (одноплодная беременность) с преэклампсией, которые были рандомизированы в две группы: применение перорально 50 мг силденафил цитрата каждые 8 часов или плацебо. Помимо этого, женщины получали метилдопу в дозе 500–1500 мг/день, по необходимости β-адреноблокатор пиндолол 10–30 мг в день и внутривенно гидралазин (5–30 мг). Средний гестационный возраст составил 29,1 неделю в группе силденафила и 29,2 недели в группе плацебо изначально. Проведенный анализ показал, что на фоне силденафила беременность удавалось продлить в среднем на 4 дня больше, чем на фоне плацебо (14,4 дней по сравнению с 10,4 дней). У беременных в основной группе также чаще происходило снижение давления в первые сутки после рандомизации (средний уровень 116,4±5,1 мм рт. ст. vs. 100,3±5,6 мм рт. ст.; $p<0,05$), что не было отмечено в контрольной группе (110,6±6,2 мм рт. ст. vs. 114,7±6,5 мм рт. ст.; $p=0,21$). Помимо этого беременные, получавшие плацебо, чаще нуждались в дополнительной антигипертензивной терапии или увеличении дозы α-метилдопы (58% vs. 32%; $p<0,001$). Необходимо отметить, что исследователи не нашли различий между группами по показателям перинатальной смертности, заболеваемости и развитию нежелательных лекарственных реакций. Стоит заметить, что проводимое ранее исследование на беременных с использованием силденафила продемонстрировало снижение давления у матери, но не пролонгации срока беременности. Авторы считают, что такие различия можно объяснить тем, что в более раннем исследовании была меньшая выборка, лечение проводилось у женщин

с большим сроком беременности (в среднем 31,4 недели) и доза силденафила была меньше (20 мг vs/ 50 мг) [13].

Подсчет ударов плода. Поводом для беспокойства является уменьшение шевеления плода. Его движения подчиняются циркадному ритму и напрямую отражают благополучное состояние. Уменьшение шевеления плода рассматривается как маркер неоптимальных внутриутробных состояний. При нарушении фето-плацентарного кровообращения и снижении кровотока через плаценту у плода развивается гипоксия. На фоне гипоксии включается защитный механизм для снижения потребления кислорода и сохранения энергии, тем самым шевеления плода становятся реже.

Мониторинг сердечного ритма плода. Мониторинг сердечного ритма плода наглядно показывает последовательность изменений, при ухудшении его состояния. Зачастую это проявляется отсутствием ускорения сердцебиения, снижением variability сокращений сердца и его самопроизвольным замедлением [15]. Данные изменения зависят как от гестационного возраста, так и от тяжести задержки внутриутробного развития плода. Физиологическая брадикардия наблюдается у плода на сроке 32 недель. Она не является опасной для его состояния и не имеет негативных последствий в будущем. Патологическая брадикардия наблюдается при ацидозе и гипоксии плода, но не является специфическим симптомом данных состояний.

Аускультация пульса плода. Измеряют пульс у плода только во время родов. В первую очередь пульсометрия необходима для выявления асфиксии и дальнейшего предотвращения перинатальной смерти, а также для выявления нарушений со стороны нервной системы и их профилактики в будущем. Главными признаками асфиксии являются: нерегулярное сердцебиение, тахикардия или брадикардия.

Биофизический профиль. Данный комплекс мероприятий, направленный на исследование поведения плода в утробе матери, проводится с помощью ультразвука, как правило, в третьем триместре беременности. Данная процедура включает нестрессовый тест, мониторинг движений плода, частоту дыхательных движений, сердцебиения, его тонус, объема околоплодных вод и тонуса плаценты. Измерение биофизического профиля необходимо для предотвращения рождения недоношенного ребенка, либо срочного родоразрешения при первых признаках ацидемии. Изменение биофизического профиля в худшую сторону является индикатором ослабления, истощения плода. На начало ацидемии плода указывают следующие изменения: после 32 недель беременности не наблюдается физиологическая брадикардия, а также частота сердечных сокращений маловариабельна, отсутствует диастолический кровоток, при доплерографии пупочной артерии, кроме этого определяются нарушения венозного протока, в виде снижения или отсутствия прямо-

го потока во время сокращения предсердий [17]. Доношенный плод обладает большой способностью переносить гипоксический стресс во время родов. Эта способность существенно снижается при задержке роста плода из-за заметного истощения запасов энергии в печени и подкожных тканях. При гипоксии запасы энергии быстро расходуются, и плод должен переключиться на анаэробный метаболизм для выработки энергии. К сожалению, при анаэробном метаболизме образуется большое количество ионов водорода, и возникает метаболический ацидоз. Таким образом, асфиксия во время родов является основной причиной перинатальной заболеваемости и смертности при задержке роста плода. Поэтому, когда доплерография пупочной артерии показывает отсутствие или обратный диастолический кровоток, показано родоразрешение путем кесарева сечения. У беременных с повышенным сопротивлением в пупочных артериях могут быть предприняты попытки родов через естественные родовые пути под тщательным наблюдением, но у многих из них следует ожидать кесарева сечения.

Пульсоксиметрия плода. Пульсоксиметрия плода представляет собой новый многообещающий метод наблюдения за плодом во время родов. Его преимуществом является не только простота, точность и быстрое время получения данных, но и то, что он дает прямую оценку оксигенации плода и перфузии периферических тканей. Датчики размещают на поверхности кожи, например, на голове или лице плода, при этом установка датчика не представляет трудностей при раскрытии шейки матки более 2 см.

Плацентарная недостаточность является одной из важнейших проблем современного акушерства и перинатологии. По данным различных авторов, частота ее колеблется от 20% до 45% всех беременностей, значительно возрастая при сопутствующей экстра-генитальной патологии. Ключевым звеном в развитии ПН является нарушение маточно-плацентарного и плодово-плацентарного кровообращения, в основе которого заложены патологические морфофункциональные изменения сосудистой системы и отдельных ее компонентов.

Литература

1. Айламазян Э.А., Евсюкова И.И., Кветной И.М. Мелатонин: беременность и роды // Журнал акушерства и женских болезней. – 2014. – Т. 63. – № 2. – С. 67–77.
2. Barchas J, Dacosta F, Spector S. Acute pharmacology of melatonin. *Nature*. 1967; 214:919–920
3. Brzezinski A, Seibel MM, Lynch HJ, et al. Melatonin in human preovulatory follicular fluid. *J Clin Endocrinol Metab*. 1987;64(4):865–867
4. Deter RL, Lee W, Sangi-Haghpeykar H. Fetal growth cessation in late pregnancy: its impact on predicted size parameters used to classify small for gestational age neonates. *J Matern Fetal Neonatal Med*. 2015;28(7):755–765.
5. Fernando S, Wallace EM, Vollenhoven B, et al. Melatonin in assisted reproductive technology: a pilot double-blind randomized placebo-controlled clinical trial. *Front Endocrinol (Lausanne)*. 2018; 9:545.
6. Hobson SR, Gurusinghe S, Lim R, et al. Melatonin improves endothelial function in vitro and prolongs pregnancy in women with early-onset preeclampsia. *J Pineal Res*. 2018;65(3): e12508.
7. Ireland KE, Maloyan A, Myatt L. Melatonin improves mitochondrial respiration in syncytiotrophoblasts from placentas of obese women. *Reproductive Sciences*. 2018;25(1):120–130.
8. Mendez N, Abarzua-Catalan L, Vilches N, et al. Timed maternal melatonin treatment reverses circadian disruption of the fetal adrenal clock imposed by exposure to constant light. *PLoS ONE*. 2012;7(8): e 42713.
9. Okatani Y, Okamoto K, Hayashi K, et al. Maternal-fetal transfer of melatonin in pregnant women near term. *J Pineal Res*. 1998;25:129–134.
10. Reiter RJ, Tan DX, Korkmaz A, Rosales-Corral SA. Melatonin and stable circadian rhythms optimize maternal, placental and fetal physiology. *Hum Reprod Update*. 2014;20(2):293–307. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmt054>.
11. Reiter RJ, Tan DX, Korkmaz A, Rosales-Corral SA. Melatonin and stable circadian rhythms optimize maternal, placental and fetal physiology. *Hum Reprod Update*. 2014;20(2):293–307.
12. Sagrillo-Fagundes L, Clabault H, Laurent L, et al. Human primary trophoblast cell culture model to study the protective effects of melatonin against hypoxia/reoxygenation-induced disruption. *J Vis Exp*. 2016;(113): e54228. <https://doi.org/10.3791/54228>.
13. Silman RE. Melatonin: a contraceptive for the nineties. *Eur J Obstet Gynecol Reprod Biol*. 1993;49(1–2):3–9
14. Spencer RN, Car DJ, David AL. Treatment of poor placentation and the prevention of associated adverse outcomes – what does the future hold? *Prenatal Diagnosis*. 2014;34(7):677–684
15. Tamura H, Takasaki A, Taketani T, et al. Melatonin as a free radical scavenger in the ovarian follicle. *Endocr J*. 2013;60(1):1–13.
16. Valenzuela FJ, Vera J, Venegas C, et al. Circadian system and melatonin hormone: risk factors for complications during pregnancy, obstetrics and gynecology international. *Obstet Gynecol Int*. 2015; 2015:825802.
17. Wurtman RJ, Axelrod J, Potter LT. The uptake of H³-melatonin in endocrine and nervous tissues and the effects of constant light exposure. *J Pharmacol Exp Ther*. 1964;143(3):314–318.

TREATMENT AND DIAGNOSTICS OF FETO-PLACENTAL INSUFFICIENCY

Lebedeva A.M., Ryapova E.I., Lyashenko E.N., Lyashenko A.S.
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Medical academy named after S.I. Georgiyevsky, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Russian Federation

To date, it is known that uteroplacental dysfunction resulting from an insufficient supply of nutrients and oxygen to the fetus is the most common cause of late-onset fetal growth retardation. Currently, an unfavorable demographic situation has developed in the Russian Federation. At the same time, there is a decrease in the health index of women of reproductive age and a steady increase in maternal morbidity. According to the studies, it is known that only about 32% of pregnant women are somatically considered healthy. Current environmental and socio-economic conditions also negatively affect fertility, as well as the ability to bear and give birth to a healthy fetus. The number of chronic gynecological diseases, namely pelvic inflammatory disease, endocrine diseases, endometriosis and infertility, continues to grow steadily.

Keywords: pregnancy, placenta, fetal growth and development retardation, uteroplacental circulation.

References

1. Ailamazyan E.A., Evsyukova I.I., Kvetnoy I.M. Melatonin: Pregnancy and Childbirth // Journal of Obstetrics and Women's Diseases. – 2014. – T. 63. – No. 2. – P. 67–77.
2. Barchas J, Dacosta F, Spector S. Acute pharmacology of melatonin. *Nature*. 1967; 214: 919–920
3. Brzezinski A, Seibel MM, Lynch HJ, et al. Melatonin in human preovulatory follicular fluid. *J Clin Endocrinol Metab*. 1987; 64 (4): 865–867
4. Deter RL, Lee W, Sangi-Haghpeykar H. Fetal growth cessation in late pregnancy: its impact on predicted size parameters used to classify small for gestational age neonates. *J Matern Fetal Neonatal Med*. 2015; 28 (7): 755–765.
5. Fernando S, Wallace EM, Vollenhoven B, et al. Melatonin in assisted reproductive technology: a pilot double-blind randomized placebo-controlled clinical trial. *Front Endocrinol (Lausanne)*. 2018; 9: 545.
6. Hobson SR, Gurusinghe S, Lim R, et al. Melatonin improves endothelial function in vitro and prolongs pregnancy in women with early-onset preeclampsia. *J Pineal Res*. 2018; 65 (3): e12508.
7. Ireland KE, Maloyan A, Myatt L. Melatonin improves mitochondrial respiration in syncytiotrophoblasts from placentas of obese women. *Reproductive Sciences*. 2018; 25 (1): 120–130.
8. Mendez N, Abarzua-Catalan L, Vilches N, et al. Timed maternal melatonin treatment reverses circadian disruption of the fetal adrenal clock imposed by exposure to constant light. *PLoS ONE*. 2012; 7 (8): e 42713.
9. Okatani Y, Okamoto K, Hayashi K, et al. Maternal-fetal transfer of melatonin in pregnant women near term. *J Pineal Res*. 1998; 25: 129–134.
10. Reiter RJ, Tan DX, Korkmaz A, Rosales-Corral SA. Melatonin and stable circadian rhythms optimize maternal, placental and fetal physiology. *Hum Reprod Update*. 2014; 20 (2): 293–307. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmt054>.
11. Reiter RJ, Tan DX, Korkmaz A, Rosales-Corral SA. Melatonin and stable circadian rhythms optimize maternal, placental and fetal physiology. *Hum Reprod Update*. 2014; 20 (2): 293–307.
12. Sagrillo-Fagundes L, Clabault H, Laurent L, et al. Human primary trophoblast cell culture model to study the protective effects of melatonin against hypoxia / reoxygenation-induced disruption. *J Vis Exp*. 2016; (113): e54228. <https://doi.org/10.3791/54228>.
13. Silman RE. Melatonin: a contraceptive for the nineties. *Eur J Obstet Gynecol Reprod Biol*. 1993; 49 (1–2): 3–9
14. Spencer RN, Car DJ, David AL. Treatment of poor placental and the prevention of associated adverse outcomes – what does the future hold? *Prenatal Diagnosis*. 2014; 34 (7): 677–684
15. Tamura H, Takasaki A, Taketani T, et al. Melatonin as a free radical scavenger in the ovarian follicle. *Endocr J*. 2013; 60 (1): 1–13.
16. Valenzuela FJ, Vera J, Venegas C, et al. Circadian system and melatonin hormone: risk factors for complications during pregnancy, obstetrics and gynecology international. *Obstet Gynecol Int*. 2015; 2015: 825802.
17. Wurtman RJ, Axelrod J, Potter LT. The uptake of H3-melatonin in endocrine and nervous tissues and the effects of constant light exposure. *J Pharmacol Exp Ther*. 1964; 143 (3): 314–318.

Оптимизация профессиональной подготовки студентов-медиков с учетом опыта пандемии коронавируса и запросов глобального здравоохранения

Сидорчук Мария Александровна,

студент, Первый московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова
E-mail: maria_M.98@mail.ru

Сегодня во всем мире наблюдается быстрое расширение медицинского образовательного пространства. А это ставит вопросы оценки качества подготовки такого большого количества медиков, лицензирования медицинских вузов, оптимизации учебных программ с учетом запросов глобального здравоохранения.

В статье рассматривается необходимость реформирования системы профессиональной подготовки медиков-студентов с учетом опыта пандемии COVID-19. Использование в здравоохранении преимуществ онлайн-сферы, обучение основам телемедицины и робототехники, укрепление института наставничества, внедрение программ индивидуального мониторинга здоровья и психологической безопасности позволят улучшить качество подготовки студентов-медиков и оптимизировать медицинское профессиональное образование. Глобализация здравоохранения требует сегодня интернационализации медицинского образования, в рамках которой необходимо внедрение единых подходов в обучении, создание всемирного глобального университета здоровья.

Современное медицинское профессиональное образование должно стать важным аспектом готовности кадров здравоохранения и частью более широких стратегических действий по обеспечению готовности к будущим современным вызовам.

Ключевые слова: студенты-медики, COVID-19, профессиональная подготовка, интернационализация образования, глобальное здравоохранение.

Введение

Сегодня из-за пандемии коронавируса во всем мире не хватает медицинских специалистов, и в ближайшем будущем ожидается резкое увеличение количества медицинских вузов и студентов-медиков в разных регионах планеты. Еще до эпидемии количество медицинских школ почти удвоилось за последние два десятилетия. А это ставит вопросы оптимизации профессиональной подготовки студентов-медиков с учетом опыта пандемии коронавируса и запросов глобального здравоохранения.

Поэтому становятся актуальными проблемы, напрямую затронувшие обучение медиков, их карьерные планы и жизнедеятельность в целом.

Проблемы профессиональной подготовки студентов-медиков

Проблема 1: онлайн-обучение студентов-медиков и подготовка в области цифровых технологий

В условиях пандемии обучение 90% студентов-медиков было переведено в онлайн-сферу, а это как дает ряд преимуществ, так и выдвигает ряд трудностей для обучающихся [8,10]. Среди преимуществ можно выделить высокий уровень безопасности, снижение финансовой транспортной нагрузки, удобное планирование рабочего времени, интернационализация образования и др. Но в стратегическом плане недостатки дистанционного обучения медиков гораздо более значимы, чем полученные преимущества. Самое главное-это потеря нужных компетенций и практических навыков при закрытии клинических баз обучения, которые были перепрофилированы в красные зоны и куда доступ студентов был закрыт.

Во-вторых, можно говорить о недостаточной подготовке как самих студентов, так и уже действующих врачей в области цифровых технологий [8]. Только половина российских медиков сегодня свободно владеет коммуникативно-информационными технологиями. Это связано с проблемой почти полного отсутствия школ дополнительного образования для молодых и зрелых людей и кадровой базы преподавателей-андрологов. Кроме того, в самих медицинских учреждениях часто нет цифрового тьютера, в задачи которого входит сопровождение технической стороны деятельности медиков.

Поэтому в медицинских вузах должен быть введен курс подготовки будущих врачей цифровым технологиям, включающим не только владе-

ние персональным компьютером (ПК), но и медицинскими приложениями на гаджетах, обучение основам телемедицины, робототехники и автоматизированных систем. Внедрение инновационных технологий в медицину должно носить опережающий характер, а мы в России очень сильно отстаем от развитых стран. Так, например, сегодня плотность медицинских роботов в Японии составляет 350 роботов на каждые десять тысяч населения, в Германии и США – по 100, а в России – только 1. При этом область применения медицинских роботов с каждым днем все более расширяется. Это и роботы-ассистенты, диагностические роботы, терапевтические и операционные роботы, способные провести вакуумную, лазерную, лучевую, электро- и термотерапию, реабилитационные роботы для массажа, иппотерапии и др. Впечатляющие результаты дает сегодня использование 3D-печати в медицине, например, роботы-биопринтеры, которые печатают живыми клетками, в итоге обеспечивая огромные потребности в индивидуальном протезировании органов.

В некоторых странах в красных зонах при нехватке персонала стали популярны роботы-дезинфекторы и роботы-транспортировщики, которые облегчают работу медицинского персонала в больницах и домах престарелых, доставляя еду и лекарства пациентам. Они сортируют и доставляют таблетки и другие препараты, что позволяет использовать их в уходе за пациентами или в лаборатории с программой ускоренных анализов.

Для решения проблемы диагностирования заболевших коронавирусной инфекцией все чаще стали использовать искусственный интеллект. Например, в Москве с весны 2021 года данные со всех центров компьютерной томографии города стали обрабатываться искусственным интеллектом в едином референс-центре. Это позволит проанализировать за несколько секунд рентгеновские снимки, быстрее выявить патологию, что позволит в итоге сохранить жизнь пациенту.

Последняя новинка – это «врач на расстоянии» (RP-VITA), которого также можно использовать в красных зонах при нехватке врачей. Такой доктор-робот прокладывает путь по больничным палатам с помощью системы лазерных и звуковых датчиков. С его помощью врач виртуально делает обходы или наблюдает за тяжелым больным круглосуточно, находясь в другом месте. При большой загруженности и дефиците общения с больными можно использовать робот-антидепрессант (KIROBO), созданный специально для «живого» общения с человеком, при этом он разговаривает, понимает сказанное и естественно реагирует на вопросы.

Таким образом, все эти автоматизированные системы очень сильно помогают снизить нагрузку на медперсонал, минимизировать контакты медперсонала с больными, что позволяет сохранить здоровье и жизнь людей в белых халатах.

Проблема 2: психологическая безопасность студентов-медиков

Особую роль приобретает в чрезвычайных условиях эпидемии психологическая устойчивость будущих врачей, их умение самостоятельно справиться с психологическими проблемами. Все 100% студентов-медиков, работающих в инфекционных отделениях красной зоны, в условиях постоянного напряжения, малого опыта работы и отсутствии семейной поддержки имели высокий уровень эмоционального выгорания, у них повысился уровень тревожности и агрессии. Большинство из них не могли самостоятельно выявить свои внутренние ресурсы, не владели эффективными психологическими методиками взаимодействия с ковид-пациентами. «53,4% студентов-медиков отметили, что пандемия повлияла на их личное самочувствие, а 51,8% обеспокоены тем, что могут подвергнуться воздействию COVID-19 во время их клинической подготовки» [3].

Поэтому в учебные программы медицинских вузов необходимо внести изучение «технологий психопрофилактики эмоционального выгорания у студентов в экстремальных ситуациях и усилить курс экстремальной медицины» [4]. Психологические знания и навыки должны помочь позитивно смотреть на сложившуюся ситуацию и не паниковать, сохраняя высокую стрессоустойчивость. Кроме того, в профилактике такого нового явления как ковидофобия, может помочь телемедицина и, в частности, телепсихотерапия. «Развитие технологий в области психического здоровья предвещает будущие тенденции, которые включают «умные» мобильные устройства, облачные вычисления, виртуальные миры, виртуальную реальность и электронные игры в дополнение к традиционным инструментам психотерапии» [5].

Развитие телепсихологии и телепсихиатрии связано с подготовкой кадров телемедицины, поэтому такой курс должен быть введен в учебные программы медицинских вузов, в рамках которых студентов обучат цифровым технологиям в области психического здоровья.

Проблема 3: мониторинг здоровья студентов-медиков

Сегодня каждый студент-медик должен быть обучен программам индивидуального мониторинга своего личного физического, психического и социального здоровья. «Большинство студентов-медиков отметили, что COVID-19 повлиял на их физическое (41,3%), социальное (53,4%) и психическое благополучие» [3]. Большая роль при этом принадлежит административным мерам. Это могут быть программы регулирования рабочего времени, снижение рабочей нагрузки на медицинских работников, планирование вознаграждений, предоставление индивидуальных или групповых программ психологического сопровождения, организационные улучшения работы, реабилитационные программы отдыха [7].

В России появились программы отдыха медиков, включая медиков-студентов. Во многих регионах уже действуют бесплатные проекты «Спасибо медикам!», которые объединяют оздоровление

в санаториях переболевших медиков, медицинских работников, оказывающих помощь пациентам с коронавирусом, а также экскурсии в интересные природные места региона.

Проблема 4: интернационализация образования, создание глобального университета здоровья

Глобализация здравоохранения требует сегодня интернационализации медицинского образования, которая должна охватывать все сферы деятельности университетов в области международных отношений между вузами: обучение, исследования, информационно-пропагандистскую деятельность и передачу знаний [7]. При этом студенты-медики должны иметь профессиональный уровень знания иностранных языков, а многие выпускники плохо ими владеют, что затрудняет активную работу в этих сферах, а также планирование совместных дипломов с университетами других стран. Все это приводит в итоге к снижению социальной академической мобильности студентов и преподавателей вузов. Это касается в первую очередь студентов, которые едут учиться за границу самостоятельно либо принимают участие в обменных программах. Для преподавателей это является ключом к росту международных компетенций.

Сегодня мы говорим об обучении в глобальной аудитории, где получают знания студенты с разными культурными традициями и академическими знаниями [7]. В период пандемии, актуальным становится виртуальное образование и содержание обучения должно быть адаптировано к увеличению количества студентов разных стран в виртуальной аудитории. Последняя тенденция – это Массивный Интернет Открытые курсы (MOOC). А участие в международных исследованиях с помощью Международной исследовательской сети повышает доступ к финансированию и возможности публикаций высокого качества.

Будущее глобализации медицинского образования за созданием университета мирового класса – «университета, который демонстрирует выдающиеся результаты в области исследований, генерирует передовые инновации и развивает всемирный талант» [7]. Но создание филиала такого университета в России обязательно должно учитывать выдающиеся достижения российской медицины, развивая традиции советской медицинской школы.

Проблема 5: проблема наставничества в медицинском образовании

Сегодня нужно говорить о возвращении к школе наставничества и создании Института наставничества XXI века, который должен тиражировать лучшие международные практики в области образования. С 2018 года в России проводится форум, направленный на развитие профессиональной среды наставничества.

В медицине это бы значительно ускорило адаптацию неопытной молодежи к новым условиям

трудового коллектива. В реальной жизни инициатива получения новых компетенций исходит сегодня от студента-медика, а не от более опытного врача, который индивидуально решает – помочь студенту или нет. В будущем мир пойдет по пути создания онлайн-наставника с функциями искусственного интеллекта.

Актуальнейшим вопросом является наставничество в высших учебных заведениях как часть общей программы по работе с выпускниками. Во многих вузах уже сами выпускники выступают в роли наставников для студентов, что позволяет эффективнее планировать свое карьерное развитие после выпуска. Но для развития наставничества должны выделяться ресурсы и наставники должны получать четко определенное облегчение рабочей нагрузки для поддержки подопечных, признание карьеры и вознаграждение за свою важную работу

Таким образом, перед нами стоит задача создания компетентностной модели наставника в медицине, в функции которого должны входить не только передача профессионального опыта молодым, но и выявление и развитие их потенциала.

Проблема 6: различия в подходах к образованию в России и за рубежом

Различия в подходах к образованию являются препятствием для интернационализации современного медицинского образования, что не позволяет делать единые оценки качества обучения в России и за рубежом.

Поэтому для сглаживания таких подходов и дальнейшего совершенствования системы медицинского образования в РФ необходимо сопоставление накопленного национального опыта с опытом развитых стран.

Так, например, сравнивая США и РФ, можно выделить основные различия «в структуре системы медицинского образования, в содержании образования и нагрузке для каждого обучающегося, в условиях получения медицинского образования и уровня предварительной подготовки» [6].

Кроме того, можно отметить такие моменты, влияющие на качество обучения, как разное построение учебного материала в учебниках, разные подходы в изучении заболеваний, есть различия в проходимых диагнозах и клинических рекомендациях к лечению, что в итоге приводит к различиям в клиническом мышлении.

Российские ученые отмечают, что международная интеграция должна проходить «в разумном сочетании фундаментальной, общепрофессиональной и специальной составляющих содержания высшего медицинского образования. При этом надо не «смахнуть со стола» уникальные организационно-методические достижения отечественной высшей медицинской школы, обеспечивавшие в течение долгого времени её беспрецедентную эффективность – то есть высокий уровень квалификации и отдачи медицинских кадров при крайне ограниченном их финансировании. Суть

процесса в создании организационных, экономических и юридических предпосылок для свободного перемещения всех носителей академических ценностей – студентов, преподавателей, исследователей – в пределах общего образовательного пространства» [9].

Для сглаживания таких проблем необходимо внедрение единых подходов в обучении, более гибкие учебные программы по запросам глобального здравоохранения. Например, в Германии был внедрен по запросу студентов-медиков инновационный обучающий проект, где в учебные программы были интегрированы планы пандемии, особенно в такие курсы, как общественное здравоохранение [1].

Таким образом, необходимо предоставлять возможности студентам-медикам для вовлечения их в реформирование системы обучения.

Проблема 7: участие студентов в клинической помощи в красных зонах

Сегодня это по-прежнему дискуссионный вопрос в медицинских вузах разных стран. Некоторые школы запрещают любое взаимодействие с пациентами студентам-медикам с учетом потенциального риска распространения инфекции COVID-19 и нехватки в медучреждениях средств индивидуальной защиты, в то время как другие набирают студентов для работы в больницах или даже выпускают студентов-медиков раньше, чтобы они могли служить передовыми клиницистами. В последнем случае такие медицинские школы предлагают студентам клинические возможности, которые принесут пользу лечению пациентов и потенциально помогут предотвратить нехватку кадров. Исследования показали, что «60% студентов согласились помочь в больницах во время пандемии. Кроме того, большинство респондентов (69,6%) сообщили, что пандемия повлияла на график программы обучения» [3]. В настоящее время, например, две крупнейшие медицинские ассоциации США (MSC и ААМС) опубликовали «рекомендации по участию студентов-медиков в волонтерской деятельности в глобальных усилиях по обеспечению наилучшего ухода за пациентами с COVID-19. При этом они должны пройти соответствующее обучение, не предпринимать никаких действий, выходящих за рамки их компетенции, и получать постоянный контроль от медицинских факультетов» [4].

Во многих странах тысячи студентов-медиков добровольно предложили свои услуги для поддержки борьбы с пандемией коронавируса. Мотивация студентов-медиков играет решающую роль для такого волонтерства. Помимо преимуществ для пациентов и системы здравоохранения, одновременно укрепляются такие важные ценности, как альтруизм, служение во время кризиса и солидарность с профессией. При этом необходимо усилить морально-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание студентов медицинских вузов. Примером служения профессии долж-

ны стать 115 тысяч врачей по всему миру, погибших в борьбе с пандемией.

Заключение

Пандемия коронавируса высветила целый комплекс проблем обучения и профессиональной подготовки студентов-медиков от обучения в онлайн-пространстве до интернационализации образования и создания глобального университета здоровья.

Сегодня мировое медицинское сообщество идет по пути проблемного обучения (PBL) студентов-медиков, которое основано на убеждении, что «обучение наиболее эффективно, когда студенты активно вовлечены и учатся в контексте, в котором эти знания должны быть использованы» [2].

При этом медицинское образование начала 21 века должно быть ориентировано стратегически на будущее, когда «врачи завтрашнего дня будут применять знания и применять навыки, которые в настоящее время не предвидятся», а это говорит о необходимости непрерывности профессионального обучения медиков в течение всей жизни [2].

Стратегия проблемного обучения также выдвигает и перед преподавательским составом ряд проблем, связанных с реформированием их профессиональной подготовки в рамках создания единого глобального университета здоровья.

Таким образом, сегодня остро стоит проблема подготовки компетентных кадров для здравоохранения с учетом уроков пандемии и важности человеческих ресурсов в рамках укрепления глобального здоровья, что до сих пор не получило должного признания в политике здравоохранения.

Литература

1. Kreitlow A. Support for global health and pandemic preparedness in medical education in Germany: Students as change agents/Health Planning and Management. 2021.<https://doi.org/10.1002/hpm.3143>
2. Matthew C.E. Gwee. Problem-based Learning in Medical Education: Curriculum Reform and Alignment of Expected Outcomes // <https://www.encyclopedia.com/>
3. Miller D. The Role of Medical Students During the COVID-19 Pandemic / Ann Intern Med. 2020. <https://doi.org/10.7326/M20-1281>
4. Tempiski P. Medical students' perceptions and motivations during the COVID-19 pandemic / Plos. 2021. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248627>
5. The Psychological and Social Impact of Covid-19: New Perspectives of Well-Being Front. Psychol., 02 October 2020. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.577684>
6. Петрушин М.А. Сравнительный анализ систем медицинского образования России и США// Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2019. Т. 9. № 10. С. 473.

7. Сидорчук М.А. Анализ программ постковидной реабилитации: проблемы и векторы развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Естественные и технические науки» № 1, 2021. С. 210–215.
8. Тарасова Н.В., Пастухова И.П. Как влияет сейчас и повлияет в перспективе перевод образовательного процесса в дистанционный режим на образовательные результаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (дата обращения: 25.06.2021)
9. Чурилов Л.П., Строев Ю.И и др. Российское и зарубежное медицинское образование // Аккредитация в образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://akvobr.ru/rossiiskoe_i_zarubezhnoe_meditsinskoe_obrazovanie.html (дата обращения 25.06.21).
10. Цифровизация образования в России и мире // Аккредитация в образовании. № 98. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://akvobr.ru/cifrovizaciya_obrazovaniya_v_rossii_i_mire.html (дата обращения: 26.05.2021).

OPTIMIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING OF MEDICAL STUDENTS TAKING INTO ACCOUNT EXPERIENCE OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC AND GLOBAL HEALTHCARE REQUESTS

Sidorchuk M.A.

First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov

Today, there is a rapid expansion of the medical education space around the world. And this raises the questions of assessing the quality of training for such a large number of doctors, licensing medical universities, optimizing curricula, taking into account the needs of global health care.

The article discusses the need to reform the system of professional training of medical students, taking into account the experience of the COVID-19 pandemic. Using the advantages of the online sphere in healthcare, teaching the basics of telemedicine and robotics, strengthening the mentoring institution, introducing individual health monitoring and psychological safety programs will improve the qual-

ity of training for medical students and optimize medical professional education. The globalization of healthcare today requires the internationalization of medical education, within the framework of which it is necessary to introduce unified approaches in teaching, the creation of a world global university of health.

Modern medical professional education should be an important aspect of health workforce preparedness and part of broader strategic preparedness for today's future challenges.

Keywords: medical students, COVID-19, vocational training, internationalization of education, global health.

References

1. Kreitlow A. Support for global health and pandemic preparedness in medical education in Germany: Students as change agents / Health Planning and Management. 2021. <https://doi.org/10.1002/hpm.3143>
2. Matthew C. Problem-based Learning in Medical Education: Curriculum Reform and Alignment of Expected Outcomes // <https://www.encyclopedia.com/>
3. Miller D. The Role of Medical Students During the COVID-19 Pandemic / Ann Intern Med. 2020. <https://doi.org/10.7326/M20-1281>
4. Tempski P. Medical students' perceptions and motivations during the COVID-19 pandemic / Plos. 2021. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248627>
5. The Psychological and Social Impact of Covid-19: New Perspectives of Well-Being Front. Psychol., 02 October 2020. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.577684>
6. Petrushin M.A. Comparative analysis of medical education systems in Russia and the United States // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2019. T.9. No. 10. P.473.
7. Sidorchuk M.A. Analysis of post-ovarian rehabilitation programs: problems and vectors of development // Modern science: actual problems of theory and practice. Series "Natural and technical sciences" No. 1, 2021. P. 210–215.
8. Tarasova N.V., Pastukhova I.P. How does the transfer of the educational process to a distance mode affect educational results now and will affect in the future [Electronic resource]. – Access mode: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (date accessed: 25.06.2021)
9. Churilov LP, Stroyev YI et al. Russian and foreign medical education // Accreditation in education [Electronic resource]. – Access mode: https://akvobr.ru/rossiiskoe_i_zarubezhnoe_meditsinskoe_obrazovanie.html (date of treatment 06/25/21).
10. Digitalization of education in Russia and the world // Accreditation in education. No. 98. 2018 [Electronic resource]. – Access mode: https://akvobr.ru/cifrovizaciya_obrazovaniya_v_rossii_i_mire.html (date of access: 05/26/2021).

Зависимость морфофизиологического состояния младших школьников от типа телосложения

Куланина Светлана Вадимовна,

старший преподаватель кафедры биологии и химии,
Елабужский институт, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
E-mail: svetlanak2002@mail.ru

Оценка уровня физического развития детей приобретает в настоящее время особое значение, являясь одним из основных показателей здоровья будущих поколений. Многими исследованиями установлена ассоциированность состояния здоровья и физического развития детей школьного возраста. Каждое образовательное учреждение помимо решения педагогических задач должно соотносить учебную нагрузку и методы преподавания с возрастными морфофункциональными особенностями детей, содействовать охране и укреплению их здоровья. Переход к систематическому обучению в условиях школы предъявляет новые требования к организму ребенка. Одним из важнейших условий перестроек адаптивного характера в ответ на эти требования является определенная степень зрелости основных физиологических систем. Значение исследований по физиологии развития детей определяется одной из важных целей нашего общества, а именно всесторонним развитием гармонически развитого поколения, требующим разработки теоретически обоснованных методов охраны здоровья, воспитания и обучения, которые должны опираться на возрастную физиологию. В данной статье представлены результаты оценки отдельных показателей морфофизиологического состояния младших школьников 7–10 лет.

Ключевые слова: морфофункциональное развитие, школьники, типы телосложения, морфологические и физиологические показатели.

Процесс развития организма происходит в течение всей жизни человека, но наиболее интенсивен он в детском и подростковом возрасте.

Изучение морфологических показателей детей младшего школьного возраста имеет научно-практическое значение для организации учебного процесса. В области изучения морфологических показателей детей школьного возраста работали советские и российские ученые [1, 2, 4, 6].

Физическое развитие – это динамический процесс, характеризующий процессы роста и развития ребенка в настоящее время (в данный момент), которые рассматриваются как один из основных и информативных критериев здоровья детского населения. Этот критерий является ведущим критерием состояния здоровья подрастающего поколения, будущее нации требует систематического наблюдения. В настоящее время общепризнано, что физическое развитие является одним из ведущих показателей здоровья. Гармоничное сочетание показателей характеризует нормальное развитие. Важно отметить, что физическое развитие подчиняется биологическим законам и отражает общие закономерности роста и развития [5].

Знание физиологии развития здорового ребенка послужит основой для решения ряда актуальных задач медицины и педагогики. На базе этих знаний могут быть разработаны мероприятия по охране здоровья, введению правильного и адекватного режима дня, научно обоснованной организации учебно-воспитательного процесса с учетом функциональных возможностей в различные возрастные периоды [3].

В работе использовались данные, полученные в результате изучения морфофизиологических показателей детей младшего школьного возраста МБОУ «Средняя школа № 10» ЕМР РТ и МБОУ «Красногорская СОШ» Мамадышского района.

В ходе работы исследованию были подвергнуты 42 школьника в зависимости от принадлежности классу, возрасту и полу (возраст обучающихся 7–11 лет).

При исследовании типа соматической классификации М.В. Черноуцко и В.Г. Штефко участвовали 1–5 классы МБОУ «Средняя школа № 10» ЕМР РТ и МБОУ «Красногорская СОШ».

За период исследований соблюдались принципы аналогов и различий.

Для изучения морфологических показателей детей младшего школьного возраста пользовались общепринятыми методами.

Измерения кровяного давления проводились с помощью аппарата Короткова. Надев на плечо испытуемого резиновую полую манжету, в нее нагнетали воздух до тех пор, пока плечевая артерия не окажется сдавленной настолько, что кровь по ней перестает проходить. Затем постепенно выпускали воздух из манжеты. В тот момент, когда кровь начнет проходить через плечевую артерию, кровяное давление равно давлению воздуха в манжете.

Частота пульса характеризует частоту сердечных сокращений, и она измерялась в области кисти путем прижатия пальцем артерии, расположенной под кожей, и определялась в течение одной минуты.

Частота дыхания определялась путем подсчета дыхательных движений во время вдоха и выдоха. У девочек определялась по колебанию груди в течение одной минуты. А у мальчиков констатировались по движению живота.

Температура тела у детей младшего школьного возраста измеряли с помощью ртутного термометра. Термометр держался в течение пяти минут в области подмышечного пространства.

Рост измерялся с помощью ростомера. А показатели «длина ноги», «длина руки», «тазовый диаметр» измерялись с помощью метровой ленты.

В результате исследований, проведенного среди школьников с первого по пятый класс, выявили, учащиеся пятого класса нарушениями осанки различной степени страдают 50%, миопией 8,3%, функциональными шумами – 16,6%.

Процент полностью здоровых детей оставляет желает лучшего. Особенно ярко выражено увеличение количества болеющих детей в 1 классе. Также встречаются заболевания, не характерные для данного возраста: энурез, кардиопатия.

Исходя из результатов исследования видно, что почти 50% детей имеют ту или иную степень сколиоза. Также часто встречаются миопия и другие заболевания, связанные со зрением.

Длина тела, длина ноги, длина руки, плечевой диаметр у детей находится в пределах физиологической нормы.

Пропорция тела: отношение длины ноги к длине тела, отношение длины руки к длине туловища, отношение плечевого диаметра к длине тела, отношение длины туловища к длине руки, отношение длины руки к длине ноги и отношение тазового диаметра к плечевому диаметру составили у мальчиков: 61,8%; 43,8%; 28,2%; 76,5%; 70,0%; 97,9%, а у девочек соответственно: 63,05; 45,2; 27,5; 72,9; 71,7; 99,5.

Частота пульса у детей младшего школьного возраста зависит от самочувствия, поведения ребенка. Частота дыхания у школьников восьми и одиннадцатилетнего возраста колебалась от 19 до 24 в минуту. При измерении температуры тела у детей наблюдались различные показания, например, 36,3 С° или 36,8 С°.

За период исследования детей младшего школьного возраста их артериальное давление в среднем составляло: 100/70.

Средние показатели восьмилетних школьников следующие: у мальчиков длина тела – 135 см, длина ноги – 75 см, длина руки – 56 см, плечевой диаметр – 42 см, тазовый диаметр – 38,5 см. А у девочек: длина тела – 140 см, длина ноги – 87 см, длина руки – 56 см, плечевой диаметр – 41 см, тазовый диаметр – 40 см. У школьников одиннадцати лет: длина тела – 148 см, длина ноги – 92 см, длина руки – 68 см, плечевой диаметр – 40 см, тазовый диаметр – 41 см.

Исходя из показателей обследуемых школьников наглядно видно, что рост тела школьников закономерно повышается. За весь период исследований достоверных различий по этому показателю не установлено. Однако следует отметить, что рост мальчиков третьего и пятого класса на несколько сантиметров выше, чем у их сверстников – девочек.

По массе тела мальчики всегда превосходили своих сверстников-девочек.

Длина позвоночника у мальчиков младшего школьного возраста меньше, чем у девочек этого возраста. Однако по этому показателю мальчики пятого класса превосходили сверстниц.

По длине верхней конечности мальчики третьего класса превосходили своих сверстников-девочек.

По длине нижней конечности существенных различий между мальчиками и девочками не установлены. Однако обращает на себя внимание дети третьего класса. Среди них мальчики преобладали над девочками по этому показателю, разница достоверная.

По высоте и ширине головы между различными половозрастными группами детей младшего возраста достоверных различий не установлены.

Следует отметить, что мальчики второго класса превосходили своих ровесников по ширине головы. Между детьми этого класса (мальчиками и девочками) установлены достоверные различия.

По окружности грудной клетки во время вдоха и выдоха существенных различий между классами и детьми – мальчиками и девочками не установлены. Однако и в данном случае дети третьего класса имели более высокие показатели. В остальных случаях по окружности грудной клетки как во время вдоха, так и выдоха существенных и достоверных различий не установлено.

По физиологическим показателям среди детей младшего школьного возраста резких отличительных особенностей не выявлены.

Однако следует отметить, что дети пятого класса по частоте сердечных сокращений отличались от других детей. Обращает на себя внимание мальчики, которые имели высокие показатели по частоте пульса.

Как показали проведенные исследования, среди обследуемых школьников выделяются устойчивые группы. Полученные результаты свидетель-

ствуют о том, что дети, живущие в условиях города отличаются по морфофизиологическим признакам от сверстников, живущих в сельской местности.

В результате проведенных исследований определено, что среди обследуемых школьников-елабужан встречаются дети с различными типами телосложения. Самым распространенным является торакально-мышечный или нормостенический тип телосложения.

Согласно классификации Черноуцкого М.В. среди школьников преобладают нормостенический тип телосложения. А по классификации В.Г. Штефко среди школьников-елабужан – астенический тип, среди обучающихся Красногорской школы – мышечный тип.

Несовпадение данных, полученных с помощью различных классификаций у елабужских школьников связано, по-видимому, с тем, что оценка телосложения с помощью классификации Штефко В.Г. является визуальной и в графу Т (торакальный тип) могут попадать и смешанные варианты типа А-Т (астеноидно-торакальный) и МТ (мышечно-торакальный), а в графу М (мышечный тип) – МД (мышечно-дигестивный) и ТМ (торакально-мышечный).

Знание «сильных и слабых» сторон каждого из конституциональных типов необходимо учитывать во многих ситуациях, сопряженных с мышечной активностью, поэтому следует больше акцентировать внимание на индивидуальных особенностях человека в физическом воспитании. Понимание конституциональных особенностей развития мышц важно так же для теоретического осмысления закономерностей онтогенеза.

В результате проведенного исследования получены следующие данные:

1. Абсолютные размеры признаков и пропорций тела на 3,55 больше у девочек были больше, чем у мальчиков.

2. Из физиологических показателей: частота пульса у детей восьмилетнего возраста колебалась от 66 до 78 ударов в минуту, а у детей девятилетнего возраста этот показатель составил – от 55 до 72 удара в минуту. В последующих периодах роста и развития: десятилетием и одиннадцатилетнем возрасте частота пульса колебалась в пределах 60–72 ударов в минуту.

3. Частота дыхания у детей восьмилетнего возраста колебалась от 22–24 в минуту, в десятилетнем возрасте – от 19 до 23 в минуту, а в десяти- и одиннадцатилетнем возрастах – от 19 до 21 в минуту.

4. Температура тела у школьников была в пределах физиологических норм 36,2 С° – 36,5 С°.

5. Систолическое и диастолическое давление у детей младшего школьного возраста составляло 100/70.

6. Пропорции и длина тела у школьников увеличивается и соответственно увеличивается длина верхней и нижней конечности, а также увеличиваются плечевой и тазовый диаметр.

7. За период наблюдений и исследований по массе тела мальчики третьего класса достоверно превосходили своих ровесников-девочек.

8. Длина верхней и нижней конечности у мальчиков третьего класса была достоверно выше, чем у сверстников-девочек.

9. По ширине головы мальчики второго класса превосходили своих ровесниц.

10. По физиологическим показателям среди детей младшего школьного возраста – различных классов достоверных различий не установлено. Следует указать, что мальчики по частоте сердечных сокращений имели высокие показатели, причем были установлены достоверные различия.

11. По остальным морфологическим и физиологическим показателям среди детей различных классов достоверная разница не установлена.

Исходя из вышеприведенных данных, можно предположить, что при составлении учебных и физических нагрузок школьников необходимо учитывать их морфологические показатели.

Также в общеобразовательных школах и других учебных учреждениях рекомендуется иметь морфофизиологические карты детей школьного возраста, которые можно использовать при планировании умственных и физических нагрузок.

Литература

1. Антропова М.В. Работоспособность учащихся и ее динамика в процессе учебной и трудовой деятельности / М.В. Антропова. – М., 1968. – 232 с.
2. Безруких М.М. Возрастная физиология (Физиология развития ребенка). Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М.М. Безруких, В.Д. Сонькин, Д.А. Фарбер. – М.: Академия, 2003. – С. 367–382.
3. Безруких М.М. Физиология развития ребенка / М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. – М., 2018. – 420 с.
4. Козлов В.И. Основные теоретические предпосылки изучения физиологии развития ребенка / В.И. Козлов, Д.А. Фарбер // Биологический возраст и возрастная периодизация. – М., 1977. – С. 5.
5. Руденко Н.Н. Физическое развитие и состояние здоровья школьников Санкт-Петербурга по данным автоматизированного комплекса диспансерного обследования: дис. ... канд. мед. наук: 14.01.08. СПб., 2010. 157 с.
6. Хрипкова А.Г. Возрастная физиология и школьная гигиена. Пособие для студентов педагогических институтов / А.Г. Хрипкова, М.В. Антропова, Д.А. Фарбер. – М.: Просвещение, 1990. – 319 с.

THE DEPENDENCE OF THE MORPHOPHYSIOLOGICAL STATE OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN ON THE TYPE OF PHYSIQUE

Kulanina S.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The assessment of the level of physical development of children is currently of particular importance, being one of the main indicators of the health of future generations. Many studies have established the association of the state of health and physical development of school-age children. In addition to solving pedagogical tasks, each educational institution should adapt the educational load and teaching methods to the age-related morphofunctional characteristics of children, promote the protection and strengthening of their health. The transition to systematic learning in school conditions imposes new requirements on the child's body. One of the most important conditions for adaptive rearrangements in response to these requirements is a certain degree of maturity of the main physiological systems. The importance of research on the physiology of children's development is determined by one of the important goals of our society, namely, the comprehensive development of a harmoniously developed generation, which requires the development of theoretically justified methods of health protection, education and training, which should be based on age-related physiology. This article presents the results of the assessment of individual indicators of the morphophysiological state of younger schoolchildren aged 7–10 years.

Keywords: morphofunctional development, schoolchildren, body types, morphological and physiological indicators.

References

1. Antropova M.V. The working capacity of students and its dynamics in the process of educational and labor activity / M.V. Antropova – M., 1968–232 p.
2. Bezrukikh M.M. Age physiology (Physiology of child development). Study guide for students. higher educational institutions / M.M. Bezrukikh, V.D. Sonkin, D.A. Farber. – M.: Academy, 2003. – p. 367–382.
3. Bezrukikh M.M. Physiology of child development / M.M. Bezrukikh, D.A. Farber. – M. 2018. – 420 p.
4. Kozlov V.I. Basic theoretical background of the study of physiology of child development / V.I. Kozlov, D.A. Farber // Biological age and age periodization. – M., 1977. – S. 5.
5. Rudenko N.N. Physical development and health status of students from St. Petersburg according automated complex medical examination: dis. kand. med. science: 14.01.08. SPb., 2010. 157 p.
6. Khripkova A.G. Age physiology and school hygiene. Manual for students of pedagogical institutes / A.G. Khripkova, M.V. Antropova, D.A. Farber. – M.: Prosveshchenie, 1990. – 319 p.

Улучшение вертикального баланса у детей с ДЦП при занятиях на лыжах и роликовых коньках на примере программы «Лига Мечты»

Махмудова Алевтина Искандаровна,

выпускник-магистр, соискатель, Всероссийский научно-исследовательский институт физической культуры и спорта
E-mail: alevtinaclimber@mail.ru

В данной статье на основании особенностей построения программы «Лига Мечты» определены основные направления улучшения вертикального баланса у детей с ДЦП при занятиях на лыжах и роликовых коньках по программе «Лига Мечты». На данный момент времени восстановительные методики для детей с ДЦП довольно разнообразны и с каждым годом их число продолжает увеличиваться. Показано, что медико-социальные результаты используемых методик улучшения вертикального баланса, зачастую, не дают положительного результата, что обуславливает актуальность дальнейших разработок в этой области. Одним из современных методов улучшения вертикального баланса у детей с ДЦП являются занятия на лыжах и роликовых коньках. Цель статьи – определить необходимость проведения занятий на лыжах и роликовых коньках по программе «Лига Мечты» для улучшения вертикального баланса у детей с ДЦП.

Ключевые слова: детский церебральный паралич, вертикальный баланс, занятия на лыжах и роликовых коньках, программа «Лига Мечты».

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что во время развития у людей происходит процесс формирования двигательных стереотипов: у здоровых детей происходит становление физиологических поз и движений, а у ребенка с ДЦП патологических установок и движений. Занятия на лыжах и роликовых коньках предусматривают комплексную реабилитацию детей с ДЦП, так как происходит выполнение довольно трудных движений во время активного участия сознания. У детей с ДЦП есть трудности в устойчивом контроле за положением тела и движениями. На основании этого для улучшения вертикального баланса у детей с ДЦП следует применять занятия на лыжах и роликовых коньках.

Цель работы состоит в анализе улучшения вертикального баланса у детей с ДЦП при занятиях на лыжах и роликовых коньках на примере программы «Лига Мечты».

Итоги исследования и их обсуждение

«Лига Мечты» – является программой действенной реабилитации, а помимо этого социализации людей с ДЦП, аутизмом и иными ограниченными возможностями при помощи занятий на лыжах, роликовых коньках и командных игр.

Рассмотрим особенности программы «Лига Мечты». С 2014 г. НПЦ детской психоневрологии проводит научные исследования, на основании которых подтверждена терапевтическая эффективность занятий на лыжах и роликовых коньках с позиции доказательной медицины. Эффективность занятий для улучшения вертикального баланса у детей с ДЦП при занятиях на лыжах и роликовых коньках, помимо этого, подтвердили сотрудники ГАУ «НПЦ медико-социальной реабилитации инвалидов» ДСЗН г. Москвы. Программу «Лига Мечты» внедрили в программу реабилитации данного Центра.

Все инструкторы программы «Лига Мечты» проходят курс специализированной подготовки, утвержденной ВНИИФК и Министерством спорта РФ. По итогам успешного прохождения Курса инструкторы получают соответствующий сертификат государственного образца. Инструкторы программы «Лига Мечты» каждого ребенка формируют персональную программу, которая позволяет проводить улучшения вертикального баланса [1].

Занятия на лыжах и роликовых коньках при реабилитации ДЦП, не только, контролируемые инструкторами, позволяют улучшить состояние ре-

бенка. Многозадачность упражнений при реабилитации помогают задействовать не только физическое, но и психологическое здоровье ребенка, он начинает мыслить, активизируется ЦНС, улучшается двигательная деятельность.

Структурно-логическая схема выбора эффективности упражнения у детей с нарушением физической активностью (ДЦП) представлена на рисунке 1 [2].

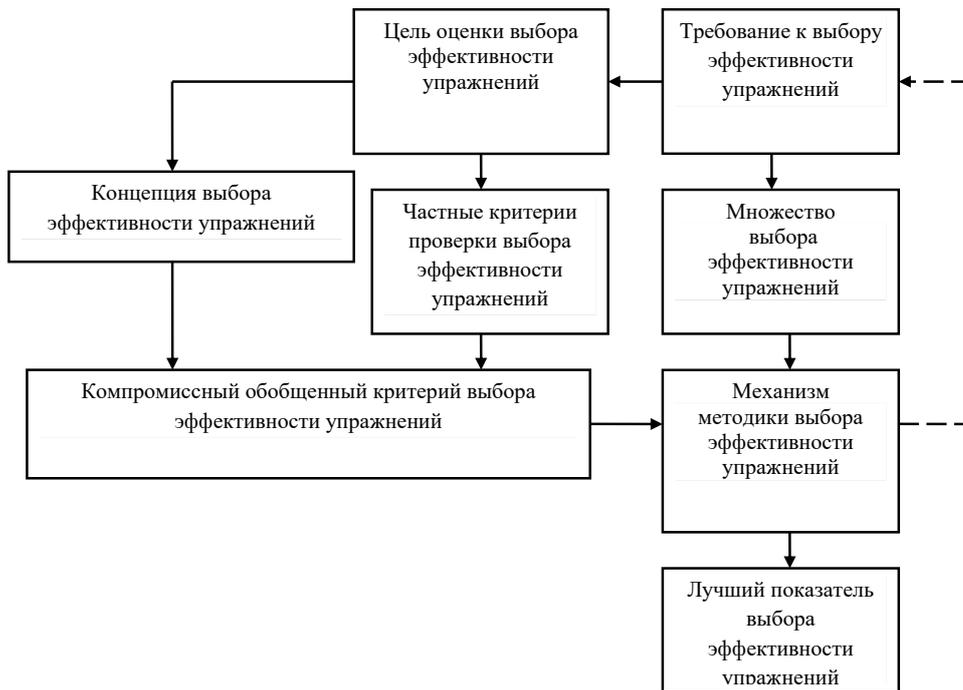


Рис. 1. Структурно-логическая схема выбора эффективности упражнения у детей с нарушением физической активностью (ДЦП)

Эффективность физических упражнений после ДЦП определить можно с помощью интегрального показателя достаточности, состоящего из линейной комбинации оценок по отдельным критериям с вектором коэффициентов по формуле [2]:

$$Z_i = \sum_{j=1}^m b_j \cdot \beta_j(x_{ij}) \quad (1)$$

где β_j – ХФ (Характеристическая Функция) «ценности» для j -го критерия.

ХФ «ценности» $\beta_j(x_{ij})$ определяет относительную ценность рассматриваемого i -го варианта на оси j -го критерия по сравнению с заданным уровнем достаточности.

Вычисление ХФ $\beta_j(x_{ij})$ производится по формуле [2]:

$$\beta_j(x_{ij}) = \begin{cases} 1 - \left| \frac{x_{Bj} - x_{ij}}{DX_j} \right|^{g_j+d_j}, & x_{ij} < x_{Hj} \\ 1 - \left| \frac{x_{Bj} - x_{ij}}{DX_j} \right|^{g_j}, & x_{Hj} \leq x_{ij} \leq x_{Bj} \\ 1, & x_{ij} > x_{Bj} \end{cases} \quad (2)$$

где γ_j – показатель, определяющий характер изменения ХФ в интервале.

Выводы

1. Анализ программы «Лига Мечты» показывает, что с каждым годом количество участников программы, страдающих ДЦП, ставится все больше и больше.

Из года в год возрастает количество детей с ДЦП, которым необходима помощь в улучшении вертикального баланса, но в то же время новейшие методики продолжают появляться.

2. При постоянных занятиях на лыжах и роликовых коньках по программе «Лига Мечты», значительно улучшаются функции внутренних органов, психоэмоциональное состояние ребенка, происходят улучшения в вертикальном балансе.

Литература

1. Методические рекомендации по обучению инструкторов по горнолыжному спорту, для работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья: ДЦП, Аутизм, синдром Дауна, слабодвижные / Автономная некоммерческая организация «Центр социальной помощи и адаптации для людей с диагнозом ДЦП и другими ограниченными возможностями здоровья АНО «ЦСПА «ЛыжиМечты» С. Белоголовцева», «Национальная Лига Инструкторов». – Москва, 2014. – 26 с.
2. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенного решения. М.: «Мир», 1976. – 165 с.

IMPROVING THE VERTICAL BALANCE IN CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY DURING SKIING AND ROLLER SKATING ON THE EXAMPLE OF THE DREAM LEAGUE PROGRAM

Makhmudova A.I.

All-Russian Research Institute of Physical Culture and Sports

In this article, based on the peculiarities of building the Dream League program, the main directions of improving the vertical balance in children with cerebral palsy during skiing and roller skating under the Dream League program are determined. At this point in time, restorative techniques for children with cerebral palsy are quite diverse and every year their number continues to increase. It is shown that the medical and social results of the methods used to improve the vertical balance often do not give a positive result, which determines the relevance of further developments in this area. One

of the modern methods of improving the vertical balance in children with cerebral palsy is skiing and roller skating. The purpose of the article is to determine the need for skiing and roller-skating classes under the Dream League program to improve the vertical balance in children with cerebral palsy.

Keywords: infantile cerebral palsy, vertical balance, skiing and roller-skating, Dream League program.

References

1. Methodological recommendations for training instructors in alpine skiing for working with people with disabilities: cerebral palsy, Autism, Down syndrome, visually impaired / Ski Dreams «S. Belogolovtsev», «National League of Instructors». – Moscow, 2014. – 26 p.
2. Zade L.A. The concept of a linguistic variable and its application to making an approximate decision. – Moscow, 1976. – 165 p.

Тенденции развития профессионального спорта в Москве (на примере Московской федерации футбола)

Руссу Ольга Николаевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры «Физической культуры»,
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: olga.nik.russu@mail.ru

Алексеева Ольга Владимировна,

ст. преподаватель кафедры «Физического воспитания
и здоровья», Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХиГС)
E-mail: alekseeva-ov@ranepa.ru

Солнышкина Юлия Олеговна,

ст. преподаватель кафедры «Физического воспитания
и здоровья», Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХиГС)
E-mail: solnyshkina-yo@ranepa.ru

Артемьев Константин Александрович,

ст. преподаватель Департамента спорта,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: 6260274@gmail.com

Шафенков Михаил Юрьевич,

ст. преподаватель Департамента спорта,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»

В статье рассмотрены предложения, направленные на развитие профессионального спорта в Москве (на примере Московской федерации футбола). В разработанной Министерством спорта РФ совместно с Российским футбольным союзом Стратегии развития футбола в Российской Федерации до 2030 года среди основных целей выделено повышение роли межрегиональных объединений и региональных федераций при выработке и реализации стратегии и программ развития футбола, их финансовая, кадровая, и информационная поддержка, специализированная и адресная подготовка тренеров и иных специалистов для работы в массовом футболе, а также определен целевой показатель массовости футбола и динамика его роста с 2% занимающихся (показатель 2013 г.) до 7% занимающихся (показатель 2020 г.).

На основании анализа выявлены актуальные проблемы, препятствующие развитию футбола в Москве, а именно недостаточная массовость занимающихся футболом в Москве, недостаточное финансирование большинства спортивных школ и клубов, слабое привлечение внебюджетных средств, недостаточное развитие инфраструктуры футбола, снижение конкурентоспособности сборных команд Москвы по футболу во всероссийских соревнованиях.

Ключевые слова: профессиональный спорт, футбол, Москва, Московская федерация футбола, спортивные соревнования, спортивная федерация.

Московская федерация футбола (далее – МФФ), образованная в январе 1910 года является региональной общественной организацией занимается организацией детско-юношеских соревнований, Первенства России в зоне «Москва» среди любительских футбольных клубов, Первенств Москвы по пляжному и мини-футболу, а также поддержкой, развитием и популяризацией всех разновидностей и дисциплин футбола в Москве [5].

На сегодняшний день, по мнению авторов, в Москве сформирована оптимальная система подготовки футболистов от набора в футбольные школы и секции до подготовки спортсмена к профессиональному футболу и выступлению за сборные команды Москвы и России в Региональных центрах подготовки футболистов.

Также следует отметить, что после Чемпионата мира 2018 года поток девочек, желающих обучаться футболу, резко вырос. Это отмечают все школы, ведущие подготовку девочек, количество команд увеличивается. В РЦПФ «Чертаново» и «Строгино» были сформированы женские отделения для подготовки спортсменок для сборных России. Женский футбол остаётся для РФС и МФФ важным направлением, и сейчас в период между соревнованиями МФФ проводится ряд мероприятий, которые позволяют вывести как работу школ и женских футбольных клубов, так и организацию соревнований на новый уровень. В ближайшее время планируется проведение ряд обучающих конференций. Это будут конференции по правилам футбола, по медицинскому сопровождению, по методикам тренировок, по медиа освещению команд, по селекции и многому другому.

Создание региональных центров в Москве позволяет готовить спортсменов для сборных команд Москвы и России. А на сегодняшний день «Чертаново», «Строгино» и «ФШМ» это ведущие футбольные школы, которые неоднократно доказывали свой статус результатами на футбольном поле и уровнем подготовленных спортсменов.

Исходя из анализа деятельности Московской федерации футбола можно составить SWOT-анализ ее сильных и слабых сторон (табл. 1).

Исходя из анализа данных, представленных в таблице 1 даже с учетом слабых сторон, можно сделать вывод о том, что в Москве реализуется много программ для развития футбола. Московской федерации футбола оказывается поддерж-

ка со стороны правительства города в реализации стратегии РФС, существует заинтересованность в том, чтобы популярность этого вида спорта росла среди жителей города.

Таблица 1. SWOT-анализ сильных и слабых сторон Московской федерации футбола

Сильные стороны	Слабые стороны
Серьезная поддержка со стороны Правительства города Москва.	Недостаточное количество занимающихся футболом в Москве и не высокое качество подготовки элитных футболистов для сборных команд России.
Сотрудничество и плотное взаимодействие с Правительством Москвы, Москомспортом, Министерством Спорт РФ и РФС.	Слабая информированная база о количестве занимающихся футболом в структуре МФФ, о их уровне подготовки, количества школ, стадионов, полей при школах, футбольных секций, детских тренеров.
Москва находится в числе лучших городов мира по количеству и качеству футбольных стадионов и полей, отвечающих самым высоким стандартам и требованиям (это относится как к строительству футбольных манежей, так и реконструкции заброшенных стадионов, которые на данный момент не используются).	Не все тренеры, занимающиеся с детьми как в специализированных спортивных школах, так и учителя физкультуры, которые обучают футболу в общеобразовательных школах, детских садах и частных футбольных секциях являются лицензированными специалистами в области футбола и имеют не достаточную подготовку.
Достаточное количество манежей и полей с подогревом, что обеспечивает эффективный тренировочно-соревновательный процесс в любое время года	Слабое взаимодействие с региональными федерациями футбола.
Функционирование большого количества специализированных школ работающих в системе профессиональных футбольных клубов («Академия «Спартак» по футболу им. Ф.Ф. Черенкова», ЦСО «Локомотив», «Футбольная академия «Динамо» имени Л.И. Яшина», ДЮСШ ПФК ЦСКА, ЦСО «Чертаново», СШОР «Юность Москвы» по футболу «Торпедо», ГБУ «Крылья Советов»).	Не совершенность нормативно-правовой базы, обеспечивающей стабильное развитие футбола в Москве.
Проведение соревнований по футболу самого высокого уровня на территории Москвы на современных стадионах являющимися одними из лучших в России («Открытие Арена», «Стадион Лужники», ВТБ Арена – Центральный стадион Динамо имени Льва Яшина» «ВЭБ Арена», «РЖД Арена»)	Малое количество представителей Москвы из числа тренеров на уровне команд ФНЛ, РПЛ.

Возможности	Угрозы
Представители футбольных школ Москва являются многократными победителями всероссийских и международных соревнований	Малое количество представителей Москвы из числа судей, обслуживающих матчи высокой квалификации (ФНЛ, РПЛ, международные турниры – ЛЕ, ЛЧ, ЧЕ, ЧМ).
Стажировка тренеров и судей в ведущих футбольных клубах России, в том числе зарубежные выезды с привлечением авторитетных экспертов в области футбола.	COVID-19 (жесткие ограничительные меры в тренировочно-соревновательном процессе, работе специализированных школ, футбольных клубов, спортивных секций, проведения соревнований, заражения ведущих спортсменов и тренеров)
Достаточные финансовые возможности для организации и проведения соревнований, и других спортивных мероприятий, работы специализированных школ, футбольных клубов, спортивных секций.	Создание коммерческих футбольных проектов, в том числе собственных лиг и турниров.
Большое количество спонсоров, оказывающих финансовую поддержку федерации, в том числе популяризируя Московскую федерацию футбола за счет своих брендовой продукции.	

В соответствии с проведенном анализом основных проблемных вопросов развития футбола в Москве на сегодняшний день можно выделить ряд актуальных направлений (таблица 2), решение которых должно быть отражено в предложениях для развития футбола в столичном регионе.

Таблица 2. Проблемные направления развития футбола в Москве

№	Направления деятельности федерации	Проблемные вопросы, требующие решения
1	Правовое обеспечение	Не совершенность нормативно-правовой базы, обеспечивающей стабильное развитие футбола в Москве.
2	Массовый и любительский футбол Усиление конкуренции со стороны других видов спорта	Недостаточное количество занимающихся футболом в Москве
3	Подготовка спортивного резерва Снижение уровня сборных команд Москвы по футболу во всероссийских соревнованиях	Не высокое качество подготовки элитных футболистов для сборных команд России.
4	Информационное обеспечение	Слабая информированная база о количестве занимающихся футболом в структуре МФФ, о их уровне подготовки, количества школ, стадионов, полей при школах, футбольных секций, детских тренеров

№	Направления деятельности федерации	Проблемные вопросы, требующие решения
5	Организационная работа Недостаточное развитие инфраструктуры для занятий футболом	Слабое взаимодействие с региональными федерациями футбола
6	Подготовка кадров Малое количество представителей Москвы из числа судей, обслуживающих матчи высокой квалификации (ФНЛ, РПЛ, международные турниры – ЛЕ, ЛЧ, ЧЕ, ЧМ).	Малое количество представителей Москвы из числа тренеров на уровне команд ФНЛ, РПЛ.
7	Финансовая деятельность Слабое привлечение внебюджетных средств	Недостаточное финансирование большинства спортивных школ и клубов,

Исходя из результатов, проведенного анализа развития футбола в Москве в общем и Московской федерации футбола в частности с определением сильных и слабых сторон были разработаны предложения по развитию Московской федерации футбола:

- поддержание устойчивого интереса к соревнованиям по футболу в Москве и его разновидностям.
- совершенствование нормативно-правовой базы развития Московской федерации футбола и его подведомственных организаций;
- разработку структуры единой системы управления базами данных футбола города Москвы;
- разработку календаря региональных соревнований по футболу, массовых мероприятий, подготовки и участия сборных команд Москвы в российских соревнованиях;
- проведение работы по налаживанию связей для взаимодействия с региональными федерациями футбола;
- проведение работы по привлечению дополнительных внебюджетных средств и новых спонсоров в Московскую федерацию футбола, в том числе за счет внедрения государственно-частного и общественно-государственного партнерства;
- развитие существующей футбольной материальной базы, строительство дополнительной современной инфраструктуры футбола, а также модернизация устаревших спортивных сооружений;
- создание условий для увеличения количества отделений и юных спортсменов, специализирующихся в футболе (или его разновидностях) в учреждениях спортивной подготовки;
- оснащение современным спортивным инвентарем и оборудованием существующих профильных отделений учреждений спортивной подготовки по футболу;

- развитие программ подготовки и повышения квалификации специалистов в сфере футбола (тренеров, менеджеров, судей, и др.);
- разработка новых и мониторинг эффективности действующих мероприятий, направленных на поддержку и популяризацию футбола в Москве;
- мониторинг и совершенствование действующей системы финансового обеспечения футбола и его разновидностей в Москве;
- внедрение единой системы управления информационной базой о количестве занимающихся футболом в структуре Московской федерации футбола, о их уровне подготовки, количества школ, стадионов, полей при школах, футбольных секций, детских тренеров;
- увеличение количества московских тренеров и специалистов в сфере футбола, судей, прошедших курсы повышения квалификации и имеющих лицензии РФС, УЕФА;
- увеличение количества мероприятий, проходящих на территории Москвы, направленных на поддержку и популяризацию футбола;
- увеличение информации о Московской федерации футбола, а также футбольных мероприятиях, связанных с футболом проходящих на территории Москвы в СМИ, в том числе электронных;
- внедрение в процесс подготовки сборных команд Москвы по футболу современных технологий научно-методического, медицинского и медико-биологического обеспечения на всех уровнях подготовки футболистов в Москве;
- увеличение массовости соревнований и мероприятий по футболу и его разновидностям во всех 12 административных округах города (районах, поселениях, муниципальных образованиях);
- расширение сети спортивных сооружений для занятий футболом и его разновидностями на территории Москвы;
- укрепление позиций Московского футбола на российских и международных соревнованиях;
- совершенствование процесса подготовки спортсменов сборных команд Москвы по футболу к крупнейшим российским и международным соревнованиям;
- мониторинг эффективности системы подготовки и переподготовки кадров в футболе, продолжение реализации программ подготовки специалистов в сфере футбола.

Кроме того, предложения по развитию Московской федерации футбола должны строиться с учётом самых больших блоков стратегии развития РФС до 2030 года – «**Массовый и любительский футбол**» и «**Подготовка спортивного резерва**». Здесь стоит сделать акцент на нескольких важных аспектах, представленных в таблице 3.

Основная задача Московской федерации футбола состоит в популяризации футбола в Москве и привлечении внимания к этому виду спорта

со стороны жителей города и района. Взаимодействие со всеми вышеописанными сторонами может быть эффективным только в случае активного интереса к футболу у всех групп населения.

В целом реализации данных предложений обеспечит инновационную активность Москвы в условиях экономической деятельности в сфере футбола, создание необходимой инновационной инфраструктуры, развитие научно-технического и технологического потенциала, позволит создать необходимые предпосылки для дальнейшего спортивного прогресса и повышения конкурентоспособности российского футбола в Московском регионе.

Таблица 3. Виды и критерии деятельности Московской федерации футбола обеспечивающие развития футбола в столичном регионе

№	Виды деятельности Московской федерации футбола	Критерии деятельности Московской федерации футбола
1	Организационная работа	Наладить взаимодействие с основными социальными группами Москвы
2	Профориентационная и воспитательная работа	Разработать способы привлечения болельщиков к посещению футбольных матчей, проходящих в Москве и участию в турнирах города Повысить заинтересованность жителей в футбольной жизни города и привлечению любителей футбола к активной деятельности по формированию положительного имиджа этого вида спорта
3	Спортивная работа	Улучшить спортивных результатов футбольного клуба и отделения футбола при спортивной школе

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 21 января 2015 г. N30 «О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» (с изменениями и дополнениями).
2. Постановление Правительства РФ от 24 января 2015 г. N3081-р «Об утверждении стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года».

3. Приказ Министерства спорта РФ от 11.09.2017 N797 «Об утверждении общенациональной стратегии развития футбола в Российской Федерации на период до 2030 года».
4. Официальный сайт Российского футбольного союза [Электронный ресурс] URL: <https://rfs.ru/>.
5. Официальный сайт Московской федерации футбола [Электронный ресурс] URL: <https://mosff.ru/>.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL SPORTS IN MOSCOW (USING THE EXAMPLE OF THE MOSCOW FOOTBALL FEDERATION)

Russu O.N., Alekseeva O.V., Solnyshkina Yu.O., Artemov K.A., Shafenkov M. Yu. The Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; Russian academy of national economy and state service under the Presidency of the Russian Federation (RANEPA); Russian State University of Tourism and Service»

The article discusses proposals aimed at the development of professional sports in Moscow (on the example of the Moscow Football Federation). In the Strategy for the Development of Football in the Russian Federation until 2030, developed by the Ministry of Sports of the Russian Federation jointly with the Russian Football Union, among the main goals, the increase in the role of interregional associations and regional federations in the development and implementation of strategies and programs for the development of football, their financial, personnel, and information support, specialized and targeted training of coaches and other specialists for work in grassroots football, as well as a target indicator of the mass character of football and the dynamics of its growth from 2% of those involved (indicator of 2013) to 7% of those involved (indicator of 2020). Based on the analysis, the authors identified topical problems that hinder the development of football in Moscow, namely, insufficient mass participation of people involved in football in Moscow, insufficient funding of most sports schools and clubs, weak attraction of extra-budgetary funds, insufficient development of football infrastructure, a decrease in the competitiveness of the Moscow national football teams in all-Russian competitions.

Keywords: professional sport, football, Moscow, Moscow football federation, sports competitions, sports federation.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of January 21, 2015 N30 «On the federal target program» Development of physical culture and sports in the Russian Federation for 2016–2020» (with amendments and additions).
2. Decree of the Government of the Russian Federation of January 24, 2015 N3081-r «On approval of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030».
3. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation of 09/11/2017 N797 «On approval of the national strategy for the development of football in the Russian Federation for the period up to 2030».
4. The official website of the Russian Football Union [Electronic resource] URL: <https://rfs.ru/>.
5. Official site of the Moscow Football Federation [Electronic resource] URL: <https://mosff.ru/>.

Образы социальной реальности в современной отечественной социологии. Консервативный поворот

Борисенко Андрей Андреевич,

аспирант, кафедра управления персоналом, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (СИУ РАНХиГС)

В статье мы анализируем образы социальной реальности, конструируемые в работах отечественных социологов. Показано, что образы социальной реальности конструируются авторами в связи с постоянно изменяющимся современным миром и отражают тенденции мирового развития. Наметившийся в мировой и российской политической культуре консервативный поворот отразился на социологическом знании. Социальная реальность и ее образы проблематизируются в связи с практическими задачами, национальными интересами, которые в условиях формирующейся новой социальной реальности должны быть достигнуты и реализованы. Характер предлагаемых практических решений-отношений к социальной реальности связан с повышающейся ролью государства, делегированием государству контроля над процессом конструирования социальной реальности и способом идентификации индивида в условиях этих образов. Особую роль при анализе проблем конструирования социальной реальности является связь проблем политики, культуру и морали. В заключении показано, что социальная реальность теперь рассматривается с позиций уникального, национального знания, которое обладает уникальностью и должно быть защищено от внешнего влияния для сохранения собственной свободы.

Ключевые слова: социальная реальность, консервативный поворот, конструирования социальной реальности, свобода, суверенитет, моральная катастрофа.

В современном мире процессы конструирования социальной реальности в значительной степени претерпели отношения. В условиях плюралистического общества, где одновременно сосуществуют несколько систем знания и соответствующих им представлений о социальной реальности, наблюдаются противоречивые тенденции в процессе этого конструирования. Находясь в условиях открытого рынка систем знания, институты, производящие знания, могут прибегнуть к двум основным моделям поведения: могут свободно конкурировать с новыми и старыми системами или же могут использовать в собственных интересах государства. Социология как институт производит новые знания, которые могут стать основой для самоидентификации большого количества людей. Таким образом социология как система производства знания о социальной реальности и ее вариантах могла бы конкурировать с другими системами, например, религиозными или же могла бы использовать государство. Однако мы предполагаем, что в может наблюдаться и обратная ситуация, когда правящие группы могут использовать институты знания для легитимации сложившейся или перспективной социальной реальности. Современная политическая культура и режим в дискуссии среди исследователей характеризуется как консервативная [2]. Отмечается, что консервативный поворот совпал с началом экономической стагнации, обусловленной пределами развития социальной модели постсоветского капитализма. Ответом на структурный экономический кризис, падение цен нефть, санкции со стороны глобального Запада становится «антикризисный» экономический курс, направленный на резкое сокращение социальных расходов. Вместе с этим консервативный поворот отражает специфику генеалогии политической элиты и актуализации богатого наследия консервативной мысли двух последующих столетий [2, с. 16]. Консервативная риторика, криминализовавшая любые социальные протесты как антипатриотические акции, играющие на руку внешним врагам, легитимировала эту российскую версию «мер строгой экономии» [2, с. 149]. В условиях консервативного поворота, который начался в России после 2011 г., возникает потребность в выработке нового политического языка, который позволил бы сохранить режим политической гегемонии. Новый язык должен был

позволить объяснить причины социальных протестов тем, что оппозиционеры – сознательные или бессознательные проводники чужой воли. А вопросы политики теперь сочетаются с вопросами политики, культуры и морали. Задача поворота в том, чтобы обеспечивает иллюзию единства «морального большинства», сплоченного перед лицом внешних угроз (глобальный Запад) и эгоизма меньшинства, требующих защиты собственных прав или критикующих элиты. Консерватизм направлен на то, чтобы обеспечить «вечное настоящее», такое время, исключая любые непредсказуемые изменения. Существующая реальность в таком случае должна быть максимально предсказуема и практически не изменяться. Описывая сущность консервативного поворота в мировом движении, исследователь указывает, что основные элементы современного российского государственного дискурса в точности соответствует этим консервативным установкам: борьба за суверенитет (настоящую свободу), против нормативных ограничений, навязанных Западом, господство исторического обычая над буквой закон (когда Президент как «национальный лидер» важнее, чем сам институт президентской власти, описанный в Конституции) [2, с. 141]. С консервативных же позиций критикуются попытки революционных изменений через отсылки в 1917 и «оранжевым революциям» на постсоветском пространстве. Это консервативная критика постоянно подчеркивает, что революционеры и их эксперименты использовались не ими, но внешними врагами для подрыва национального суверенитета. Сохранение подлинной свободы от искушения ложной свободы обеспечивается не только борьбой против революционной угрозы, но и постоянными мирами моральной дисциплины: ограничение права на аборт, криминализацией гомосексуальности [2, с. 142]. Свобода для консерваторов означает не что иное, как само право на различие, возможность нации оставаться верной себе и своей истории, свобода полностью совпадает с понятием суверенитета, а любые попытки его ограничить ради универсальных ценностей (например, прав человека), соответственно, являются ограничением свободы. Подлинная свобода принадлежит социальному телу, тогда как индивид как раз ограничен в свободе самоопределения. Он не волен выбирать свою национальную принадлежность, гендер или класс – так как все это уже определено обществом, к которому он принадлежит по рождению [2, с. 138]. Однако можно отметить, что оборотной стороной господствующего консерватизма становится индивидуальная «забота о себе», приоритет частного интереса над общими. Устойчивость сочетания правительственной консервативной риторики и рыночной атомизации общества по мнению ряда экспертов стало особенно очевидно в предшествующий президентский срок В.В. Путина (с 2012 г.): рост государственного национализма сопровождался при этом последовательным курсом на коммерциализацию медицины

и образования, а также общим снижением социальных обязательств [2, с. 137]. Сочетание и «примирение» внутри дискурса противоречивых элементов по-прежнему эффективно, однако описанные выше тенденции могут привести к очередному идеологическому краху, который был реконструирован А. Юрчаком. Можно отметить, что этот консервативный поворот в политике проявился также и в социологическом знании. Если в рамках исследования дискурса социологической науки, которое проводила Маркова Ю.В., этот дискурс характеризовался как либерально-олигархический [4, с. 47], то в современной социологии мы можем обнаружить изменения в социологическом воображении и обращении к консервативному стилю мышления. Таким образом, мы видим, как государство и контролирующего его социальные группы, стремятся использовать институты производящие знания, для легитимации представлений о социальной реальности правящих групп. В аналитическом докладе Рогачева С.В. [6] анализируются проблемы и риски, которые возникают перед современным российским обществом в современном мире. Доклад, изданный в 2017 г., был приурочен к потенциальной смене вектора развития российского общества после выборов Президента РФ в 2018 г. Наиболее интересной для данной работы будут преамбула и первая глава работы, которые формируют общий интеллектуальный фон всего доклада. По мнению автора, именно в это время перед российскими элитами может возникнуть выбор возможностей. Выбранная траектория развития российского общества может ключевым образом изменить ситуацию в стране. Несмотря на название «Российская социальная реальность: интересы по критерия риска», ключевым понятием работы является понятия «общества» – «сложная, динамично развивающаяся, открытая система с прямыми и обратными сетевыми связями, определяющими характеристики и устойчивые принципы» [6, с. 6]. Российское общество вступает в эпоху современной новой социально-политической и экономической реальности, которая характеризуется усилением динамизма общественных процессов, глубиной качественных изменений, возникновением новых рисков. Эта же реальность сложно прогнозируема и обладает неопределенным будущим [6, с. 4]. Т.е. можно обозначить внутренние и внешние факторы, которые влияют на формирующуюся реальность – это выбор варианта общественного развития внутри российского общества, а также внешние, прежде всего, технологические изменения. И российская социальная реальность в таком случае вынуждена адаптироваться к изменяющимся внешним условиям, однако на формирование этой реальности влияют субъективные и объективные факторы, к которым относятся и экологические проблемы, проблемы государственного управления, негативные последствия миграционных процессов и появление экстремальных форм социального волеизъявления – «диктатуры площади» и т.д. [6, с. 5–7].

Результатом этой адаптации должно быть возрождение России как мировой державы, отвечающей на вызовы XXI в. Опираясь на теорию циклического развития, автор утверждает, что в периоды неустойчивого развития возникает набор альтернатив, которые представляют собой объективные и субъективные условия необходимости и возможности формирования новой социально-политической реальности [6, с. 6]. Автор выделяет два конкурирующих проекта социальной реальности, которые выражают интересы двух социальных групп. Эти проекты отражают интересы групп элит, ориентированных одна – на либерально-финансовую, другая – на индустриально-государственную модель развития [6, с. 9]. Автор отмечает, что крупные предприниматели и их интересы не всегда адекватны интересам других социальных слоев порождая тем самым существенные социальные риски, которые могут привести к разрушению всей социальной системы. Но далее автор предлагает говорить не о групповых интересах, а об общенациональных интересах, которые являются не суммой групповых или личных интересов, и не компромиссом общего и особенного. Т.е. здесь мы видим обращение к «общенациональным интересам», общим благом над благом частным. Реактуализируется проблема идентичности, где русский патриотизм сочетается с пропагандой идеи мультикультурализма, но сам же автор используется тезис Струве о «великой России», которая должна «примирить» противоречивые положения этих разнообразных теорий и положений, а апелляция к «историческому прошлому» и «живым культурным традициям» – прямо указывает на то, что любые радикальные варианты не приемлемы и чужды [6, с. 10]. Т.е. Россия как социально-политическое пространство должна быть свободной, и опираться на свой собственный исторический и опыт, и текущие культурные традиции. Антиреволюционная направленность текста связывается с возможностью проведения майдана (синонима революции) и организацией общественно-политического движения, которое противостоит распространению революционных стимулов [6, с. 11]. Все политические процессы также тесно пересекаются с проблемами морали и культуры, что проявляется в оценке работы бюрократии и негативных проявлений качеств управленческого персонала, таких как нерешительность и надменность [6, с. 12–13] или же при оценке деятельности части экономических элит, которые предпочитают деловые отношения и не обращают внимание на моральные вопросы собственной деятельности [6, с. 14]. Однако ключевым элементом данного представления о социальной реальности в условиях консервативного поворота является стремление к обеспечению и достижению экономического суверенитета, идея которой остается чуждой интересам части экономической и политической элиты. Эта связанная и находящаяся под влиянием установок западных стран, которые должны быть восприняты в форме уступок для

преодоления экономического кризиса [6, с. 13]. И этот экономический вопрос переводится в плоскость политического суверенитета. Возвращение разрушенного экономического слоя, некоторое возвращение к «прежнему» состоянию общество должно способствовать созданию иллюзии единства «морального большинства» вокруг фигуры «национального лидера», правильный выбор которого прямо влияет на будущее всей социальной реальности, как в настоящем, так и в будущем. Мы видим в работе повторение основных элементов консервативного дискурса – стремление к свободе, понимаемой как суверенитет, отрицание нормативных ограничений Запада и превосходство традиции над законностью, выраженной в фигуре «национального лидера», правильный выбор которого мог повлиять на выбор пути развития России в средне и долгосрочной перспективе. Вторая же исследуемая работа [5] является примером гораздо более сложного текста, в котором пересекается большое количество подходов, способов анализа, определений понятия «социальной реальности». Авторы ставят себе несколько задач, среди которых проблема понятийного аппарата социальной теории в условиях глобализации, роль внешних и внутренних факторов на анализ социальной реальности, эволюция способов конструирования и проектирования социальной реальности, а также анализ угроз современных технопарадигм. Однако мы обратимся к тому, как реализуются и легитимизируются внутри научного текста элементы государственного консервативного дискурса. Мотивация поиска нового варианта социальной реальности связана с кризисом современной цивилизации, который проявляется в сочетании большого количества природных, политических и социально-экономических причин [5, с. 16–23], которые в современном мире вышли на максимальный, глобальный уровень. Новая социальная реальность, к которой предлагается перейти во избежание глобальной катастрофы, должна разрешить два противоречия: культурное отставание, которое выражается в стремительном развитии технологий и недостаточно быстрой адаптации культуры и нравственности [5, с. 29]. Ускоряющееся технологическое развитие способно привести к «моральной катастрофе», которая приводит к разрушению традиционных и универсальных ценностей [5, с. 19]. Эта же «моральная катастрофа» проявляется в росте роли личностного фактора и его воздействия на явления и процессы социальной реальности. Т.е. возрастает роль «зла» (понимаемое в духе работ И. Ильина, ключевого для анализа консервативного поворота в России), которое в кризисное время проявляется через внешние признаки в виде произвольного господство через «тело», которое «точно выражает и верно передаёт его душу во всем её бессознательном состоянии». Если Добро осознанно, то Зло бессознательно, оно узнаётся окружающими, но остаётся невидимым для самого злодея [2, с. 61]. И здесь мы сразу обратимся к анализу одно-

го из фрагментов работ, посвященных феномену трансгуманизма [5, с. 177–192]. Неосознаваемая большинством и активно развиваемая философская парадигма трансгуманизма, позволяет использовать технологии для преодоления «данностей» или «сущности» человека, его телесности и связанных с телесностью проблем: болезней, страданий, старения и смерти [5, с. 178]. Однако как революционеры не осознавали, что результатами их деятельности могут воспользоваться другие силы, как и стремления и пропаганда трансгуманистов могут быть использованы не всей обществом, а только лишь небольшой группой, порождая тем самым новое неравенство [5, с. 179]. Формируемый позитивный образ трансгуманизма усваивается широкой общественностью, которая начинает мыслить себя потенциально свободной от традиционных телесных и интеллектуальных ограничений. Стремления к достижению бессмертия приравниваются утопии о «свободе, равенстве, братстве». Критика феномена трансгуманизма осуществляется через апелляцию к исконности человеческой природы и разделяемой большинством важности сохранении этой природы, например в религии или гуманизме. Измененный при помощи технологий постчеловек потенциально может утратить человекоподобного вида, оказаться в ситуации ценностной неопределенности и потенциальному самоуничтожению [5, с. 185]. Таким образом, потенциальная «моральная катастрофа» приводит к тому, что человек лишается своих прав на обладание собственным телом, сознанием и лишается права на их неприкосновенность [5, с. 188–189]. А человеческое тело и сознание попадают под внешнее, не осознаваемое влияние, результаты которого станут понятны только по истечении времени. И наиболее логичным решением в данном случае будет ограничение права в интересах «морального большинства», когда применение насилия (в виде ограничения права распоряжаться собственным телом) является способом сохранения подлинной свободы от искушения свободы ложной, а решение о том, каким будет человек (и его телесное оформление) определяется не им самим, а всем социальным телом, которому эта подлинная свобода и принадлежит. Будучи свободными, т.е. обладая и реализуя собственное право на различие нация может оставаться верной себе и перейти к политике внутригосударственного сдерживания [5, с. 192]. Как отмечалось ранее, реальная свобода в условиях консервативного поворота подлинная свобода подразумевает с возвращением реализма во внешней политике и стремлением к обеспечению экономического «суверенитета». Однако в данной работе активно используется понятие «безопасности», которая охватывает все сферы общественной жизни. Всего сформулировано 16 ключевых понятий национальной безопасности Российской Федерации, для измерения которых используются ключевые показатели [5, с. 137, 138–140]. Безопасность является проявлением достигнутого суверенитета,

который проявляется не только в экономической или финансовой сфере, но и в национальном сознании. «Безопасность национального сознания» [5, с. 157] – это защищенность сложившейся и устоявшейся в соответствии с развитием социальной реальности России совокупности социетально-детерминированных и др. ценностных ориентаций, убеждений, мотиваций, установок нации как политической общности в комплексе характеризующих уровень ее духовного развития от намеренных и манипулятивных <...> типов воздействия на сознание, процессуально реализующихся как за счет функционирования общественных институтов <...>, так и специфики массовой психологии (все виды манипулятивных практик: прямая ложь, ложное мифотворчество, идейное разоружение, деморализация, сдвиги в настроениях, подмена понятий, «отключение памяти и нравственности») [5, с. 157]. Идейным ядром этого функционирования безопасности национального сознания является национальное самосознание, которое является способом укрепления сложившегося совокупного духовного континуума нации, а также воспроизводства посредством государственной политики и актуализации институтов, обеспечивающих первичную и вторичную социализацию [5, с. 157]. Благодаря развитию безопасности национальной безопасности государство страхует себя от потенциальных проблем в ситуации бифуркации. Не случайным видится и выбор в данной работе способа анализа и конструирования образа социальной реальности. Социальная реальность или «жизненный мир» позволяет индивидам осуществлять процесс самоидентификации. В условиях современного плюралистического общества индивид находится в ситуации постоянного выбора [3], постоянно конструируя и реконструируя собственный «жизненный мир». В рамках выбранного тезаурусного подхода весь наличный опыт и знание организуется через систему «концептов», объединяемых в тезаурусы. Внутри тезаурусов знание заменяет привычное противопоставление главное-второстепенное или общее-частное, а разделяет его по кластерам «свое», «чужое» и «чуждое». «Свое» – понятно и приятно субъекту, «чужое» может стать частью «жизненного мира» в связи с жизненными обстоятельствами, а вот «чуждое» блокируется тезаурусом как неприемлемое, недопустимое и антиценное [5, с. 112]. Данный подход, опирающийся на социологию знания Бергера-Лукмана, развивает эту теорию и указывает, что накопленный опыт можно делить не только так, как делают это ученые, но также использовать иных способы организации знания, необходимого для конструирования социальной реальности. Однако в рамках данной работы субъект-ориентированный подход используется как способ достижения свободы от нормативных ограничений, которые могут навязываться извне. Наличие «чуждого» знания означает крах претензии на универсальность человеческого опыта и человеческой биографии, а следовательно, и уни-

версальности представлений о морали или праве. Принятие «чуждого опыта» будет в таком случае ограничением свободы. И последним интересующим нас моментом будет проблема конструирования этой самой социальной реальности. Авторы проводят прописанное разграничение между «социальным конструированием», «социальным планированием» и «социальным проектированием» [5, с. 85]. Социальное конструирование понимается отличным от теории Бергера-Лукмана образом. Под «социальным конструированием» (синонимом которого может выступать «социальное проектирование») понимается «процесс устранения негативного развития событий и создание желательных для индивида и общества реалий» [5, с. 85]. Этот процесс распадается на нескольких стадий: от постановки социальных целей и вплоть до реализации этих социальных целей. А вот уже относительно стратегического общественного планирования (которое совпадает с определением, данным в указе Президента РФ) авторы указывают, что это совокупность мер, направленных на обеспечение национальных интересов РФ в условиях трансформирующейся глобальной реальности [5, с. 86]. И тут возникает ключевое противоречие, связанное со словоупотреблением понятия «социального конструирования». Если у Бергера-Лукмана «социальное конструирование» – это процесс аккумуляции, объективации и выборочного сохранения индивидуального и коллективного опыта в рамках семантических полей, позволяющие «дифференцировать реальность по степени знакомства» [1, с. 75]. Т.е. конструирование реальности осуществляется через язык повседневного общения, где формируется образ социального мира, разделяемый участниками «Мы-группы». Т.е. реальность повседневной жизни является результатом интересубъективного общения. Но для данной работы характерно фактическое делегирование полномочий по определению наиболее общих и желательных для общества и индивидов реалий государства. Фактически процесс выработки стратегий поведения и интересов осуществляется не в результате субъективного отбора из окружающего знания по степени близости, а действия в уже предзаданной ситуации, где близкий опыт определяется общественными интересами. Будет ли такой вариант социальной реальности в полной мере интересубъективным является дискуссионным. Делегирование государству права на организацию «жизненного мира» индивидов связана с консервативным представлением, внутри которого общество не является нормативным понятием, а государство является не просто «ночным сторожем», а продолжением общества, его «формой». В таком случае обеспечение национальной безопасности и конструирования социальной реальности и интернализация этой реальности как части «жизненного мира» индивида является не рациональным контрактом, но уподобляется отношениям в семье [5, с. 139]. Как и «симбиоз» либерализма и консерватизма функциони-

рует и обеспечивает иллюзию солидарности и единства. Но это «примирение» имеет ряд негативных последствий. Это взаимное недоверие, де-политизацией социальных процессов и рост правительственного давления для достижения общенациональных целей. Подобный цинизм, связанный с тем, что предлагается выработка национальных интересов, которая налагается на дальнейшее проведение либеральных реформ, которые могут привести к дальнейшей экономической и социальной атомизации. Этот же процесс приводит индивидов к мысли о преимуществе заботы о себе, собственном благополучии. Эти тезисы приходят в противоречия и порождают взаимное недоверие со стороны правящих групп и населения. Намеренная «моральная консолидация» разбивается об углубляющееся социальное неравенство, порожденное структурой рыночной экономики, и может привести к реальной «моральной катастрофе».

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живём все мы. Парадоксы консервативного поворота в России М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2020 г. – 160 с.
3. Лукман Т. Некоторые проблемы современных плюралистических обществ // Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива. М.: МГИМО, 2000
4. Маркова Ю.В. Социальная реальность социологического дискурса // Социологические исследования. № 1. С. 42–47
5. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). – М., СПб.: Нестор-История, 2020. – 208 с.
6. Рогачев С.В. Российская социальная реальность: интересы по критериям риска. Аналитический доклад. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. – 104 с.

IMAGES OF SOCIAL REALITY IN MODERN RUSSIAN SOCIOLOGY. CONSERVATIVE TURN

Borisenko A.A.

Siberian Institute of Management – Branch of RANEPА (SIU RANEPА)

In the article, we analyze the images of social reality, constructed in the works of Russian sociologists. It is shown that the images of social reality are constructed by the authors in connection with the constantly changing modern world and reflect the tendencies of world development. The conservative turn that has emerged in world and Russian political culture is reflected in sociological knowledge. Social reality and its images are problematized in connection with practical tasks, national interests, which in the conditions of the emerging new social reality must be achieved and realized. The nature of the proposed practical solutions, relations to social reality, is associated with the increasing role of the state, delegation of con-

trol over the process of constructing social reality to the state and the way of identifying an individual in the context of these images. A special role in the analysis of the problems of constructing social reality is the connection between the problems of politics, culture and morality. In the conclusion, it is shown that social reality is now viewed from the standpoint of unique, national knowledge, which is unique and must be protected from external influences in order to preserve its own freedom.

Keywords: social reality, conservative turn, constructions of social reality, freedom, sovereignty, moral catastrophe.

References

1. Berger, P. Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Lukman. – M.: Medium, 1995. – 323 p.
2. Budraitskis I. The world that Huntington built and in which we all live. The paradoxes of the conservative turn in Russia M.: Tsiolkovsky bookstore publishing house, 2020–160 p.
3. Lukman T. Some problems of modern pluralistic societies // Social processes at the turn of the century: a phenomenological perspective. Moscow: MGIMO, 2000
4. Markova Yu.V. Social reality of sociological discourse // Sociological studies. # 1. S. 42–47
5. New social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in technosocial space (Collective monograph). – M.; SPb.: Nestor-History, 2020. – 208 p.
6. Rogachev SV Russian social reality: interests by risk criteria. Analytical report. Moscow: FGBUN ISPI RAN, 2017. – 104 p.

Особенности самоидентификации человека-инвалида

Гришенкова Татьяна Федоровна,

к. филол.н., доц., Сургутский государственный университет
E-mail: grit1991@mail.ru

Проблема социальной идентичности в условиях динамично развивающегося общества, все более усложняющихся коммуникативных связях, особенно актуальна. На каждом отрезке исторического пути цивилизации общество задает человеку конкретные, зарекомендовавшие себя в процессе жизнедеятельности социокультурные образцы, позволяющие формировать типическое в личностях.

Цель исследования – раскрыть особенности процесса социальной идентификации главного героя романа Салии Кахаватте «Свидание с жизнью вслепую». Выделяются фазы продвижения к желаемой идентичности, обозначаются концептуальные понятия каждой ступени обретения самоидентификации С. Кахаватте. Анализируются различные типы идентичности, оказавшие существенное влияние на социализацию героя. *Научная новизна* работы заключается в подходе к изучению автобиографического романа С. Кахаватте в контексте инклюзивной культуры. *В результате* исследования сделан вывод о первостепенном влиянии психофизиологических свойств личности на социализацию человека с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: социальная идентичность; самоидентификация; инклюзия; Салия Кахаватте; «Свидание с жизнью вслепую».

На современном этапе социального развития мы видим, что, с одной стороны, общество предъявляет достаточно много требований, связанных с возможностью включить личность в определенные ценностно-нормативные структуры, но, с другой, заинтересовано в рождении неординарных, талантливых индивидуальностей, и, отнюдь, не ставит задачу запрограммированного искусственного усреднения личности. Нельзя не согласиться с высказыванием А.И. Ковалевой о существовании определенного порога идентичности, «как меры схожести и подобия личностных черт членов общества, которая является достаточной для социального воспроизводства» [5]. Можно предположить, что соотношение социально-типического и индивидуально-неповторимого в человеке будет зависеть как от самой личности, так и от типа социума, в котором личность и обретает собственную Я-идентичность, и идентифицирует себя, как члена общества. Вопрос о сущности идентичности, ее типах поднимался научным сообществом не раз. Одним из первых к исследованию данной проблемы приступил Э. Эриксон, установивший взаимосвязь положительного опыта социализации и успешной идентификации личности [10]. И. Гоффман проанализировал тождественность социальной и групповой идентичности [11]. Подходы к классификации разновидностей социальной идентичности рассмотрела А.И. Ковалева [5]. В первые десятилетия XXI века о концептуализации представлений об идентификации личности свидетельствуют многочисленные работы философов [2], социологов [6], психологов [9]. К изучению вопроса об инклюзивной культуре и формировании идентичности инвалидов обратились Волкова И.П. [1], Т. Жулковска [3]. В нашей работе мы исследуем проблему социальной идентичности на материале личного опыта Салии Кахаватте, потерявшего зрение, и рассказавшего свою историю «вхождения» в общество в романе «Свидание с жизнью вслепую». Для изучения особенностей процесса социализации человека с ограниченными возможностями на материале автобиографической книги С. Кахаватте, мы поставили следующие **задачи. Во-первых**, актуализировать в романе некоторые фазы продвижения главного героя к социальной идентичности: подростковый период, начало самостоятельной жизни, профессиональное и личностное становление, зрелость – получение достаточного багажа знаний и опыта для их трансляции; во-вторых, определить ключевые концепты на каждом этапе формирования идентичности Салии Кахаватте: здоровье (инвалидность), семья, социум, учеба, этнос, религия, профессия, спорт, отношения с противоположным полом, стратегия; в-третьих, выде-

лить для нарративного анализа эпизоды, характеризующие процесс идентификации главного героя, его восхождение к полной социализации, ощущению себя полноценным членом общества, когда Салия может сказать: «Я самостоятелен, независим и приношу доход государству. Я плачу налоги, предоставляю рабочие места и никогда не скучаю. Скорее наоборот, у меня довольно напряженная жизнь: двенадцатичасовой рабочий день, редкие выходные» [4, с. 15]. **В результате** мы нашли подтверждение исходного положения о том, что процесс самоидентификации, во многом, зависит от социально-нравственных норм и законов, функционирующих в обществе, но все-таки определяющую роль в этом вопросе играют психофизиологические свойства личности, формируемые в процессе обретения естественных и искусственных типов идентичностей.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами Э. Эриксона [10], стали работы А.И. Ковалевой [5], Садохина [7], в которых рассматриваются различные аспекты понятий «социальная идентичность», «культурная идентичность», «самоидентификация».

Для осмысления проблемы социальной идентичности в документальном романе С. Кахаватте «Свидание с жизнью вслепую» использовались следующие **методы исследования**: герменевтический метод и метод нарративного анализа. Метод нарративного анализа позволил установить формальные критерии описания нарратива о самоидентификации Салии Кахаватте. Анализ художественного дискурса предоставил возможность рассмотреть проблему социальной идентичности в контексте инклюзивной культуры. Герменевтический анализ нарратива, распознавание его элементов в аспекте кросс-культурной коммуникации, их трансформация и эволюция по мере развития сюжета позволили выявить стратегию социализации автора-рассказчика романа. **Материалом для исследования** выступил нарратив о личном опыте Салии Кахаватте, воплощенный в художественной форме. Для исследования были отобраны 29 эпизодов автобиографического романа «Свидание с жизнью вслепую», которые мы проанализировали во временном и социальном аспектах. Временной аспект позволил определить ступени самоидентификации главного героя романа. Социальный – отразил степень обретения желаемой идентичности на каждом этапе продвижения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье кросс-культурный потенциал художественного дискурса может быть использован для создания социально-культурного ассимилятора адаптации людей с ограниченными возможностями к жизни в обществе. Автобиографический роман «Свидание с жизнью вслепую» в таком контексте может послужить хорошим пособием по социальной (профессиональной) идентификации для тех, кого в Германии называют der Behinderte, считая слово der Invalide неполиткорректным.

Человек, по своей природе, существо социальное, на протяжении всей жизни стремится к интеграции в общественную среду, становится участником различных социальных групп. В зависимости от характера той или иной группы, а также природы самой идентичности принято выделять разные ее виды [12, с. 3]. Во-первых, это естественные идентичности, которые поменять, в силу определенных причин, практически невозможно, к ним относятся, например, расовая, этническая идентичность. Во-вторых, искусственные идентичности, созданные различными социальными организациями и институтами: классовая, религиозная, национальная, гендерная, профессиональная, возрастная. Каждая из данных разновидностей называет конкретную особенность социальной идентичности. Таким образом, социальная идентичность формируется в процессе взаимодействия личности с другими людьми и представляет собой «состояние тождественности социального субъекта вполне определенным социальным элементом, составляющим общество и его культуру, его социальные группы и общности» [5, с. 89]. Проблема социальной идентичности в романе Салии Кахаватте «Свидание с жизнью вслепую», обозначается через формирование этнической, религиозной, возрастной, профессиональной идентичности и реализуется как в пространственном, так и во временном эквиваленте.

Для становления этнической идентичности ключевым фактором является инкультурация, в результате которой формируется «когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство» личности с представителями той культуры, «вхождение» в которую и начинается с первых шагов жизни [7, с. 32]. Салия Кахаватте родился в браке немки и сингалца с острова Шри-Ланка, и не раз подчеркивал в своем романе, как «*высоко ценил свои культурные корни и сколь многим обязан им*» [4, с. 44]. Несмотря на то, что с трех лет герой формировался в европейской культуре, поскольку семья переехала в Германию, практически каждое лето детства он проводил на родине отца. Там он буквально впитывал обычаи, религию и нравы, свойственные этому народу. С большим теплом он описывает каждую деталь этого «Чудо острова», с которым связаны «*самые глубокие и важные переживания детства*» [4, с. 50]. Вместе с традициями сингальской культуры Салия приобщился к духовным ценностям буддизма, который исповедуется на Шри-Ланке. Данная религиозная идентификация, сформированная в детские годы, оказалась мощной поддержкой при преодолении жизненных испытаний, связанных с внезапно обрушившейся на него слепотой. Главный герой книги-исповеди вспоминал: «*Неизменный распорядок дня – это мой стержень. Мои корни произрастают из азиатской культуры, проповедующей буддизм. Без этого стержня, без моих корней я – никто*» [4, с. 35]. Салия выделяет концептуальные для буддизма понятия: медитация, дающая умиротворение и укрепляющая дух, ритуалы,

из которых «сплетен быт буддистов», храм Будды, паломничества «к самым значимым буддистским местам в стране» [4, с. 32]. В зрелом периоде жизни, спустя годы после перенесенной химиотерапии и полосы невзгод, обрушившихся на героя, возродиться к жизни, обрести себя, помогают Салии те скрепы религиозной идентичности, которые он обрел еще в детстве, на Шри-Ланке. «Каждое воскресенье я встречался с моими единоверцами. Я быстро вспомнил все образцы поведения, привитые мне в детстве. Так я снова установил духовную связь с окружающим миром, как учила меня бабушка» [4, с. 84]. Ритуалы, организующие день, внедрение в режим установленных привычек, высокая требовательность к себе приводят героя к примирению с собой, «вместо того чтобы отрицать себя, игнорировать свои потребности» [4, с. 33]. Как видим, немалую роль в процессе социализации главного героя сыграла национальная идентификация, он осознавал себя как гражданина Германии, поскольку рос и формировался в европейском социуме, но всегда помнил о своем плодотворном источнике жизненной энергии – Шри-Ланке. Когда Салия начинал работать в отеле и столкнулся с первыми трудностями, он искал поддержки среди персонала отеля, и первым человеком, посвященным в его тайну стал мойщик посуды, индус. Их объединяло «азиатское происхождение и низкий статус среди персонала», доверие было стопроцентным [4, с.88]. Упоминание о престижности занимаемой героем должности неслучайно, так переплетаются в биографии героя этническая, национальная и классовая идентичности. Стоит заметить, что с понятием классовость, герой был знаком с самого раннего детства. Часто о знатном происхождении их рода упоминал отец, вспоминает Салия: «Отец изредка общался с нами на сингальском, предпочитая английский, язык высших социальных слоев его родины. Еще и снисходительная манера держаться, присущая отцу, вероятно, производила на деревенских жителей странное впечатление. Всем своим видом отец демонстрировал, что он – важная персона. Королевская каста!» [4, с. 13]. Совсем юному Салии рассказывали, что даже имя у него по истине величественное: «Он назвал меня в честь храброго и милосердного наследного принца из одного древнего сказания. Согласно преданию, принц Салия был первенцем короля ДуттхаГамани, жившего на ШриЛанке более двух тысяч лет назад» [4, с. 13]. Это означает, что в его подсознании так или иначе укоренился эталон, которому он должен следовать. Да и родные всегда ему говорили, что он когда вырастет, тоже добьется многого. Таким образом, кастовость, существующая и по сей день в индийской культуре, так или иначе была отчетливо зафиксирована его памятью. Необходимо отметить, что классовая идентичность подразумевает «идентификацию личности как члена социальной группы, обладающего определенной профессией, экономическим или социальным статусом» [8, с. 121]. Но, так как Салия всю свою сознатель-

ную жизнь провел в Германии, в европейском сообществе, он понимал, чтобы состояться в европейском сообществе, надо пройти тернистый путь движения вверх, пробираясь с самых низов. Кахаватте был из тех, кто несмотря на 5-ти процентное зрение никогда не хотел ни от кого зависеть ни финансово, ни морально. Салия не хотел, чтобы люди узнали о его недуге, потому что тогда он будет частично неполноценным членом общества: «Еще в детстве или юности инвалидов изымают из естественной воспитательной и образовательной среды. Когда они вырастают, то лишь немногие могут претендовать на что-то на рынке труда. Как следствие возникает непроницаемая, практически непреодолимая стена между миром зрячих и слепых. Мне, тайно пробравшемуся в этот чужой мир, никогда не доводилось сталкиваться с себе подобными» [4, с. 76].

Как только частичная потеря зрения стала неотъемлемой частью его жизни, Салия начинает строить тактические ходы, вырабатывая стратегию борьбы с болезнью. Какие бы мрачные картины бесперспективного будущего не рисовала судьба, автор «Свидания с жизнью вслепую» оптимистично оценивал происходящее. Отправной точкой в многоходовой игре «получи аттестат с отличием» стало самовнушение: «Я хочу, я могу, я получу это!» [4, с. 62]. Концептуальный момент для дальнейшего продвижения вперед – осознание важности данного желания для самого себя. Данный шаг был проверен временем не раз, и в итоге стал одним из ключевых условий обретения человеком самого себя, его самоидентификации. Когда Салия по прошествии многих лет стал работать коучем, своим слушателям он озвучил первое правило целеполагания: «Не позволять навязывать себе цели» [4, с. 12]. Важно понять, что хочешь ты, и смело воплощать свою идею в жизнь. Для этого необходимо прикладывать усилия, как вспоминал Салия: «Для «я могу, я получу это» я разработал программу тренировки памяти». На занятии я снова и снова повторял про себя услышанное. На перерывах, в автобусе или на беговой дорожке я пересказывал себе материал. Только так я мог длительное время удерживать в памяти полученные знания» [4, с. 34]. Именно рефлексия, позволяет человеку сделать самого себя объектом собственного осмысления, критической оценки, и формирует самосознание. Самоидентификацию личности невозможно осуществить без анализа своего «Я», без исследовательского «самокопания» и трезвых оценок своих желаний и реальных возможностей воплощения в жизнь. Идентичность любой личности всегда была и остается элементом её самопознания.

Второй важный момент – обретение единомышленников. Если во время учебы в школе преданными помощниками стали мама, сестра, соседский мальчишка и «верная подруга – толстая лула», то в последующие годы, в период профессиональной идентификации, Салия всегда полагался на «истинных специалистов и консультантов»,

надежную команду «из приятных и эффективных участников» [4, с. 63]. Очень важно оставаться открытым миру, не замыкаться на собственных проблемах, обвиняя во всем злосчастную судьбу.

Когда герой снова вступает в неравную схватку со страшной, внезапно обрушившейся на него онкологической болезнью, читатель видит, как реализуется третий стратегический принцип Салии Кахаватте: «Положиться на свое восприятие и в полной мере положиться на те органы чувств, которые есть в твоём распоряжении» [4, с. 175]. Мобилизуя все свои силы для борьбы с новым недугом, он внезапно осознает, что слепота оказывается его преимуществом, ибо ему «не оставалось ничего иного, кроме как интенсивно переживать происходящее». [4, с. 160]. И снова рефлексия, последовательная внутренняя работа заставляют Салию не просто найти в себе силы жить, но и воплотить в реальность свои самые дерзкие идеи. Следовательно, важнейшим фактором включенности людей с ограниченными возможностями в общественную жизнь являются «личностные характеристики, опосредующие готовность к интеграции» [1, с. 60]. Но Салия своим неординарным подходом к проблеме инклюзии доказывает, что инвалид должен не просто приспособиться к социальной среде, а включиться в жизнь общества на своих собственных условиях, учитывая и принимаемых им (социумом).

Вспомним примечательный эпизод, связанный с окончанием школы.

«Когда я положил аттестат на стол, внутренний голос сказал мне: «Ты можешь достичь большего. Образование для инвалидов заведет тебя в тупик» [4, с. 75]. Личностный потенциал главного героя «Свидание с жизнью вслепую» позволили ему противостоять настойчивому давлению стереотипов о людях с ограниченными возможностями. Фраза «специалиста по обучению слепых», произнесенная в самом начале тернистого пути сопротивления болезни, навсегда впечаталась в сознание героя: «Салия, будь реалистом, ты не можешь учиться и сдавать выпускные экзамены в «самой обычной гимназии» [4, с. 70]. Кажется, все, что далее предпринимает упрямый юноша, делается вопреки, а не по правилам. Жизненная энергия, активная позиция, волевые качества способствовали успешной профессиональной идентификации Кахаватте. Необходимо отметить, что в целом общество (в данном примере – европейское) нацелено на равноправное взаимодействие с теми, кто оказался ограниченным в реализации своих возможностей по состоянию здоровья. Инклюзивная функция осуществляется в процессе обеспечения благоприятных условий для интеграции инвалидов в социум. Люди с ограниченными возможностями активно включаются во взаимодействие с обществом, но на определенном уровне доступной им социальной среды. Именно против данных ограничений и выступал Салия, противясь всем своим существом, бунтуя и отчаянно сопротивляясь. В выборе профессии Салия не пошел

проторенной дорогой «массажиста или телефониста в каком-нибудь учреждении, где мог бы работать инвалид» [4, с. 67]. Четкая цель – «научиться делать что-то стоящее», продуманный план ее достижения, конструктивные стратегии позволили Кахаватте не только адаптироваться в социальной среде, но и стать полноценным (без каких-либо ограничений) членом общества.

Автор «Свидания с жизнью вслепую» строго следовал намеченной тактике, пока «отсутствие зрения не перестало быть препятствием на профессиональном пути» [4, с. 75]. Очень важным моментом в социализации героя автобиографической книги стало принятие себя таким, каким он являлся, со всеми трудностями, которые он считал «неизменной частью» себя самого. Салия воспринимал свое состояние, как своеобразную «биологическую эволюцию» индивида, адаптировавшегося к условиям окружающей среды [4, с. 80]. Немалую роль в этом сыграло пристрастие Кахаватте к спорту: в начале истории он «упорно пытался убежать от своей проблемы», бег оказался прекрасным методом справляться с ней, в конце романа Салия с радостью предвкушал тренировки, так как теперь «они укрепляли тело и дух» [4, с. 178]. Но ключевым элементом способа существования der Behinderte, стала дисциплина, структурирующая определенным образом быт и помогающая подниматься Кахаватте по жизненной лестнице.

Таким образом мы приходим к следующим **выводам**. Мы исследовали процесс самоидентификации главного героя «Свидания с жизнью вслепую» на различных этапах формирования социальной идентичности, определив концептуальные составляющие его картины мира: здоровье (инвалидность), семья, социум, учеба, этнос, религия, профессия, спорт, стратегия. Мы рассмотрели этническую и религиозную идентификации Салии, сформировавшиеся еще в детстве и ставшие его духовными скрепами на жизненном пути. Особое внимание мы уделили профессиональной идентификации, определившей результативную социализацию Кахаватте, его востребованность на рынке труда. Проанализированный нами пример социальной идентификации Салии Кахаватте доказывает, что включенность инвалида в социум подразумевает не только особый образ жизни и создание благоприятных условий окружающей среды, но и взаимодействие и взаимовыгодное сотрудничество, дающее ощущение удовлетворенности в самореализации людей с некоторыми физическими отличиями от среднестатистической нормы. Мы пришли в результате к выводу о первостепенном значении для успешной социализации человека с ограниченными возможностями личностного адаптационного потенциала.

Литература

1. Волкова И.П. Психолого-педагогические проблемы инклюзии и интеграции // Universum:

- Вестник Герценовского университета. 2012. № 2. С. 59–66.
2. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во «РГУ», 1999. 30 с.
 3. Жулковская Т. Некоторые обстоятельства построения идентичности инвалидов // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 89–97.
 4. Кахаватте Салия. Свидание с жизнью вслепую: реальная история человека, который потерял зрение, но получил гораздо больше. М.: Эксмо, 2019. 288с.
 5. Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–103.
 6. Крылов А.Н. Эволюция идентичностей: Кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. М.: Изд-во НИБ, 2010. 272 с. (27.08.2021).
 7. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2014. 288 с.
 8. Таратухина Ю.В., Цыганова Л.А., Ткаленко Д.Э. Межкультурная коммуникация в информационном обществе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 255 с.
 9. Тулынина А.Ю. Современный проблемы социальной идентичности личности // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 11. С. 225–228.
 10. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
 11. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 168 p.
 12. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. № 33. P. 1–33.

FEATURES OF SELF-IDENTIFICATION OF A DISABLED PERSON

Grishenkova T.F.
Surgut State University

The problem of social identity in a dynamically developing society, more and more complicated communicative ties, is especially relevant. At each segment of the historical path of civilization, society gives a person specific socio-cultural models that have proven themselves in the process of life, allowing them to form the typical in individuals.

The purpose of the study is to reveal the features of the process of social identification of the protagonist of Salia Kahawatte's novel "A Date with Life Blind." The phases of progress towards the desired identity are highlighted, the conceptual concepts of each stage of acquiring self-identification are outlined for S. Kahavatte. Various types of identity are analyzed, which had a significant impact on the socialization of the hero. The scientific novelty of the work lies in the approach to the study of the autobiographical novel by S. Kahawatte in the context of an inclusive culture. As a result of the study, it was concluded that the primary influence of psychophysiological personality traits on the socialization of a person with disabilities.

Keywords: social identity; self-identification; inclusion; Salia Kahawatte; Blind Date with Life.

References

1. Volkova IP Psychological and pedagogical problems of inclusion and integration // Universum: Bulletin of Herzen University. 2012. No. 2. P. 59–66.
2. Zakovorotnaya MV Identity of a person. Socio-philosophical aspects. Rostov-on-Don: Publishing house «Russian State University», 1999. 30 p.
3. Zhulkovska T. Some circumstances of building the identity of disabled people // Knowledge. Understanding. Skill. 2015. No. 1. S. 89–97.
4. Kahawatte Salia. A Blind Date: The Real Story of a Man Who Lost His Eyesight But Gained Much More. M.: Eksmo, 2019. 288 p.
5. Kovaleva AI Varieties of social identity: approaches to classification // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 4. S. 89–103.
6. Krylov AN Evolution of Identities: The Crisis of Industrial Society and New Self-Consciousness of the Individual. M.: Publishing house of NIB, 2010. 272 p. (08/27/2021).
7. Sadokhin AP Intercultural communication. M.: Alpha-M; INFRA-M, 2014. 288 p.
8. Taratukhina Yu.V., Tsyganova L.A., Tkalenko D.E. Intercultural communication in the information society. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. 255 p.
9. Tulykina A. Yu. Modern problems of social identity of the individual // Izvestia SFedU. Technical science. 2006. No. 11. P. 225–228.
10. Erickson E. Identity: youth and crisis. M.: Flinta, 2006. 342 p.
11. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 168 p.
12. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. No. 33. P. 1–33.

Почкаева Елена Ивановна,

доктор медицинских наук, профессор, Южный федеральный университет (ЮФУ), Академия физической культуры и спорта
E-mail: pochkaeva@list.ru

Около 70–75% от общего уровня загрязнений окружающей среды в мире приходится на шумовое. В Европейском регионе на каждого пятого жителя воздействует ночной шум, который неблагоприятно влияет на состояние организма человека [8]. Основной источник шума на урбанизированной территории – транспорт. [2, 3, 6, 12, 14–18]. Особо остро стоит проблема автотранспортного шума [6]. Шумовой режим в городах ухудшает воздушный транспорт [15–17].

Адаптация к шуму невозможна, так как это приводит к нарушениям в организме человека [5]. Сочетанное воздействие шума с химическими примесями атмосферного воздуха может вызвать более сильные нарушения в организме человека, чем при воздействии одного шума [12, 14]. В настоящее время во всем мире 360 миллионов человек страдают потерей слуха и тугоухостью, связанной с воздействиями шума [13].

Несмотря на многочисленные работы, проблемы влияния транспортного шума на здоровье населения и защиты от него остаются недостаточно изученными. Для того, чтобы более эффективно решать вопросы улучшения условий проживания населения на территориях городов, находящихся в зоне влияния транспорта, необходимо владеть информацией о прогнозе динамики ситуации, о самочувствии людей, подвергающихся воздействию сверхнормативного транспортного шума, об эффективности осуществляемых шумозащитных мероприятий. В статье представлена информация об особенностях влияния транспортного шума на здоровье человека на урбанизированных территориях, о мерах по снижению шума, о выполнении шумозащитных мероприятий в городе Ростове-на-Дону и их эффективности.

Ключевые слова: транспортный шум, урбанизированные территории, здоровье населения, защита от шума.

Введение

Территория города Ростова-на-Дону насыщена магистралями и инженерными коммуникациями. В результате застройки окраинных участков мегаполиса город слился с соседними муниципальными образованиями (Аксай, пос. Щепкино). Нагрузка на дорожную сеть на основных въездах в город в настоящее время составляет более 18–20 тыс. авт./час, в центральных районах города – в 2 раза выше. Плотность дорог в центральной части города превышает норматив в 1,7 раза [11].

До 7 декабря 2017 года на территории города в 9 км от центра эксплуатировался аэропорт федерального значения. Из аэропорта выполняли регулярные рейсы более 20 авиакомпаний. С 2018 года все рейсы были переведены в аэропорт «Платов», расположенный в 29 км северо-восточнее Ростова-на-Дону. В течение многих лет, начиная с 1925 года, во время эксплуатации старого аэропорта значительная часть населения города была подвержена воздействию сверхнормативного уровня шума [2, 3, 12, 14–18].

Цель исследования – оценка транспортного шума на урбанизированной территории и эффективности выполненных мероприятий по защите от шума.

Материал и методы исследования

Объект исследования – территория с высокой антропогенной нагрузкой города Ростов-на-Дону, находящаяся в зоне влияния автомобильного и воздушного транспорта.

Исследование проводилось в два этапа:

1-ый этап исследования осуществлялся в 2017 году: на территории города Ростова-на-Дону, находящейся под трассами самолетов вблизи старого аэропорта Ростова-на-Дону, и в зоне влияния автотранспорта.

2-ой этап исследования проводился в 2018–2019 годах: на той же территории, после перевода аэропорта на новую площадку за пределы города, в зоне влияния только автотранспорта.

Предметом исследования явились:

- шум на исследуемой территории (в основу оценки положены инструментальные данные);
- состояние самочувствия населения территории города Ростова-на-Дону, проживающего в зоне влияния воздушного и автомобильного транспорта (анкетный опрос взрослого населения исследуемой территории).

Для определения шумовой характеристики исследуемых территорий использовали шумомер ШИ-01, исследования проводили в соответствии

с ГОСТ 23337–2014 «Шум. Методы измерения шума на селитебной территории и в помещениях жилых и общественных зданий», МУК 4.3.2194–07. «Контроль уровня шума на территории жилой застройки, в жилых и общественных зданиях и помещениях», СН 2.2.4/2.1.8.562–96 «Шум на рабочих местах в жилых помещениях, общественных зданий и территорий жилой застройки» во время максимальной интенсивности движения транспорта. Измерения шума проводились в дневное (с 7.00 до 23.00 ч) и ночное (с 23.00 до 7.00 ч) время суток.

В соответствии с СП 51.13330.2011 «Защита от шума» шумовая характеристика для транспорта была принята следующая:

- для автотранспорта – эквивалентный и максимальный уровень звука на расстоянии 7,5 м от оси первой полосы движения;
- для воздушного транспорта – эквивалентный и максимальный уровень звука в расчетной точке.

Исследования проводились в 7 контрольных точках в летний период. Эквивалентный и максимальный уровни шума сравнивались с нормативными значениями СН 2.2.4/2.1.8.562–96 «Шум на рабочих местах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки».

Было проведено анкетирование взрослого населения (74 человека), проживающего в зоне влияния старого аэропорта и автотранспорта в 2017 году, и в период прекращения эксплуатации старого аэропорта (52 человека) в 2018 году.

Материалы исследований обрабатывались методом вариационной статистики с расчетом достоверности различий сравниваемых величин.

Результаты исследования

На исследуемой территории основными источниками шума в 2017 году являлись воздушный и автомобильный транспорт, в последующие годы – автомобильный транспорт.

Автотранспортный шум характеризуется значительной продолжительностью воздействия, изменчивостью спектральной характеристики в зависимости от вида транспорта [7].

Основными источниками автотранспортного шума являются: процесс взаимодействия шин с дорожным полотном, аэродинамический шум вращения колеса и шины, колебания давления в элементах протектора [6]. Акустический дискомфорт для населения вдоль автомагистрали в дневные часы может достигать 700–1000 метров [4].

Авиационный шум характеризуется высоким уровнем звука, внезапностью возникновения, непродолжительностью усиления и спада акустического воздействия [16].

Источники авиационного шума: возмущение воздушных и газовых потоков, создаваемое работой двигателей, вспомогательные силовые установки. Порядка 30–40% населения, проживающего вблизи аэропортов, испытывают дискомфортные условия [19].

Как показали исследования, выполненные в 2017 году, превышение допустимых уровней шума в контрольных точках на расстоянии 7,5 м от проезжей части автотранспорта по ул. Сарьяна, и находящихся под трассой самолетов, осуществляющих посадку, в дневное время – превышали нормативные показатели по максимальному значению на 29–32 дБА; по эквивалентному показателю – на 8–11 дБА; в ночное время превышения нормативных показателей достигали по максимальному значению на 17–21 дБА; по эквивалентному показателю – на 2–4 дБА.

Исследования, проведенные в последующие годы, при отсутствии влияния воздушного транспорта, показали резкое снижение уровня шума в этих же точках, находящихся только под влиянием только автотранспорта. Так, в дневное время превышение нормативных показателей по максимальному значению составило больше нормативных значений на 19–22 дБА; по эквивалентному показателю – на 5–7 дБА; в ночное время – превышали нормативные показатели по максимальному значению на 5–7 дБА; по эквивалентному показателю – на 1–2 дБА.

Шум, как стрессовый фактор, является причиной дисфункций многих систем организма, в том числе и нервной системы [13–18]. Влияние шума на организм человека зависит от: возраста, состояния здоровья, вида деятельности, от характеристик шума. Слуховая чувствительность понижается при воздействии шума 85–90 дБ, шум свыше 110 дБ ведет к «шумовому опьянению». Результат длительного нахождения в условиях сверхнормативного шума – раздражительность, головная боль, головокружение и др. [9].

При воздействии шума нарушение сна чаще всего наблюдается у детей, пожилых людей, беременных женщин; людей, находящихся в стрессовых ситуациях и рабочих со сменным графиком или работающих вахтовым методом [13].

Транспорт является не только источником шума, но источником вредных химических веществ. Так, например, автотранспорт выбрасывает в атмосферу на уровне дыхания человека более 200 токсичных соединений, в том числе и канцерогенных, таких как бенз(а)пирен, сажа и др.

Выхлопные газы воздушных судов содержат значительные количества окиси углерода, азота, углеводородов, сернистого газа и других компонентов, оказывающих негативное влияние на здоровье населения [1].

Для территорий с сочетанным воздействием химического фактора и шума характерны болезни риска: заболевания сердечно-сосудистой, нервной, эндокринной систем, системы крови и органов кроветворения, кожи и подкожной клетчатки, а также онкологическая заболеваемость [2,14].

Опрос 74 человек, проживающих в зоне влияния старого аэропорта и автотранспорта в 2017 году, показал, что:

- 42 (56,8%) человека беспокоит больше шум пролетающих самолетов, особенно в ночное время, чем проезжающий автотранспорт;

- 25 (33,8%) человек жаловались на бессонницу из-за шума авиатранспорта;
- 17 (23%) человек считают причиной регулярных головных болей шум авиатранспорта;
- 31 (42%) человек допускают, что заболевания сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, эндокринные заболевания они приобрели из-за влияния шума транспорта;
- 68 (91,9%) человек полагают, что у них снижена работоспособность из-за шума транспорта.

Опрос 52 человек, проживающих на этой же территории, находящейся в зоне влияния только автотранспорта, после перевода аэропорта за черту города в 2018 году показал, что:

- 27 (51,9%) человек беспокоит больше всего шум проезжающего автотранспорта;
 - 12 (23,1%) человек жаловались на бессонницу из-за автотранспорта;
 - 11 (21,1%) человек жаловались на регулярные головные боли, по их мнению, из-за автотранспорта;
 - 27 (51,9%) человек предполагают, что заболевания сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, эндокринные заболевания они приобрели из-за влияния шума авиатранспорта, когда эксплуатировался старый аэропорт;
 - 12 (23,1%) человек считают, что у них снижена работоспособность из-за шума автотранспорта
- Большое значение оказывают на шумовой режим вблизи аэропортов высота полета самолетов и время звучания максимальных уровней [15–17].

Анализ литературных источников показал, что на первом месте среди мероприятий по снижению транспортного шума находятся градостроительные мероприятия, которые выполняются по трем направлениям: архитектурно-планировочные (зонирование территории, планировочные решения при осуществлении застройки жилых районов и специальная планировка возводимых зданий, использование шумозащитных конструкций), архитектурно-строительные, специальные шумозащитные.

Для снижения шума в зоне аэропортов рекомендуется выделять три зоны с различной степенью акустической защиты:

- 1-ая зона (шум >75 дБА) – территория у границ аэродромов;
- 2-ая зона (шум >65 дБА) – в которой, кроме промышленных зданий и сооружений, административно-общественных зданий, возможно размещение жилых зданий, имеющих ограждающие конструкции с повышенной звукоизолирующей способностью;
- 3-я зона (шум >55 дБА), в которой допустимо строительство жилых домов.

При строительстве жилых зданий необходимо их группировать, создавая замкнутые пространства, раскрытие которых следует осуществлять в сторону противоположную источнику шума.

Также рекомендуется применять специальные шумозащитные полосы зеленых насаждений, со-

стоящих из одного-двух рядов кустарников и деревьев. Ширина полос должна быть не менее 10 м. С целью увеличения шумозащитных качеств полос зеленых насаждений желательнее со стороны источника звука оборудовать экранирующий барьер [20].

Для снижения шума от автотранспорта дополнительно необходимо осуществлять следующие мероприятия: ограничение скорости автотранспорта до 30 км/ч, применение малозумных покрытий, использование кольцевого пересечения вместо светофорного регулирования, запрет на движение грузового автотранспорта в ночное время, обеспечение плавного движения транспорта, установка акустических экранов [10].

Выполнение градостроительных мероприятий по снижению транспортного шума в полном объеме возможно только в условиях нового строительства.

В соответствии с муниципальной Программой «Развитие и эксплуатация транспортной инфраструктуры и пассажирского транспорта города Ростова-на-Дону» планируется обеспечить совершенствование сети автомобильных дорог, развивать электротранспорт и автотранспорт, что улучшит акустическую обстановку на селитебных территориях города.

Выводы

1. Защита от транспортного шума – это важнейшая гигиеническая проблема урбанизированной территории. Самым значимым источником транспортного шума, влияющим на самочувствие и здоровье жителей города, является воздушный транспорт.
2. При оценке влияния транспортного шума на здоровье населения урбанизированной территории необходимо учитывать сочетанное воздействие химических и физических факторов.
3. Натурные измерения шума на территории, находящейся в зоне влияния воздушного транспорта во время эксплуатации старого аэропорта, и автотранспорта, показали резкое снижение превышений нормативных показателей после перевода аэропорта за черту города: в дневное время превышения нормативных показателей по максимальному значению были снижены на 10 дБА; по эквивалентному показателю – на 3–4 дБА; в ночное время превышения нормативных показателей по максимальному значению уменьшились на 12–14 дБА; по эквивалентному показателю – на 1–2 дБА.
4. Опрос населения, проживающего в зоне влияния воздушного и автомобильного транспорта, выявил снижение жалоб на транспортный шум и улучшение самочувствия жителей после перевода аэропорта за черту города.
5. Перевод аэропорта за черту города является эффективной мерой, направленной на снижение воздействия транспортного шума на здо-

ровье и улучшение качества жизни населения урбанизированной территории.

Литература

1. Асатуров М.Л. Загрязнение окружающей среды при авиатранспортных процессах // Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 1–94.
2. Бондин В.И., Почекаева Е.И., Попова Т.В. Воздействие шума автотранспорта на здоровье населения и меры борьбы с ним в условиях крупного города // Валеология. – 2012. – № 4. – С. 62–67.
3. Бондин В.И., Жаброва Т.А., Каплиев В.А., Лебедева И.А., Лысенко А.В., Мануйленко Э.В., Марченко С.В., Попова Т.В., Почекаева Е.И., Хренкова В.В. Образование. Экология. Здоровье: монография / под редакцией В.И. Бондина. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2012. – 278 с.
4. Булгаков А.Б., Аверьянов В.Н., Бидюк А.Р. Исследование шума транспортных потоков в районе кампуса АмГУ и его влияние на шумовую обстановку на территории и в учебных корпусах университета // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки – 2019. № 85 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-shuma-transportnyh-potokov-v-rayone-kampusamgu-i-ego-vliyanie-na-shumovuyu-obstanovku-na-territorii-i-v-uchebnyh-korpusah> (дата обращения: 03.04.2021).
5. Бухарина И.Л., Пушин К.Е. Комплексная экологическая оценка шумового загрязнения урбанизированных территорий: постановка проблемы // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-ekologicheskaya-otsenka-shumovogo-zagryazneniya-urbanizirovannyh-territoriy-postanovka-problemy> (дата обращения: 03.04.2021).
6. Васильев В.А., Ксенофонтова В.К. Шум автомобильного транспорта // Noise Theory and Practice. 2020. № 1 (19). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shum-avtomobilnogo-transporta> (дата обращения: 18.04.2021).
7. Горецкая А.Г. Особенности шумового воздействия автотранспорта в городской среде / А.Г. Горецкая, И.Л. Марголина, А.В. Мороз // Экологические системы и приборы. – 2017. – № 6. – С. 19–23.
8. Европейское руководство по контролю ночного шума / Night noise guidelines for Europe. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. 2009. 207с.
9. Ефанов А.М., Ляхова О.Л., Мезенцева О.А. Влияние шумового воздействия на здоровье человека // Наука-2020. 2019. № 11 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-shumovogo-vozdeystviya-na-zdorovie-cheloveka-1> (дата обращения: 27.04.2021).
10. Копытенкова О.И., Афанасьева Т.А., Бурнашов Л.Б., Кузнецова Е.Б. Гигиеническая оценка мер снижения сверхнормативного акустического воздействия на жилые территории // Гигиена и санитария. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gigienicheskaya-otsenka-mer-snizheniya-sverhnormativnogo-akusticheskogo-vozdeystviya-na-zhilye-territorii> (дата обращения: 27.04.2021).
11. Муниципальная программа «Развитие и эксплуатация транспортной инфраструктуры и пассажирского транспорта города Ростова-на-Дону» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>
12. Новичкова Н.И., Попова Т.В., Почекаева Е.И. Сочетанное воздействие химических и физических факторов на здоровье детского населения // Сб. Актуальные вопросы организации контроля и надзора за физическими факторами. Материалы Всероссийской практической конференции. – 2017. – С. 298–301.
13. Погоньшева И. А., Луняк И.И., Погоньшев Д.А. Исследования Европейского регионального бюро ВОЗ в рамках влияния шума окружающей среды на здоровье человека // Окружающая среда и здоровье человека: опыт стран Евросоюза: материалы научно-практического семинара. Нижневартовск: Издательский центр «Наука и практика», 2018. С. 20–25.
14. Попова Т.В. Особенности формирования состояния здоровья детского населения при сочетанном воздействии химических и физических факторов: дисс. канд. мед. наук. – Мытищи, 2009. – 123 с.
15. Почекаева Е.И., Винокур И.Л. Здоровье населения и гигиеническая безопасность территорий, прилегающих к аэропортам. – Монография. – М., 2006–240 с.
16. Почекаева Е.И. Здоровье населения и гигиеническая безопасность территорий, прилегающих к аэропортам: дисс. канд. мед. наук. – Мытищи, 2008. – 214с.
17. Почекаева Е.И. Влияние аэропортов на здоровье населения // Здравоохранение Российской Федерации. – 2008. – № 2. – С. 54–56.
18. Почекаева Е.И., Попова Т.В. Безопасность окружающей среды и здоровье населения: учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 443с.
19. Сазонов Э.В., Сухорукова И.А. Оценка шумового загрязнения территорий поселений, находящихся в зоне влияния аэродромов // Вестник МГСУ. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-shumovogo-zagryazneniya-territoriy-poseleniy-nahodyaschihsya-v-zone-vliyaniya-aerodromov-1> (дата обращения: 17.04.2021).
20. Сухорукова И.А. Снижение авиационного шума на приаэродромных территориях // Современные технологии обеспечения гражданской

обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2014. № 1 (5). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-aviatsionnogo-shuma-na-pri-aerodromnyh-territoriyah> (дата обращения: 23.04.2021).

TRAFFIC NOISE IN URBANIZED AREAS

Pochukaeva E.I.

Southern Federal University (SFU)

About 70–75% of the total level of environmental pollution in the world is accounted for by noise. In the European region, every fifth resident is affected by night noise, which adversely affects the state of the human body [8].

The main source of noise in an urbanized area is transport. [2, 3, 6, 12, 14–18]. The problem of motor vehicle noise is particularly acute [6]. Noise conditions in cities worsen air transport [15–17].

Adaptation to noise is impossible, as it leads to disturbances in the human body [5]. Combined exposure to noise with chemical admixtures of atmospheric air can cause more severe disturbances in the human body than when exposed to noise alone [12,14]. Currently, 360 million people worldwide suffer from hearing loss and hearing loss associated with noise exposure [13].

Despite numerous studies, the problems of the impact of traffic noise on public health and protection against it remain insufficiently studied. In order to more effectively address the issues of improving the living conditions of the population in the territories of cities that are in the zone of influence of transport, it is necessary to have information about the forecast of the dynamics of the situation, about the well-being of people exposed to excess traffic noise, about the effectiveness of noise protection measures.

The article presents information about the peculiarities of the impact of traffic noise on human health in urbanized areas, on measures to reduce noise, on the implementation of noise protection measures in the city of Rostov-on-Don and their effectiveness.

Keywords: transport noise, urbanized territories, public health, noise protection.

References

1. Asaturov M.L. Environmental pollution in air transport processes // Textbook. – Saint-Petersburg, 2010. – p. 1–94.
2. Bondin V. I., Pochekaeva E.I., Popova T.V. The impact of motor transport noise on the health of the population and measures to combat it in the conditions of a large city // Valeologiya. – 2012. – No. 4. – pp. 62–67.
3. Bondin V. I., Zhabrova T.A., Kapliev V.A., Lebedeva I.A., Ly-senko A.V., Manuylenko E.V., Marchenko S.V., Popova T.V., Pochekaeva E.I., Khrenkova V.V. Education. Ecology. Health: a monograph / edited by V.I. Bondin. Rostov n / A: SKNTS VSH, 2012. – 278 p.
4. Bulgakov A. B., Averyanov V.N., Bidyuk A.R. Investigation of traffic noise in the area of the AmSU campus and its impact on the noise situation on the territory and in the academic buildings of the University // Bulletin of the Amur State University. Series: Natural and Economic Sciences-2019. No. 85 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-shuma-transportnyh-potokov-v-rayone-kampusamgu-i-ego-vliyanie-na-shumovuyu-obstanovku-na-territorii-i-v-uchebnyh-korpusah> (accessed: 03.04.2021).
5. Bukharina I. L., Pushin K.E. Complex ecological assessment of noise pollution of urbanized territories: statement of the problem // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAS. 2017. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-ekologicheskaya-otsenka-shumovogo-zagryazneniya-urbanizirovannyh-territoriy-postanovka-problemy> (accessed: 03.04.2021).
6. Vasiliev V. A., Ksenofontova V.K. Noise of automobile transport // Noise Theory and Practice. 2020. № 1 (19). [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/shum-avtomobilnogo-transporta> (accessed: 18.04.2021).
7. Goretskaya A.G. Features of the noise impact of motor transport in the urban environment / A.G. Goretskaya, I.L. Margolina, A.V. Moroz // Ecological systems and devices. – 2017. – No. 6. – p. 19–23.
8. European guidelines for the control of night noise / Night noise guidelines for Europe. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. 2009. 207c.
9. Efanov A.M., Lyakhova O.L., Mezentseva O.A. Influence of noise exposure on human health // Nauka-2020. 2019. № 11 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-shumovogo-vozdeystviya-na-zdorovie-cheloveka-1> (accessed: 27.04.2021).
10. Kopytenkova O. I., Afanasyeva T.A., Burnashov L.B., Kuznetsova E.B. Hygienic assessment of measures to reduce excess acoustic impact on residential territories. 2019. No. 6. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/gigienicheskaya-otsenka-mer-snizheniya-sverhnormativnogo-akusticheskogo-vozdeystviya-na-zhilye-territorii> (accessed: 27.04.2021).
11. Municipal program “Development and operation of transport infrastructure and passenger transport of the city of Rostov-on-Don” [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru>
12. Novichkova N. I., Popova T.V., Pochekaeva E.I. The combined effect of chemical and physical factors on the health of the child population. Materials of the All-Russian Practical Conference. – 2017. – p. 298–301.
13. Pogonyшева I. A., Lunyak I.I., Pogonyshv D.A. Studies of the WHO Regional Office for Europe in the framework of the impact of environmental noise on human health // Environment and human health: the experience of the EU countries: materials of the scientific and practical seminar. Nizhnevartovsk: Publishing Center “Science and Practice”, 2018. p. 20–25.
14. Popova T.V. Features of the formation of the state of health of the child population under the combined influence of chemical and physical factors: diss. cand. med. nauk. – Mytishchi, 2009. – 123 p.
15. Pochekaeva E. I., Vinokur I.L. Public health and hygienic safety of territories adjacent to airports. – Monograph. – M., 2006–240 p.
16. Pochekaeva E.I. Public health and hygienic safety of territories adjacent to airports: diss. cand. med.nauk. – Mytishchi, 2008. – 214s.
17. Pochekaeva E.I. The influence of airports on the health of the population. – 2008. – No. 2. – pp. 54–56.
18. Pochekaeva E. I., Popova T.V. Environmental safety and public health: a textbook. – Rostov n/A: Phoenix, 2013. – 443s.
19. Sazonov E. V., Sukhorukova I.A. Assessment of noise pollution of the territories of settlements located in the zone of influence of airfields. 2012. No. 2. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-shumovogo-zagryazneniya-territoriy-poseleniy-nahodyaschihsya-v-zone-vliyaniya-aerodromov-1> (accessed 17.04.2021).
20. Sukhorukova I.A. Reduction of aviation noise in near-aerodrome territories // Modern technologies for ensuring civil defense and eliminating the consequences of emergency situations. 2014. No. 1 (5). [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-aviatsionnogo-shuma-na-pri-aerodromnyh-territoriyah> (accessed: 23.04.2021).

Социально-правовые аспекты регулирования миграционных процессов в Российской Федерации

Чумак Елена Васильевна,

кандидат наук по государственному управлению, доцент,
Уральский государственный экономический университет
E-mail: lena22021977@yandex.ru

В статье рассматривается специфика Российской миграционной модели. Целью статьи является анализ современных институциональных подходов к управлению миграцией в РФ с целью ее модернизации. Основными задачами исследования в этом контексте являются: установление основных нормативно-правовых актов, определяющих базовые принципы миграционной политики, концептуальная оценка их социальной эффективности, а также определение приоритетных направлений ее совершенствования. Основными методами анализа являются общенаучные методы, а также метод анализа вторичной социологической информации и анализа документов. Автором отмечается, что факторы стимулирующие миграционную активность из страны исхода, и факторы, привлекающие мигрантов в РФ как принимающую страну, не отражены в миграционных программах. В статье отмечается, что современные институциональные образования не могут в полной мере влиять на привлечение мигрантов с объективно необходимыми для эффективного развития РФ навыками, а также обеспечить защиту интересов русскоязычного населения (в т.ч. лиц, готовящихся к миграции в РФ) на территории исхода. Автор указывает на необходимость перехода к управлению миграционными процессами и продвижению привлекательности РФ как потенциальной территории вселения при помощи методов социальной инженерии, используя социальные технологии, описанных в статье.

Ключевые слова: миграционные процессы, регулирование, социальные технологии, миграционные программы, привлечение мигрантов.

Проведенный нами в предыдущих работах исторический обзор правовых механизмов регулирования миграционных процессов в Российской Федерации показал, что исторически сложившиеся подходы к управлению миграционными процессами в современных реалиях оказываются неадекватными. Основными причинами такого положения мы видим современные трансформации в экономическом и геополитическом пространстве РФ. При этом достаточно четко определились проблемы современной миграции в РФ.

Следует отметить, что основная направленность современных миграционных процессов для РФ на протяжении последних лет существенно трансформировалась. Современная миграционная активность, по нашему мнению, заключается не столько в необходимости сохранения социокультурных ценностей постсоветского пространства (и русского населения, оставшегося на постсоветских территориях), сколько обеспечение экономики трудовыми ресурсами определённого качества. При этом общая доктрина управления миграционными процессами за период с начала выстраивания в РФ миграционной политики (середина 90-х годов прошлого века) до современного этапа существенных изменений не претерпела. Современные миграционные процессы в РФ, на данном этапе трансформировались из политической плоскости в плоскость экономическую, что не могло не отразиться на структуре и характере мигрантов. Соответственно, миграционная политика более чем 20-ти летней давности не в полной мере соответствует решению текущих задач социально-экономического развития РФ.

Анализируя общие причины современных миграционных процессов в РФ можно констатировать их некоторые отличия от общемировых тенденций. Так, в частности, необходимость обеспечения миграции в РФ в первую очередь не отсутствием трудовых ресурсов как таковых, а их неравномерным распределением по территориям. Указанная тенденция была характерна для царской России (18–19 века), с той лишь разницей, что переизбыточным в плане трудовых ресурсов является не Центрально-Черноземный, а Северо-Кавказский экономический район. При этом отечественное правовое поле, в большей мере ориентировано на внешнюю миграцию. Внутренняя же обеспечивалась, в большей степени, социально-экономическими и социально-политическими причинами.

Специфика Российской миграционной модели заключается в том, что для большинства других

стран, более характерна не региональная, а именно государственная неравномерность распределения населения (трудовых ресурсов). В Российской Федерации, в большей степени характерна именно региональная неравномерность. Соответственно решение демографических проблем, возможно в значительной мере за счет реализации внутренних миграционных программ. Однако в РФ преобладают внешние миграционные программы. Соответственно, существует необходимость уточнения существующих миграционных программ с целью повышения значения внутренней миграции в экономических практиках населения ряд регионов.

Обзору нормативного поля миграционной политики в российской литературе посвящен ряд работ [1]. В частности Р. Эдилова, справедливо отмечает, что нормативное регулирование вопросов миграции и защиты прав мигрантов в Российской Федерации на 4-х уровнях: на федеральном уровне (Конституция Российской Федерации, федеральные законы и подзаконные акты – указы Президента Российской Федерации; постановления Правительства РФ; нормативные правовые акты федеральных министерств и ведомств); на уровне субъектов Российской Федерации (законы субъектов РФ; подзаконные акты, издаваемые органами исполнительной власти субъектов РФ); на уровне местного самоуправления (нормативные акты органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления); на межгосударственном уровне (заключение многосторонних и двусторонних соглашений с другими государствами в области миграции), а также на основании общепризнанных принципов и норм международного и европейского права [2].

Следует отметить, что анализ нормативно-правового поля российской миграционной политики позволяет установить, что основные программные и нормативные документы, связанные с миграционной политикой (как федерального, так и уровня субъектов федерации) были утверждены в период до 2010 года (за исключением инструментов правового регулирования незаконно миграции). В основном это связано с тем, что современная стратегия развития миграционной политики была намечена президентом РФ В.В. Путиным на заседании Совета безопасности 17 марта 2005 г. Программной задачей указанной политики стало «сформировать новые дополнительные условия для привлечения в Россию людей, способных внести позитивный вклад в развитие нашей страны» [1]. Так же президент назвал стимулирование миграционных процессов «нашей важнейшей задачей». Позднее актуальность решения этой задачи была отмечена и в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в мае 2006 г. [3]. Официальным программным документом является утвержденная 9 октября 2007 года Указом Президента Российской Федерации № 1351 Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая признает необходимость привлечения ми-

грантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития. Основными средствами называются: содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом; стимулирование возвращения в страну эмигрантов; привлечение квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских ВУЗов, на постоянное место жительства; привлечение молодежи из иностранных государств для обучения и стажировки с возможным предоставлением преимуществ в получении гражданства по окончании учебы. [3, с. 50]. При этом очередной Указ Президента, являющийся логическим продолжением предыдущего определяет, что основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. «Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем. Она должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества» [4].

При этом, рассматриваемый указ делает акцент на привлечение в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Следует сказать, что в самом указе отмечается роль данной программы где говорится: «В 2012–2017 годах миграционный приток в Российскую Федерацию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики. В гражданство Российской Федерации принято более 1 млн человек, из них 525 тыс. человек – в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению...» [5]. При этом, факторы стимулирующие миграционную активность из страны исхода, и факторы, привлекающие мигрантов в РФ как принимающую страну – остаются вне программного поля.

В современной литературе нам удалось найти только одни (причем несколько устаревшие) результаты социологических исследований русских, проживающих в других странах о возможности переезда в РФ. По данным исследования «В экономически благополучных Латвии и Германии соотечественники реже задумываются о возможности переезда в другую страну. У тех же, кто подумывает о такой возможности, предпочтения разделились поровну: половина желающих уехать из этих стран ориентирована на Россию, другая половина – на переселение в другие государства. ... Население менее благополучных Молдавии и Украины чаще обращает свой взор на Россию в раздумьях о возможной смене места жительства» [6]. Фактически, по результатам этого исследования констатируется миграционная привлекательность

из экономически неблагополучных стран. При этом, мы считаем, что для многих русских, являющихся зарубежными носителями русской культуры (и языка) политическая миграция в РФ на современном этапе становится одной из немногих стратегий возможного сохранения национальной самоидентичности.

О. Ковалева высказывает достаточно интересную мысль о том, что «... соотечественники разнообразны в своих жизненных установках, обычаях и привычных стереотипах поведения. Соответственно, государство обязано различать их и выстраивать иерархию отношений с различными этническими группами соотечественников» [7]. Однако, говоря о результатах наших социологических исследований, а также используя данные других авторов можно несколько упростить жизненные стратегии современных мигрантов сведя их к 3-м разновидностям: экономические (обеспечение более высокого уровня дохода); политические (сохранение социально статуса или жизни в результате преследований); негативные (миграция с целью причинения вреда РФ). Относительно этнических групп, о которых говорит О. Ковалева, следует отметить, что увеличение притока собственно русского населения видится нам возможным только в результате активизации жизненной стратегии, названной нами «политической» (основными странами сохранившегося миграционного потенциала являются: Казахстан, Украина, Молдавия, Страны Прибалтики). В тоже время, анализируя Концепцию внешней политики РФ [8], а также направленность различных гуманитарных программ можно заключить, что приоритетными задачами для внешнеэкономического и гуманитарного сотрудничества является «углубление и расширения интеграции в рамках ЕАЭС и СНГ» [8]. Таким образом возникает критически важный вопрос относительно приоритетов миграционной политики. Согласно анализу реализации программ работы с соотечественниками за рубежом на 2006–2008 гг. [9]; [10], и на текущий момент [11], приходим к выводу, что современные миграционные программы не содержат прямого определения «желательного мигранта». Это определение, по нашему мнению, достаточно важно по причинам, описанным О. Ковалевой. Так автор считает: «Задача сохранения России как своеобразного «концерта» этнических культур и антропологических типов (составляющих национально-культурную самобытность России) требует признания этого своеобразия в качестве объекта для защиты от размывания и искажения». [7]. В то же время, акцент работы Россотрудничества ориентирован на продвижение (сохранение) русского языка и русской культуры за рубежом. Так, проведенный молодыми исследователями анализ ФЦП «Русский язык» позволил «отследить нарастание темпов и расширения численности участников и географии мероприятий и сотрудничества в популяризации и освоении русского языка. Программа и её результаты глобальны и имеют мировое значение не только для

России, но и для всего мира в целом» [12]. Иными словами, реализуется идея продвижения русского языка и русской культуры в государства с иной культурной и языковой средой. Фактически, популяризация РФ в этих странах может так же стать определённым источником мигрантов, при этом останется открытым вопрос культурной идентичности будущих мигрантов, а также стратегий их миграционного поведения в условиях отсутствия эффективных миграционных программ для лиц, не попадающих под действия государственной программы «Соотечественник».

С другой стороны, совершенно справедливым нам видится еще один тезис О. Ковалевой о том, что «Иммиграция в Российскую Федерацию должна быть ограничена как по общим основаниям (судимость, опасные болезни, участие в экстремистских организациях, участие в шпионской деятельности против России и т.п.), так и по основаниям, которые могут меняться в зависимости от социально-экономического и этнополитического положения, сложившегося на территории Российской Федерации в данный момент» [7]. Однако, подобный подход к оценке программы добровольного переселения в современной литературе нами не найден.

Говоря о миграционном законодательстве, необходимо обратить внимание на необходимость формирования «эффективной и действенной системы оказания правовой помощи и защиты прав соотечественников за рубежом» [9]. При этом, автор справедливо отмечает, что это «невозможно без разработки и практической реализации механизмов оказания им правовой поддержки, основанной на имплементации (осуществлении, исполнении) положений Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, а также международных стандартов по правам человека и других нормативов ...» [9]. Следует согласиться и с Т. Котбашьяном, отмечавшим слабость институциональной структуры РФ в плане помощи соотечественникам в сохранении национальной самоидентичности за рубежом. Все в большем количестве стран (даже включенных в перечень приоритетных для сотрудничества) [8], опрос реального сохранения российской (или постсоветской) идентичности сопряжен со значительными социальными и экономическими рисками. При наличии нескольких органов, осуществляющих деятельность в отношении соотечественников за пределами Российской Федерации, ни один из них не имеет функций по защите собственно соотечественников за пределами Российской Федерации [13]. Иными словами, даже при условии соблюдения прав потенциальных мигрантов в стране исхода вопрос безопасности остается открытым. Последний фактор также, определенным образом, ограничивает возможности для миграции, или в значительной степени приближает добровольную миграцию (носителей русской идентичности) в РФ к беженству. Т.е. часть русскоязычного населения вынуждена бросать (продавать за бесценок) имущество в стране исхода, претендуя пре-

имущественно на номинальную помощь в рамках государственной программы добровольного переселения [14].

Сложно не согласиться с Т. Котбашян, который отмечает, что: «Эффективность правового регулирования ... должна обеспечивается ... разумным сочетанием императивности (властности) и диспозитивности (дозволенности) в области защиты соотечественников за пределами Российской Федерации» [13]. Данный тезис мы бы дополнили необходимостью подобного подхода к регулированию миграционных процессов и внутри государства (процессов натурализации мигрантов, приехавших в рамках госпрограммы). При этом границы императивности и диспозитивности, по нашему убеждению, должны находиться в социально-нормативных рамках.

Все сказанное выше приводит нас к необходимости перехода к управлению миграционными процессами и продвижению привлекательности РФ как потенциальной территории вселения при помощи методов социальной инженерии. Действия подавляющего большинства социоинженерных методов, в полной мере соответствуют принципам международного права и концептуальным положениям изложенным Президентом РФ [8]. При этом, они выходят за рамки исключительно гуманитарных действия и включают в себя набор более широкого спектра инструментов, среди которых появляются и экономические и (в некоторых случаях) социоманипулятивные методы воздействия. Современные институциональные образования в частности Россотрудничество [15], Международный совет российских соотечественников [16], как показывает современная практика, в рамках используемых инструментов (уставных целей), не могут в полной мере эффективно организовать ни привлечение мигрантов с объективно необходимыми для эффективного развития РФ навыками, ни обеспечить защиту интересов русскоязычного населения (в т.ч. лиц, готовящихся к миграции в РФ) на территории исхода.

Не вдаваясь в представление контурных инструментов социально-технологического воздействия, считаем необходимым, использование социальных технологий (в классификации Д. Ядранского [17, с. 150]) следующих видов:

- экономические, моделирующие хозяйственно-экономическую деятельность (на принимающей территории);
- собственно социальные, регулирующие социальную сферу общества (на принимающей территории и на территории исхода);
- политические, оперирующие политическими процессами (в первую очередь на территории исхода);
- культурологические, представляющие явления и процессы в сфере культуры (в первую очередь, на территории исхода);
- духовно-идеологические, моделирующие идеологические и духовные процессы (в первую очередь, на территории исхода);

- информационные, отражающие информационные процессы (в первую очередь на принимающей территории);
- управленческие, ориентированные на оптимизацию управленческих процессов (в первую очередь на принимающей территории).

Комплексное использование указанных социальных технологий возможно, как уже существующими институциональными органами, так и в виде совмещения данной деятельности с органами, непосредственно осуществляющими на территории РФ реализацию миграционной политики (в данный момент МВД). Перемещение акцента с институционального на социальное управление, по нашему мнению, позволит в рамках существующего нормативно-правового поля ощутимо улучшить эффективность работы РФ в области миграции и облегчить траектории интеграции мигрантов с русской самоидентичностью в социальное пространство РФ.

Литература

1. Косарева В.В. Развитие миграционного законодательства в России в XXI веке // АБСсП. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-migratsionnogo-zakonodatelstva-v-rossii-v-xxi-veke> (дата обращения: 28.02.2021); Косарева Владислава Владимировна Правовое регулирование миграционных процессов в российском законодательстве: историко-теоретический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-migratsionnyh-protsessov-v-rossiyskom-zakonodatelstve-istoriko-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 23.02.2021)
2. Эдилова, Р.Э. Нормативно-правовое регулирование миграционных отношений в России: проблемы и пути их преодоления / Р.Э. Эдилова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2012. – № 2 (37). – С. 204–206. – URL: <https://moluch.ru/archive/37/4300/> (дата обращения: 23.02.2021)
3. Айрапетян С.В. Правовые аспекты формирования новой государственной миграционной политики России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2011. № 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-formirovaniya-novoy-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politiki-rossii> (дата обращения: 28.02.2021)
4. Указ Президента РФ от 14.09.2012 N1289 (ред. от 24.07.2020) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/
5. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной ми-

- грационной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы” 1 ноября 2018 / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/>
6. Баскакова, Ю.М. Портрет соотечественника за рубежом / Ю.М. Баскакова, А.В. Трифонова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 1(89). – С. 125–145
 7. Ковалева, О. Н. К вопросу об определении понятия «соотечественник» / О.Н. Ковалева // Юридическая мысль. – 2008. – № 6(50). – С. 44–47
 8. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронное издание] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=2&rangeSize=1>
 9. Скринник, В.М. Политико-правовые аспекты взаимодействия России с соотечественниками за рубежом / В.М. Скринник // Власть. – 2009. – № 5. – С. 68–71;
 10. Яковлев В.А., Прудникова Т.А. Современные проблемы реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-po-okazaniyu-sodeystviya-dobrovolnomu-pereseleniyu-sootchestvennikov> (дата обращения: 28.08.2021).
 11. Зорин Владимир Юрьевич, Герасимова Ирина Владимировна, Бурда Михаил Александрович. Потенциал и особенности реализации государственной программы по переселению соотечественников // Вестник МГОУ. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-i-osobennosti-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-po-pereseleniyu-sootchestvennikov> (дата обращения: 28.08.2021).
 12. Черкасова, Н.В. Федеральная целевая программа «русский язык»: содержание и реализация / Н.В. Черкасова, Е.А. Лихачева // Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – № 1(19). – С. 118–122
 13. Котбашян, Т.С. Цели и методы конституционно-правовой защиты соотечественников за пределами Российской Федерации / Т.С. Котбашян // Современное право. – 2008. – № 1–1. – С. 17–22
 14. Грибкова, С.В. Федеральные и региональные программы по работе с мигрантами в Российской Федерации / С.В. Грибкова // Социальная работа в области защиты детей в России и Германии: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции в рамках III Международного фестиваля науки, Москва, 14–16 февраля 2018 года / Ответствен-

ные редакторы Н.М. Комарова, Т.Ф. Сулова. – Москва: Московский государственный областной университет, 2018. – С. 80–86.

15. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству / <https://rs.gov.ru/ru>
16. Международный совет российских соотечественников <http://www.msrs.ru/>
17. Ядранский, Д.Н. Социальная инженерия как технология государственного администрирования [Текст]: [монография] / Д.Н. Ядранский; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та] 2018. – 233 с.

SOCIO-LEGAL ASPECTS OF THE REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Chumak E.V.
Ural State University of Economics

The article examines the specifics of the Russian migration model. The purpose of the article is to analyze modern institutional approaches to the management of migration in the Russian Federation with the aim of its modernization. The main objectives of the study in this context are: the establishment of the main regulatory legal acts that determine the basic principles of migration policy, a conceptual assessment of their social effectiveness, as well as the definition of priority areas for its improvement. The main methods of analysis are general scientific methods, as well as the method of analysis of secondary sociological information and analysis of documents. The author notes that the factors stimulating migration activity from the country of origin, and the factors attracting migrants to the Russian Federation as a host country, are not reflected in migration programs. The article notes that modern institutional formations cannot fully influence the attraction of migrants with skills that are objectively necessary for the effective development of the Russian Federation, as well as ensure the protection of the interests of the Russian-speaking population (including persons preparing for migration to the Russian Federation) in the territory of origin. ... The author points out the need for a transition to the management of migration processes and the promotion of the attractiveness of the Russian Federation as a potential territory of settlement with the help of social engineering methods, using the social technologies described in the article.

Keywords: migration processes, regulation, social technologies, migration programs, attraction of migrants.

References

1. Kosareva V.V. The development of migration legislation in Russia in the XXI century // AVBSP. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-migratsionnogo-zakonodatelstva-v-rossii-v-xxi-veke> (accessed: 28.02.2021).; Kosareva Vladislava Vladimirovna Legal regulation of migration processes in Russian legislation: historical and theoretical aspect // Leningrad Law Journal. 2015. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-migratsionnyh-protsessov-v-rossijskom-zakonodatelstve-istoriko-teoreticheskiy-aspekt> (accessed: 23.02.2021)
2. Edilova, R.E. Regulatory and legal regulation of migration relations in Russia: problems and ways to overcome them / R.E. Edilova. – Text: direct // Young scientist. – 2012. – № 2 (37). – Pp. 204–206. – URL: <https://moluch.ru/archive/37/4300/> (accessed: 23.02.2021)
3. Hayrapetyan S.V. Legal aspects of the formation of a new state migration policy of Russia // Izvestiya TuSU. Economic and legal sciences. 2011. No. 2–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-formirovaniya-novoy-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politiki-rossii> (accessed: 28.02.2021)

4. The decree of the President of the Russian Federation dated 14.09.2012 N1289 (ed. by 24.07.2020) "On the implementation of the State program on rendering assistance to voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad" / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/
5. The decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 "On the Concept of state migration policy of the Russian Federation on 2019–2025" 1 Nov 2018 / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/>
6. Baskakova, Yu.M. Portrait of a compatriot abroad / Yu.M. Baskakova, A.V. Trifonova // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 2009. – № 1(89). – Pp. 125–145
7. Kovaleva, O.N. On the question of defining the concept of "compatriot" / O.N. Kovaleva // Legal thought. – 2008. – № 6(50). – Pp. 44–47
8. Decree of the President of the Russian Federation No. 640 of 30.11.2016 "On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" [Electronic edition] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=2&rangeSize=1>
9. Skrinnik, V.M. Political and legal aspects of Russia's interaction with compatriots abroad / V.M. Skrinnik // Power. – 2009. – No. 5. – pp. 68–71;
10. Yakovlev V. A., Prudnikova T.A. Modern problems of implementation of the State program on assistance to voluntary resettlement of compatriots // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-problemy-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-po-okazaniyu-sodeystviya-dobrovolnomu-pereseleniyu-sootechestvennikov> (accessed: 28.08.2021).
11. Zorin Vladimir Yuryevich, Gerasimova Irina Vladimirovna, Burda Mikhail Alexandrovich. The potential and features of the implementation of the state program for the resettlement of compatriots // Bulletin of the Moscow State University. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-i-osobennosti-realizatsii-gosudarstvennoy-programmy-po-pereseleniyu-sootechestvennikov> (accessed: 28.08.2021).
12. Cherkasova, N.V. Federal target program "Russian language": content and implementation / N.V. Cherkasova, E.A. Likhacheva // Postgraduate student. Appendix to the journal Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2016. – № 1(19). – Pp. 118–122
13. Kotbashyan, T.S. Goals and methods of constitutional and legal protection of compatriots outside the Russian Federation / T.S. Kotbashyan // Modern law. – 2008. – No. 1–1 – pp. 17–22
14. Gribkova, S.V. Federal and regional programs for working with migrants in the Russian Federation / S.V. Gribkova // Social work in the field of child protection in Russia and Germany: current state and prospects for development: A collection of materials of the International scientific and practical conference within the framework of the III International Science Festival, Moscow, February 14–16, 2018 / The responsible editors are N.M. Komarova, T.F. Suslova. – Moscow: Moscow State Regional University, 2018. – pp. 80–86.
15. Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation / <https://rs.gov.ru/ru>
16. International Council of Russian Compatriots <http://www.msr.ru/>
17. Yadransky, D.N. Social engineering as a technology of state administration [Text]: [monograph] / D.N. Yadransky; M-in science and Higher Education. education grew. Federation, Ural State Economy. un-T. – Yekaterinburg: [Publishing house of the Ural State Economy. un-ta] 2018 – – 233 p.

Патриотические установки студентов технического вуза (на примере г. Самара)

Гридина Вера Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Философия и социально- гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет
E-mail: samavera@mail.ru

Рязанцев Игорь Павлович,

доктор экономических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
E-mail: dekan-soc@mail.ru

В статье рассматривается и анализируется понимание патриотизма современной молодежью. Представлен анализ результатов социологических исследований, проведенных в Самарском государственном техническом университете (СамГТУ) и посвященных восприятию студентами таких понятий, как Родина, страна, патриотизм. Рассмотрены и проанализированы наиболее значимые события отечественной истории с точки зрения молодежи, политические деятели, вызывающие у студентов наибольшее уважение и оказавшие существенное влияние на историю России. Предложены возможные формы работы и мероприятия по повышению уровня патриотизма среди молодежи. Отмечается, что большую роль в формировании уровня патриотизма играет не только государство, но и семья, образование, СМИ. Обосновывается необходимость планомерной работы по патриотическому воспитанию, а также привлечение студентов к подготовке и реализации молодежных проектов патриотической направленности.

Ключевые слова: вуз, студенческая молодежь, патриотизм, традиции, гражданственность.

До недавнего времени любовь к Родине являлась одной из значимых ценностей человека. Современный российский патриотизм как социальное явление сильно отличается от существовавшего в период СССР или ранее. Как отмечают Козлов, В.Н. и Салганова, Е.И, с одной стороны, в последние годы население России стало больше «любить Родину», при этом меньше «работать во благо страны», а с другой – стала снижаться доля тех, кто готов высказывать собственное мнение о стране [2]. В настоящее время, когда в мире стираются границы и национальные различия, патриотизм все чаще рассматривается в негативном ключе, в то время как, по мнению авторов, патриотическое чувство является одним из важнейших для формирования национального самосознания. Молодое поколение, от которого зависит сохранение традиций, должна их усваивать и поддерживать. В основе таких традиций должны быть любовь и верность своей Родине, готовность защищать и отстаивать интересы страны [3]. Поэтому изучение темы патриотизма в студенческой среде, восприятие Родины, понимание значимости истории родной страны и отношение к политическим деятелям прошлого и настоящего актуально и в наши дни. В последние годы данная тематика является достаточно распространенной. Среди школьников и студентов регулярно проводятся исследования, направленные на понимание и определение их степени патриотизма, а также ведется поиск эффективных способов повышения заинтересованности молодежи данной проблемой.

По результатам опросов, российская молодежь считает патриотами людей, которые стараются сделать все возможное для процветания Родины, способны пожертвовать собой на благо Отечества, защищают свою Родину [8]. В научной литературе отсутствует единое понимание патриотизма. Поэтому встречается различное толкование данного понятия: от любви к семье и ощущения связи с Родиной и людьми, живущими на родной земле («малая Родина») до любви и гордости за свою страну, выраженной в действиях, уважительном отношении к ее историческому прошлому, обычаям и традициям, чувство долга («большая Родина») [3;4;6;7;8].

В Самарском государственном техническом университете, где обучаются студенты со всего

мира, регулярно проводятся исследования, тематика которых связана с отношением к патриотизму, знанием и уважением собственных традиций, толерантностью к окружающим.

Результаты анкетного опроса, в котором приняли участие более 300 студентов СамГТУ всех факультетов и курсов в возрасте от 18 до 22 лет, показывают, что большинство респондентов уважают, ценят и любят свою Родину (около 80% опрошенных). По мнению большинства опрошенных, Родина – прежде всего родные места, где жил их народ и предки, защищавшие их в исторических сражениях, земля, на которой человек родился и вырос и которую необходимо любить, беречь и защищать. Более трети учащихсся считают Россию своим домом, в котором они живут и именно от них зависит то, каким этот дом будет завтра. Таким образом, заметная часть студентов не только выражает любовь к своей стране, но и заявляет о своей ответственности за нее. При этом, 22% опрошенных отметили, что Россия – это страна с «нерешаемыми проблемами и сложностями». Примечательно, что из предложенных вариантов студенты чаще всего выбирали положительные формулировки ответов (55,5%). Яркое представление об отношении к своей стране дают ответы учащихсся, указанные ими в варианте ответа «Другое».

Все представленные респондентами суждения можно условно разделить на две группы: 1) «Страна нереализованных возможностей» и 2) «Страна, ждущая перемен». Отметим, что в своих ответах лишь в одном случае Россия была названа Родиной, во всех остальных «страной» («эта страна», «наша страна», «не моя страна» и т.д.), то есть нейтрально, по возможности эмоционально отстраненно. К первой группе суждений мы отнесли следующие ответы респондентов: «Страна, в которой с каждым днём всё меньше и меньше условий для нормальной жизни», «место, где я родился и умру в муках», «не моя страна», «страна нереализованных возможностей», «страна, в которой полно проблем, а решить их возможно только, если сменить аппарат управления, но аппарат управления завяз в коррупции и родственных или дружеских связях, поэтому наша страна катится ко дну». Вторую группу, заметно меньшую, составили такие высказывания: «страна, которую я могу сделать лучше», «толчок к началу развития», «возможности». Как можно заметить, отрицательных суждений чуть больше, они эмоционально не окрашены, в большей степени это констатация факта, например, об отсутствующих возможностях. Даже положительные оценки указывают на проблемы в стране и роль самих учащихсся в их решении, что дает нам основание предположить, что студенты СамГТУ в отношении своей страны склонны проявлять трезвый, сугубо рационалистический подход.

По мнению большинства опрошенных, уважение к Родине должно проявляться в готовности граждан защищать свою страну, регулярно участвовать в выборах, общественных мероприятиях

и волонтерской деятельности. Такие же результаты в своих исследованиях приводят другие авторы, отмечая, что на одном из первых мест у студентов – участие в общественной жизни и различных патриотических мероприятиях, выполнение трудовых заданий и успешное обучение [2;8].

Следующим вопросом анкеты, раскрывающим отношение к стране, был вопрос с множественным вариантом ответа о наиболее значимых событиях отечественной истории. В качестве таких событий учащиеся СамГТУ выделили: распад СССР в 1991 г. (около 57%), восстановление патриаршества в 1917 г. (49%), «стояние» на реке Угре (27%), Бородинское сражение (25%).

О чем говорят эти данные? По мнению большинства советских и российских историков, «стояние» на реке Угре, то есть военные действия, произошедшие в 1480 году между ханом Ахматом и московским князем Иваном III, положило конец монголо-татарскому игу на севере и северо-востоке Руси, где оно держалось дольше всего и где шёл процесс становления единого Русского государства, которое стало полностью независимым. Таким образом, выбранные события не только тесно связаны друг с другом, но и имеют значение национального укрепления и объединения России, формирования ее как самостоятельного и целостного государства. То, что учащиеся СамГТУ склонны указывать эти события отечественной истории в качестве значимых, может свидетельствовать о том, что для них важны те события, которые делают Россию сильной державой с национальным самосознанием.

Значимым событием признается учащимися и распад СССР в 1991 г., и здесь возникает вопрос о том, в каком смысле дорогим – с позиции того, что действительно значимо, близко сердцу, или, наоборот, то, что внутренне отвергается. Возможно, что отвечая так, учащиеся имели в виду, что распад СССР стало событием существенно изменившими страну и внесшими в ее развитие больше негативного, чем позитивного опыта.

Следующим вопросом, связанным с политическими предпочтениями респондентов, был вопрос с множественным вариантом ответа о политических деятелях, вызывающих наибольшее уважение. Условно политических деятелей мы разделили на сторонников разных политических взглядов (от либерализма до анархизма). Это было сделано, чтобы понять, каким политическим взглядам симпатизируют современные студенты и насколько данные симпатии близки национальным интересам России. По этой же причине в список были включены не только политические деятели российской истории, но и мировой, а также исключены имена наиболее популярных политиков современности, например, президента РФ Путина В.В., дабы избежать ангажированности анкеты. Для желающих указать свой вариант ответа была предложена графа «Другое».

Согласно данным, тройку лидеров возглавляют политические деятели отечественной истории

(Петр I, Иосиф Сталин, Николай II), что довольно примечательно и свидетельствует отчасти о патриотической настроенности респондентов. Выбранные лидеры – люди «сильной руки», оказавшие существенное влияние на историю России.

Согласно данным опроса Гитлер не занимает самых низких позиций в списке, как можно было предположить, их занимают такие деятели, как анархист Петр Кропоткин, лидер французской политической партии «Национальный фронт» Мари Ле Пен, члены демократической партии США Хиллари Клинтон и Барак Обама. Гитлер, несмотря на последствия развязанной им войны, вызывает гораздо больше симпатий у студенческой молодежи (12,2% опрошенных), чем политики современности и больше, чем анархические идеи Кропоткина, которые зачастую популярны среди молодежи. Сам факт того, что Гитлер набирает положительные оценки учащихся, свидетельствует о том, что среди российской молодежи имеют место профашистские настроения, пусть количественно и не столь заметные.

Также подчеркнем, что 95,6% ответивших в СамГТУ на такой вариант ответа, как «Другое» упоминали политиков разных исторических эпох, среди которых по популярности – Иван IV (Грозный), Алексей Навальный, Муамар Кадаffi, Борис Немцов и др. Вновь мы видим, что студенты Политеха симпатизируют в большей степени политикам, обладающим не только яркой политической харизмой, но и сильной волей, желанием изменить мир в соответствии со своим видением.

Часть ответов респондентов, как в СамГТУ, так и других вузах, содержало отрицательную оценку событий, происходящих в стране и регионе, а также указывало на необходимость создания благоприятных экономических и социальных условий (социальную поддержку и защиту населения, более эффективную налоговую политику, доступную и качественную медицину и образование) для повышения уровня патриотичности населения и более уважительному отношению граждан к государству [2;3;8]. Однако, несмотря на критику, подавляющее большинство студентов Самарского Политеха (90%), как и молодежь других вузов (84,1%) считают себя патриотами [4] и уверены, что работа патриотической направленности в вузах должна проводиться. При этом молодые люди активно предлагают разнообразные формы работы и мероприятия, направленные на повышение уровня патриотизма среди молодежи. Среди наиболее распространенных ответов российских студентов, в том числе учащихся СамГТУ: введение в школах и вузах учебных курсов и факультативов по патриотизму, посещение парадов, музеев, производство фильмов о героях страны и их просмотр, проведение тематических праздников по важнейшим датам российской истории, организация встреч студентов и шефство над ветеранами войн, труда, создание патриотических клубов, знакомство с историей, культурой и ценностями

страны, спортивные и оздоровительные мероприятия, конкурсы гражданско-патриотической направленности, развитие волонтерского движения, реализация молодежных грантов по развитию патриотизма и т.д. [2;3;4]. Подводя итоги исследования, следует отметить, что размытость понимания термина «патриотизм» порождает его несформированность и расплывчатые представления о нем в сознании молодежи [2]. Проводимые в учебных заведениях мероприятия по укреплению гражданственности часто не систематичны. Кроме того, семья не всегда является источником формирования положительного отношения к стране и государству, в то время как патриотизм и любовь к Родине воспитывается у ребенка в семье с детства [5]. Поэтому основная задача не только государства, образования и СМИ, но и семьи, заключается во взаимодействии с целью формирования национального самосознания, гражданственности и патриотизма [8]. Необходима обдуманная и целенаправленная работа с молодежью по формированию патриотизма. Данная работа, на наш взгляд, должна отвечать современным потребностям молодежи и учитывать их интересы [3]. Следует привлекать молодых людей к активному участию, подготовке и реализации проектов патриотической направленности различного уровня, чтобы они не носили декларативный характер, а были осмыслены каждым учащимся. Целесообразно использовать международный опыт и включать в учебные планы различные программы, курсы и дисциплины по развитию патриотизма, проводить международные дни и недели, в ходе которых можно показать и рассказать о своих культурных традициях [1].

Литература

1. Иваненко В.С. Международный опыт патриотического воспитания подрастающего поколения // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118).
2. Козлов В.Н. Патриотизм учащейся и студенческой молодежи в зеркале общественного мнения: состояние и тенденции / В.Н. Козлов, Е.И. Салганова // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 772–783.
3. Корж Н.В. Основные направления формирования патриотического сознания студенческой молодежи: региональный аспект // Власть. 2021. № 1. С. 123–130.
4. Низова Л.М, Рыбакова А.П. Патриотизм в студенческой среде // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 1, part 4.
5. Позднякова О.К., Крылова Е.Л. Структура патриотического сознания молодёжи: педагогический аспект // СНВ. 2019. № 3 (28).

6. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Влияние обучения в вузе на изменение ценностных ориентаций обучающихся // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 99–111.
7. Сорокин С.А. Патриотическое сознание: сущность и специфика Вестник МГОУ. Серия: Философские науки / 2009. № 3 с. 148–153.
8. Флоря В. М., Безгодков Д.Н., Волкова О.А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи как объект социологического анализа // Вопросы управления. 2018. № 3 (33).

PATRIOTIC ATTITUDES OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITY

Gridina V.V., Ryazantsev I.P.

Samara State Technical University, Orthodox St. Tikhon Humanitarian University

The article examines and analyzes the understanding of patriotism by modern youth. An analysis of the results of sociological research conducted at the Samara State Technical University (SamSTU) and devoted to the perception of students of such concepts as Motherland, country, patriotism is presented. The most significant events in Russian history from the point of view of young people, political figures that arouse the greatest respect among students and have had a significant impact on the history of Russia are considered and analyzed. Possible forms of work and measures to increase the level of patriotism among youth are proposed. It is noted that not only the state, but also the family, education, and the media plays an important role in the formation of the level of patriotism. The necessity of systematic work on patriotic education is substantiated, as well as

the involvement of students in the preparation and implementation of youth projects of a patriotic orientation.

Keywords: university, student youth, patriotism, traditions, citizenship.

References

1. Ivanenko V.S. International experience of patriotic education of the younger generation // Management consulting. 2018. No. 10 (118).
2. Kozlov V.N. Patriotism of pupils and students in the mirror of public opinion: state and tendencies / V.N. Kozlov, E.I. Salganova // XX International conference in memory of professor L.N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research", March 16–18, 2017, Yekaterinburg. – Yekaterinburg: UrFU, 2017. – S. 772–783.
3. Korzh N.V. The main directions of the formation of patriotic consciousness of student youth: the regional aspect // Power. 2021. No. 1. Pp. 123–130.
4. Nizova L.M., Rybakova A.P. Patriotism in the student environment // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 1, part 4.
5. Pozdnyakova O.K., Krylova E.L. The structure of the patriotic consciousness of youth: the pedagogical aspect // START. 2019. No. 3 (28).
6. Puzanova Zh.V., Larina T.I. The influence of teaching at a university on the change in the value orientations of students // Higher education in Russia. 2021. Т. 30. No. 4. С. 99–111.
7. Sorokin S.A. Patriotic consciousness: essence and specificity Vestnik MГОU. Series: Philosophical Sciences / 2009. No. 3 p. 148–153.
8. Florea V.M., Bezgodov D.N., Volkova O.A. Patriotic education of student youth as an object of sociological analysis // Management issues. 2018. No. 3 (33).

Тенденции трансформации демографических процессов в России

Ван Цзяньган,

кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии Наук
E-mail: w.j.gang2005@gmail.com

В данной статье осуществляется выявление демографической ситуации в России за последние 30 лет. На основе использования данных Федеральной службы государственной статистики представлены демографические изменения (численность населения, естественный прирост и миграционные процессы) Российской Федерации как в целом по стране, так в разрезе субъектов. Автор обращает внимание на демографический кризис и подробно рассматривает его причины и тенденции развития. Ключевыми факторами анализа выступают культура и миграция многонациональной страны. В заключении показано, что современная демографическая политика не способна в полной мере оказывать необходимое влияние для выхода из кризиса, поэтому необходимо создать новые способы его преодоления. В заключении автор предлагает собственные решения для выхода из сложившейся ситуации и необходимые меры.

Ключевые слова: демографический кризис, демография, национальность, рождаемость, население, культура.

В последнее время довольно часто многие ученые и общественные деятели отмечают, что в России демографическую ситуацию можно считать кризисной. Демографический кризис обусловлен проблемами воспроизводства населения в РФ.

В первую очередь необходимо рассмотреть статистику народонаселения в Российской Федерации как в целом, так и по ее регионам. Основными показателями демографии являются рождаемость, смертность и миграционные процессы. Для начала приведем данные о численности постоянного населения РФ. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [14] предоставляет такие данные в период с 1991 по настоящее время. Начиная с 1991 года население страны стало сокращаться. С 2008 года наблюдается небольшой рост населения, что связано с введением материнского капитала в январе 2007 года. При этом за период с 2017–2020 гг. численность населения Российской Федерации сократилась на 52 274 млн чел.

Основой роста численности населения является естественный прирост населения (ЕП), он показывает разницу между рождаемостью и смертностью. Начиная с 1995 по 2008 год население России имело отрицательный прирост населения, то есть на протяжении 13 лет смертность превышала рождаемость [14]. В 2009 году прирост составил 96 306 человек, но с 2013 года опять наблюдается спад. Данная тенденция имеет особую опасность в экономическом плане. Для сравнения приведем численность населения Российской империи после всеобщей переписи 1897 года, которая составила 126,411 млн жителей. За 40 лет с 1857 года население страны удвоилось. Дальнейший рост населения Российской империи до 1914 года также оказался значительным [3]. В то время Российская империя занимала ведущее положение в мировом сельском хозяйстве, а национальный доход страны занимал 4-е место в мире (при этом темпы роста были одни из самых высоких). Резкое сокращение населения может стать причиной развала экономики. Для подтверждения наших слов обратимся к экономической демографии как отрасли демографии, изучающей влияние демографических процессов на экономику. Соответственно, все демографические изменения сказываются на экономике страны: кризис в демографии напрямую скажется на экономическом кризисе страны. Именно поэтому эти две дисциплины важно учитывать вместе. При этом такой демографический кризис будет сопровождаться процессом старения населения (рис. 1).

В последние годы количество пенсионеров увеличивается, при этом процент занятых с 2016 го-

да постепенно сокращается [11]. Важным является то, на какие зачисления будут содержаться пенсионные фонды, если процент рабочего населения резко сократиться.

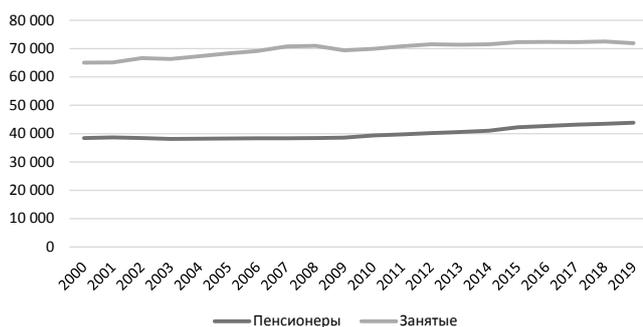


Рис. 1. Структура экономической силы России (тыс. человек)

Ситуация с миграционными процессами также приводится на официальном сайте Росстата [8]. Начиная с 2004 года заметен рост притока мигрантов, лишь в 2010 году наблюдается спад, но уже в 2011 это число резко возрастает, и данная тенденция продолжается по настоящее время. В период с 2011 по 2017 год миграционный прирост превышал естественную убыль населения и стабильно увеличивал численность населения России. Для того, чтобы узнать зависимость ЕП и уровня миграции, необходимо сравнить эти два показателя. Так как активный рост числа приезжих начался в 2011 году, то сравним данные за 2011–2017 гг. (рис. 2).

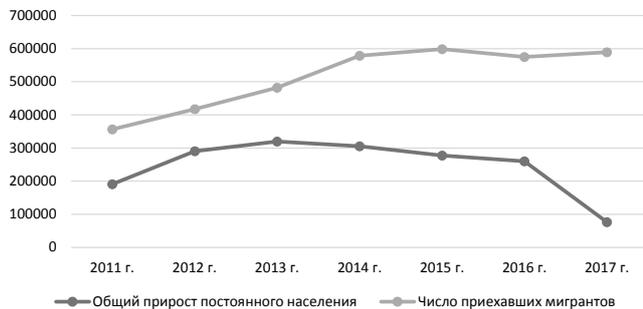


Рис. 2. Сравнение показателей естественного прироста населения и число прибывших мигрантов (2011–2017 гг.), чел.

График на рис. 2 четко отображает обратно пропорциональную зависимость ЕП и потока мигрантов, то есть с ежегодным увеличением численности прибывших, показатель естественного прироста заметно снижается.

Главной негативной тенденцией внутренней миграции является направленность ее потоков. Проанализировав миграционные потоки субъектов РФ, мы можем отметить усиливающийся дисбаланс в распределении и расселении населения по территории страны. Миграционные оттоки происходят с севера и востока страны на запад. Основной поток направляется в Москву и Московскую область (за 2008–2017 годы в Москву из других регионов переехало 676198 человек, а в Московскую область 720226 человек) [14]. Так, например, с Северного Кавказа большинство мигрантов

переселяется в Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область. В Москве и Московской области насчитывается порядка 25% всего миграционного потока именно с этой территории.

Особое внимание необходимо уделить Дальнему Востоку, где уровень рождаемости превосходит среднероссийский. При этом на протяжении уже 20 лет здесь наблюдается отрицательный прирост постоянного населения. Что касается миграционных процессов, то в этом субъекте наблюдается постоянный отток населения [18]. Важное значение играет экономическое положение региона. Например, Еврейский автономный округ и Магаданская область в период с 2011 по 2016 гг. имели отрицательные внутрирегиональные потоки населения; при этом экономические показатели ВРП являются одними из самых низких по округу. Если говорить о внутренней миграции по округам, то больше всего населения Дальнего Востока мигрирует в Центральный Федеральный округ, а меньше всего – в Северо-Кавказский. В 2020 году за пределы региона выбыло более 159 тыс. человек, в страны СНГ – более 33 тыс. (в большей степени в Киргизию и Узбекистан), в другие зарубежные страны более 8 тыс. человек (преимущественно в Китай). Основной причиной выезда из региона является экономический фактор. По данным ВЦИОМ, основной причиной желания уехать почти 50% дальневосточников выделили высокий уровень потребительских затрат, при этом пятая часть опрошенных (22%) отметили большое число мигрантов. То есть помимо экономического фактора культурный аспект также важен для местного населения [4, С. 49–50]. Прибыло на Дальний Восток из других регионов 97 тыс. человек, из стран СНГ – 38 тыс. (более 14 тыс. человек прибыли из Киргизии, около 6 тыс. – из Узбекистана и Таджикистана), а из других зарубежных стран всего 4 тыс. человек (например, из Китая за 2020 год прибыло менее 2,5 тыс.). Среди прибывших мигрантов на Дальний Восток вид на жительство одобрено для 6,8 тыс. человек. На 2010 год русское население в этом регионе составило 78,88%, что говорит о сокращении этой нации на 3% с 2002 года.

В 2016 году была запущена программа «Дальний Восток», согласно которой желающие могут получить землю в размере 1 гектара [12].

При изучении процессов миграции в рамках данной работы важно учитывать, какие национальности въезжают и покидают территорию РФ. Росстат публиковал данные о национальностях международных мигрантов по 2007 год [15] (табл. 1).

Согласно таблице 1 больше всего прибывших мигрантов именно русской национальности, но и среди выбывших именно эта нация занимает лидирующую позицию. Среди выбывшего населения больше всего представителей украинцев, белорусов, немцев и казахов. В итоге получается, что несмотря на то, что русское население преобладает на территории России, именно оно и «европейские» этносы в большей степени покидают ее границы. Таким образом, на основе приведенных

данных мы можем сделать вывод о зависимости численности населения РФ и миграционных потоков на ее территорию. Но общая оценка терри-

тории не позволяет сделать достоверный анализ, поэтому необходимо в отдельности рассмотреть субъекты Российской Федерации.

Таблица 1. Национальный состав международных мигрантов (человек)

	Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
	Национальность								
Прибывшие в РФ	Русские	192332	110228	99683	66076	65831	92576	82647	94984
	Татары	14314	8185	7708	5782	4039	6330	8171	11231
	Азербайджанцы	10947	3296	2921	1884	1196	2489	5345	14976
	Армяне	19945	7138	7491	5757	3547	7157	11358	26344
	Украинцы	42361	18158	17699	11225	8886	13623	13564	21334
Выбывшие из РФ	Русские	67961	54965	47599	42452	37122	32311	26063	22215
	Украинцы	17657	11630	9259	6898	5122	4465	3916	3532
	Белорусы	5470	4127	2869	2007	1590	1388	1357	1089
	Немцы	23447	22264	18706	15285	12476	7797	2655	1906
	Казахи	2679	2617	2727	3047	3368	3573	3728	3474

Согласно теории этногенеза [2], предполагает рассматривать нацию как синтез этносов. Для России скрепом будет являться русский этнос. Особое внимание следует обратить на культуру и религию многонациональной страны. Так как на территории РФ огромное количество народов, а, соответственно, и многообразие религий, то мы делаем предположение о том, что данные факторы оказывают весомое влияние на демографию страны.

В ТОП-5 наций по численности представителей входят русские, татары, украинцы, башкиры, чеченцы и армяне. В целом по стране русское население на 1989 год составляло 80,5%, в 2002 году этот показатель равнялся 79%, а в 2010 упал до 77,7% [20]. Переводя эти данные в количество

человек, мы получаем, что за почти 30 лет русская нация сократилась на 8 миллионов человек. При этом, например, количество чеченцев за этот период, наоборот, возросло в 1,5 раза. Что касается религии, то больше всего православных христиан насчитывалось в 2010 году (76%), а к 2021 году этот показатель сократился на 10% и стал равен 66%. Чтобы говорить о связи религии (то есть культуры) и рождаемости населения, необходимо отдельно рассмотреть наиболее православные и мусульманские регионы.

Приведем данные рождаемость в России по регионам и упорядочим их по убыванию коэффициента рождаемости (КР) на 1000 человек населения. В итоге мы получаем следующую картину (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг субъектов РФ по коэффициенту рождаемости на 1000 человек населения

№	Наибольший КР			Наименьший КР			
	Субъект	Год	2019	2018	Год	2019	2018
1	Чеченская Республика		19,2	20,6	Смоленская область	7,6	8,3
2	Республика Тыва		18,9	20,2	Тамбовская область	7,6	8
3	Республика Ингушетия		15,9	16,1	Тульская область	7,6	8,3
4	Республика Дагестан		14,7	15,6	Республика Мордовия	7,5	8,3
5	Республика Алтай		13,7	15,2	Ленинградская область	7,3	7,8

Как мы видим из табл. 2, этот показатель наиболее высок в национальных республиках и округах России (при этом наибольший КР наблюдается у исламских регионов). Поэтому мы в очередной раз можем сослаться на культурный фактор при рождаемости населения и обозначить его ключевым моментом.

Следующим важным элементов культуры является уровень образования населения, а в частности женщин, которые непосредственно принимают

большее участие в рождении и воспитании детей. Также уровень образования находится в тесной связи с экономической занятостью граждан.

Актуальным вопросом остается численность русского населения на территории РФ и ее изменение с течением времени. Всего в Российской Федерации 85 субъектов, и в каждом из них соотношение русских отличается. Так, по данным Росстата, более 80% русского населения проживает в 57 субъектах

РФ, от 50% до 80% – в 15 субъектах, и менее 50% – в 13. Главной задачей становится опре-

делить процент русского населения к 2100 году (табл. 3).

Таблица 3. Численность русского населения по субъектам РФ (%)

№	Наибольший% численности русских		Наименьший% численности русских	
1	Вологодская область	97,27	Башкортостан	36,05
2	Тамбовская область	96,99	Карачаево-Черкесия	31,63
3	Брянская область	96,7	Калмыкия	30,21
4	Костромская область	96,6	Чувашия	26,86
5	Курская область	96,48	Кабардино-Балкария	22,52
6	Липецкая область	96,26	Северная Осетия	20,82
7	Орловская область	96,04	Республика Тыва	16,27
8	Ярославская область	95,97	Дагестан	3,6
9	Владимирская область	95,58	Чечня	1,93
10	Архангельская область	95,58	Ингушетия	0,78

При этом 6 субъектов находятся на грани того, что русское население станет менее половины к 2100 году. По данным на 2002 и 2010 года в этих шести регионах (табл. 4), во-первых, русское население составило менее 70%, а во-вторых, заметно сократилось за прошедшие 8 лет.

Таблица 4. Численность русского населения по максимальному сокращению (%)

Субъект	2002 г.	2010 г.
Республика Адыгея	64,7	63,6
Астраханская область	69,9	67,6
Республика Мордовия	61,1	53,4
Республика Алтай	57,5	56,6
Республика Бурятия	67,9	66,1
Чукотский автономный округ	53,1	52,5

Наибольшая убыль русских наблюдается в Республике Мордовия и составляет 7,6%; наименьшая среди представленных – в республике Алтай.

По мнению автора, существующая стратегия повышения рождаемости и естественного прироста не дает эффективных результатов. Снижается плотность населения в отдаленных от центральной России регионах, что влечет экономические потери, связанные с неэффективным использованием территорий, также наблюдается уменьшение бюджета страны за счет снижения доли экономически активного населения. Продление с 2020 г. выплаты пособий на первых и вторых детей до достижения ребенком возраста трех лет; увеличение с 2020 г. с полутора до двух прожиточных минимумов на члена семьи границы доходов для установления выплаты на первых и вторых детей стали принципиально новыми мерами как в плане активного стимулирования рождения именно первого ребенка, так и в плане расширения круга получателей пособия сверх находящихся за офи-

циальной чертой бедности имеют ограниченную эффективность. Для значительного числа женщин, ориентированных на получение высшего образования и карьерный рост, пособие в размере прожиточного минимума не сможет стать решающим фактором для изменения репродуктивного поведения. Например, Норвегия стала чемпионом по демографическому стимулированию населения. С 2000 года проводят политику, согласно которой матери, имевших работу до рождения ребенка, в течение последующих 42 недель начали получать полное возмещение зарплаты. В качестве альтернативы им предлагают 80% от оклада, но на протяжении года. Если мы посмотрит на статистику рождаемости, то на протяжении 21 года в этой стране наблюдается исключительно положительный прирост населения. Также средняя численность за год стабильно растет с течением времени. На данный момент население составляет 5,4 млн человек, а по некоторым прогнозам к 2060 году оно увеличится до 7 млн [7].

Демографический и национальный кризис требует серьезных преобразований. Данная проблема является актуальной, и свои решения предлагают различные ученые. В рамках демографической политики необходимо сосредоточить усилия на сбережении кадров (предупреждении нежелательных миграций, в особенности «интеллектуальной» эмиграции и оттока трудоспособного населения за рубеж) [6]. Необходимо стимулировать приток в страну образованных и законопослушных людей репродуктивного возраста. Привлечение же иностранцев, наоборот, должно происходить только с учетом потребностей российской экономики. При этом люди, переезжающие в Россию, должны с уважением относиться к российской культуре и национальным традициям. Этот пункт закреплен в новой Конституции РФ: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Рос-

сийского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [1].

Мы также предлагаем определенные способы предотвращения ситуации и меры, которые необходимо принять. Во-первых, государственная поддержка семей должна учитывать национальный баланс, а также уровень рождаемости не только в целом по стране, но и по конкретным регионам (так как высокая рождаемость наблюдается именно у национальных меньшинств). Помощь и поддержку нужно оказывать сначала субъектам с низкой рождаемостью и серьезными изменениями в этническом составе. Во-вторых, создать специальный «Женский комитет» для стимулирования рождаемости, согласно которому женщина, родившая и воспитывающая детей будет приравниваться к настоящему работнику, то есть считаться за полноценную профессию с получением заработной платы. Для того, чтобы эта идея была реализована, необходимо ввести новый вид демографического налога, направленного на поддержку населения и спонсирования женщин-матерей. Согласно такой новой инфраструктуре денежные средства будут вкладываться в детей (в будущее поколение), что повысит капитал и улучшит экономику за счет увеличения населения. В-третьих, необходимо пересмотреть миграционную политику. Можно создать в России аналог «карты поляка», которая будет подтверждать принадлежность лица к русскому народу. Цель такой «карты россиянина» – поддержка этнических связей, а также привлечение культурно близких трудовых мигрантов. Доступ к оформлению и получению такой карты должен быть возможен в онлайн-режима для облегчения процедуры ее получения. Низкоквалифицированным работникам стоит ограничить въезд в страну, если речь идет о трудовой миграции.

Национальный вопрос должен стать ключевым в решении проблем демографии и, в частности, рождаемости. Приведенная нами статистика четко отражает сложившуюся ситуацию в Российской Федерации и требует незамедлительных принятий мер.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2010. 560 с.
3. Доброхлеб В. Г., Яковец Т.Ю. Тенденции и перспективы социодемографической динамики России: философско-хозяйственный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 2.
4. Моисеенко В.М. Снижение масштабов внутренней миграции населения в России: опыт

оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. № 7. С. 49–50.

5. Сченснович В.Н. Миграционные процессы на Северном Кавказе (аналитический обзор) / В.Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 4(314). – С. 23–38.
6. Ткаченко Н.Н. Демографическая политика России в контексте национальной безопасности // Философия права. 2009. № 3.
7. Википедия: Населения Норвегии // <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Население_Норвегии>.
8. Витрина статистических данных: Число прибывших // <<https://showdata.gks.ru/report/276650>>.
9. Коммерсантъ: Россиянин, которого нет // <<https://www.kommersant.ru/doc/2404691>>.
10. Коммерсантъ: Что объединяет россиян // <<https://www.kommersant.ru/amp/4205791>>.
11. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020.
12. РБК: Дальневосточный гектар: как бесплатно получить землю и деньги на освоение // <https://realty.rbc.ru/news/603928ec9a79478e5d926c23?utm_source=amp_realty_full-link>.
13. Российская газета: Назван самый православный город России // <<https://rg.ru/2016/01/07/reg-cfo/lipeck-anons.html>>.
14. Федеральная служба государственной статистики: Демография // <<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>>
15. Федеральная служба государственной статистики: Национальный состав международных мигрантов // <https://gks.ru/bgd/regl/B08_16/lssWWW.exe/Stg/html1/07-11.htm>.
16. Федеральная служба государственной статистики: Россия в цифрах (2003 г., 2016 г.) // <<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>>.
17. Федеральная служба государственной статистики: Том 11. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // <https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm>.
18. Федеральная служба государственной статистики: Численность и миграция населения Российской Федерации // <<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>>.
19. Islam-today: Двадцатка самых исламизированных регионов России // <https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/>.
20. Statedata.ru: Национальный состав России 2021 (перепись 2010) // <<http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii>>.

TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA

Wang Jiangang

Federal State Budgetary Institution of Science of the Peoples' Friendship Order N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology

This article identifies the demographic situation in Russia over the past 30 years. Based on the use of data from the Federal State Sta-

tistics Service, demographic changes (population size, natural increase and migration processes) of the Russian Federation are presented both in the country as a whole and in the context of subjects. The author draws attention to the demographic crisis and examines in detail its causes and development trends. The key factors in the analysis are the culture and migration of a multinational country. In the conclusion, it is shown that modern demographic policy is not capable of fully exerting the necessary influence to overcome the crisis, therefore, it is necessary to create new ways to overcome it. In conclusion, the author proposes his own solutions for getting out of this situation and the necessary measures.

Keywords: demographic crisis, demography, nationality, fertility, population, culture.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet portal of legal information. <<http://www.pravo.gov.ru>>
2. Gumilev L. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. M.: Airis-press, 2010. 560 p.
3. Dobrokhleb V.G., Yakovets T. Yu. Trends and prospects of socio-demographic dynamics in Russia: a philosophical and economic approach // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. No. 2.
4. Moiseenko V.M. Reduction of the internal migration scale of the population in Russia: the experience of assessing the dynamics according to the current accounting // Questions of statistics. 2004. No. 7. P. 49–50.
5. Schensnovich V.N. Migration processes in the North Caucasus (analytical review) / V.N. Schennovich // Russia and the Muslim world. – 2019. – No. 4 (314). – P. 23–38.
6. Tkachenko N.N. Demographic policy of Russia in the context of national security // Philosophy of law. 2009. No. 3.
7. Wikipedia: Population of Norway // <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Norway_Population>.
8. Statistics showcase: Number of arrivals // <<https://showdata.gks.ru/report/276650>>.
9. Kommersant: A Russian who does not exist // <<https://www.kommersant.ru/doc/2404691>>.
10. Kommersant: What unites Russians // <<https://www.kommersant.ru/amp/4205791>>.
11. Labor force, employment, and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys). 2020 Statistical collection / Rosstat. M., 2020.
12. RBC: Far Eastern hectare: how to get land and money for development for free // <https://realty.rbc.ru/news/603928ec9a79478e5d926c23?utm_source=amp_realty_full-link>.
13. Rossiyskaya Gazeta: The most Orthodox city in Russia has been named // <<https://rg.ru/2016/01/07/reg-cfo/lipeck-anons.html>>.
14. Federal State Statistics Service: Demography // <<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>>
15. Federal State Statistics Service: National composition of international migrants // <https://gks.ru/bgd/regl/B08_16/lssWWW.exe/Stg/html1/07-11.htm>.
16. Federal State Statistics Service: Russia in Figures (2003, 2016) // <<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>>.
17. Federal State Statistics Service: Volume 11. Summary Results of the 2010 All-Russian Population Census // <https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm>.
18. Federal State Statistics Service: Size and Migration of the Russian Federation Population // <<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>>.
19. Islam-today: The twenty most Islamized regions of Russia // <https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/>.
20. Statedata.ru: National composition of Russia 2021 (census 2010) // <<http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii>>.

Субъективная темпоральность в системе концептуализации включающего общества

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
E-mail: omuzika@gmail.com

Макаров Александр Викторович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал),
E-mail: aleksandr-makarov-81@mail.ru

В статье осуществляется поиск **категориального** и концептуально-семантического аппарата современных философских направлений, способного стать корректной и адекватной основой для концепции инклюзии. Показывается, что феноменологический подход выступает концептуальным основанием для концепции инклюзии, определяя адекватный понятийный аппарат для моделирования особенностей функционирования включающего общества. Постулируется, что феноменология темпоральности представляет комплексную интерпретацию субъектами с ограниченными потребностями своего индивидуального бытия. Темпоральность отражает особенности проживания и переживания индивидом интенциональности собственной субъективности в рамках включающего общества. Обосновывается выделение ментальной темпоральности приоритетно связанной с рассмотрением уникально-индивидуальной формы чувственно-образного перенесения переживаний комплексов наличной событийности в сегменты сознания субъекта с ограниченными потребностями (ОП). Рассматривается субъектно-объектный сегмент общения индивидов, что дает возможность выхода на проблему коллективного субъекта. Обращается внимание на переход к рассмотрению коллективного бытия субъектов с ОП с выходом на диалектику объективного и субъективного в жизнедеятельности индивидов во включающем обществе. Выявляются структурные сегменты сознания человека, предполагающие сосуществование сферы индивидуально-ментальной темпоральности и сферы интенциональной темпоральности. Интерсубъективность представляется в контексте диалоговых аспектов целерациональной и ценностно-целевой человеческой субъективности.

Ключевые слова: инклюзия, включающее общество, темпоральность, интерсубъективность, интенциональность, ограниченные потребности (ОП).

Введение

В настоящее время в научной и социально-философской литературе идет обсуждение специфики инклюзивного образования с выходом на различные аспекты жизнедеятельности индивидов с ограниченными потребностями (ОП). Активное становление содержательных и проектно-практических аспектов концепции инклюзии реально опережает развитие теоретико-методологических оснований, конструирование методологии инклюзивного образования. Значимым является поиск категориального и концептуально-семантического аппарата современных философских направлений, способного стать корректной и адекватной основой для концепции инклюзии.

В этом направлении значимым является исследование многопланового взаимодействия, отличающего прохождение субъектом с ОП трех этапов социализации: от субъектной отчужденности к признанию уникальности (интеллектуальной, психологической, и т.п.) индивидуального бытия и далее – к постулированию ценностей индивидуальной жизнедеятельности и самооценностей. Поэтому целью работы является демонстрация теоретико-выразительных возможностей феноменологического подхода при конструировании и интерпретации включающего общества. Это малоразработанная проблема, имеющая большую значимость для обогащения понятийного аппарата теории инклюзии. Научная новизна заключается в анализе полисубъективного ценностно-рационального взаимодействия субъектов с ограниченными потребностями во включающем обществе.

Основная часть

Теоретическим основанием содержания статьи является конструктивно-феноменологическая демонстрация особенностей механизма функционирования включающего общества, что является вкладом в обогащение онтологии современной социальной философии. Феноменологический подход выступает концептуальным основанием для концепции инклюзии, определяя адекватный понятийный аппарат для моделирования особенностей функционирования включающего общества.

Особенностью рассмотрения концепции инклюзии является ее представление с позиции инклю-

живного образования и инклюзивных практик, однако специальное интегральное изучение включающего общества в основном остается в стороне. С позиции многоплановости и полифункциональности правомерно выделение следующих научных подходов к инклюзии и инклюзивному образованию: 1) акме-синергетический; 2) дифференцированный; 3) интегративно-комплексный; 4) мотивационный; 5) научно-концептуальный; 6) организационный; 7) психофизиологический; 8) программно-целевой; 9) системно-педагогический; 10) статистический; 11) стратегически-экономический.

Так Л.Е. Паутова предлагает синергетический подход к концепции инклюзии. Основной категорией выступает «успех», связанный с самоидентификацией индивида; акцент делается и на самооценку. Комплексное изучение теоретических и практических аспектов инклюзии представил А.Ю. Шеманов [9]. По его мнению, становление включающего общества осуществляется через осознание и осмысление людьми с ОП ценностей, смыслов и значений многообразия взаимодействий и взаимоотношений между ними. Среди зарубежных авторов выделим работы А. Хикки-Муди и Р. Сли по различным теоретическим и практическим проблемам инклюзии [12], [14]. А. Хикки-Муди рассматривает теорию инклюзии как зависимость от эгалитаризма, концепция которого основывается на идее равенства, понимаемого как наличие одинаковых исходных возможностей для различных индивидов. Теория социального действия легла в основу концепции инклюзии Р. Сли. Корректная социальная модель демонстрирует идентификацию индивидов с ОП без каких-либо дискриминационных моментов. Во включающем обществе нет конфликта между контентом таких понятий. В этом направлении проведены исследования с выходом на специфику индивидуального бытия во включающем обществе. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству представил И.В. Вачков [3]. Корректно показаны методологические основания научного подхода, связанного с обоснованием полисубъектности взаимодействия субъектов в инклюзивной среде. Показаны интересные корреляции субъект-субъектного общения и полисубъективного взаимодействия с акцентом на ценностно-деятельностный аспект. Рассматривается субъектно-объектный сегмент общения индивидов, что дает возможность выхода на проблему коллективного субъекта. Это важный момент в концепции инклюзии, однако в этой связи следует обратить внимание на переход к рассмотрению коллективного бытия субъектов с ОП с выходом на диалектику объективного и субъективного в жизнедеятельности индивидов во включающем обществе.

В этой связи отметим, что фактор темпоральности будет выступать структурообразующим, поэтому он является методологически значимым и требует прояснения и развития. Отметим, что феноменология темпоральности представляет комплексную интерпретацию субъектами с огра-

ниченными потребностями своего индивидуально-го бытия. Темпоральность отражает особенности проживания и переживания индивидом интенциональности собственной субъективности в рамках включающего общества. Феномен субъективной темпоральности понимается как сущностно-индивидуальный параметр в корреляции с общественным сознанием индивидов с ограниченными потребностями. Темпоральность предполагает использование ситуативно-биографического, психологического и социального времени, что отражает этапы социализации индивида с ограниченными потребностями во включающем обществе.

Отметим, что структурные сегменты сознания человека предполагают сосуществование сферы индивидуально-ментальной темпоральности и сферы интенциональной темпоральности. Интенциональная темпоральность соотносится с процессом переживания субъектом с ограниченными потребностями собственного существования в обществе.

Выделение ментальной темпоральности приоритетно связано с рассмотрением уникально-индивидуальной формы чувственно-образного перенесения переживаний комплексов наличной бытийности в сегменты сознания субъекта с ОП. Следовательно, темпоральность можно трансформировать в ментальное время, которое показывает внутренний опыт и ментальные образы субъекта в качестве этапов прохождения индексированных в человеческом сознании комплексов социальных событий. В ситуациях восприятия субъектом с ОП подобных комплексов событий он переживает и проживает темпоральность трансформирующегося социума. Параметры внутренней темпоральности субъекта коррелируют с происходящими изменениями в структуре включающего общества, что связано с его нестабильностью. Подобная нестабильность активизирует мыслительную и проективную деятельность индивидов. Эта целерациональная деятельность инициирует поиск реальных возможностей модернизации условий сосуществования и жизнедеятельности людей с ОП в социальной группе. Реализуется также механизм приспособления человека к процессам взаимодействий и взаимосвязи в обществе. Кроме того, темпоральность коррелирует с интересубъективностью. А интересубъективность инициирует научно-исследовательский интерес к исследованию диалоговых аспектов целерациональной и ценностно-целевой человеческой субъективности.

Постулируем, что чувственные образы непосредственно-субъективного представления действительности соотносятся с индексами моментов, а процесс переживания индивидом комплекса событий – с индексом темпорального интервала. Поэтому собственное время индивида выступает чувственной формой наличной бытийности комплекса событий, формирующих содержание индивидуального опыта. Это содержание предполагает его упорядоченность ментальным временем, ко-

тому присущи такие характеристики: антисимметричность, длительность, интенциональность, иррефлексивность, континуальность. Использование этих характеристик демонстрирует, что само ментальное время является системообразующей основой человеческого сознания, влияющей на субстанциональные параметры и контент субъективности. Именно ментальное время инициирует различные аспекты конструирования и моделирование ценностно-целевой и целерациональной деятельности субъекта с ограниченными потребностями в русле социальной транзитологии с выходом на конструирование прагматических и многоуровневых логико-семантических моделей.

Заключение

Ментальность времени становится основным компонентом системы чувственных образов, индивидуальных значений и смыслов коллективного сознания субъектов с ограниченными потребностями. Варианты становления социальных групп, включающих индивидов с ОП весьма многообразны. При этом интенсивность подобного становления возрастает в интервалах социальных изменений и трансформаций. В подобных ситуациях субъекты с ОП переходят на новые ступени социального и индивидуального бытия, что отражается в диалектике объективного и субъективного проживания и переживания внутренней темпоральности человеческого опыта. Интерсубъективность во включающем обществе связана с длительным процессом вживания индивида в коллективное социальное пространство социальной группы. Люди с ограниченными потребностями достаточно сложно воспринимают мир повседневности включающего общества, особенно это касается принятия стереотипов и правил поведения.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ. Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Корвин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Скляр Ю.И., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора О.И. Кирикова. Воронеж, 2003. Том 1. 224 с.
4. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Вороница Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
5. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 76–83.
6. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 19–22.
7. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Самоорганизующиеся системы в контексте постнеклассической науки // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 3–2. С. 177–178.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Максименко Л.В. Концептуальные аспекты социальной динамики в контексте интервальной концепции времени // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 2–1. С. 130–133.
9. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–1. С. 147–150.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Концептуальный подход к транзитивному обществу // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12–3 (74). С. 128–130.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114–122.
12. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5743–5747.
13. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // *Научная мысль Кавказа*. 2006. № 1. С. 24.
14. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации включающего общества: феноменологический аспект // *Социология*. 2020. № 2. С. 376–380.
15. Шеманов А.Ю. Психолого-педагогические основы инклюзивного образования. Москва: МГППУ, 2013. 315 с.

16. Hickey-Moody A. «Turning away» from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought // *Critical Studies in Education*. 2003. № 44 (1). P.1–22.
17. Slee R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. // *International Studies in Sociology of Education*. 2008. № 18 (2). P. 99–116.

SUBJECTIVE TEMPORALITY IN THE SYSTEM OF CONCEPTUALIZATION OF AN INCLUSIVE SOCIETY

Popov V.V., Musika O.A., Makarov A.V.

Rostov State Economic University (RINH) – Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch)

The article searches for the categorical and conceptual-semantic apparatus of modern philosophical trends that can become a correct and adequate basis for the concept of inclusion. It is shown that the phenomenological approach acts as a conceptual basis for the concept of inclusion, defining an adequate conceptual apparatus for modeling the features of the functioning of an inclusive society. It is postulated that the phenomenology of temporality represents a complex interpretation by subjects with limited needs of their individual being. Temporality reflects the peculiarities of an individual's living and experiencing the intentionality of his own subjectivity within the framework of an inclusive society. The author substantiates the allocation of mental temporality, which is primarily associated with the consideration of a unique individual form of sensory-figurative transfer of experiences of complexes of present eventfulness into segments of the consciousness of a subject with limited needs (OP). The subject-object segment of individual communication is considered, which makes it possible to solve the problem of a collective subject. Attention is drawn to the transition to the consideration of the collective existence of subjects with OP with access to the dialectic of the objective and subjective in the life of individuals in the inclusive society. The structural segments of human consciousness are revealed, which assume the coexistence of the sphere of individual-mental temporality and the sphere of intentional temporality. Intersubjectivity is presented in the context of dialogical aspects of goal-oriented and value-oriented human subjectivity.

Keywords: inclusion, including society, temporality, intersubjectivity, intentionality, limited needs (OP).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // *Fundamental research*. 2014. No. 9–9. S. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject approach to inclusive space // *Inclusive education: continuity and continuity*. Moscow: MGPPU, 2019.
3. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST. Kravchuk P.F., Popov V.V., Lygina N.I., Kopylov V.I., Kirikov O.I., Korovin S.S., Ryndak V.G., Usenko N.I., Lazareva V.A., Nokhrina N.N., Semenchenko I.V., Shcheglov B.S., Petrushenko S.A., Gritsenko N.V., Ivanova R.P., Kornazhevskaya L.A., Simonova G.I., Sklyarov I. Yu., Sokolova E.N., Kovelina T.A. and others. Under the general editorship of Doctor of Philology, Professor O.I. Kirikov. Voronezh, 2003. Volume 1.224 p.
4. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST. Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Don-skikh T.P., Drozdova N.V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kame-neva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratyeva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikova / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Vol. 25.244 p.
5. Pautova L.E. Acme-synergetic approach to positioning success in the system of inclusive education // *Inclusive education: continuity and continuity*. Moscow: MGPPU, 2019, pp. 76–83.
6. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // *Society: philosophy, history, culture*. 2016. No. 11. S. 19–22.
7. Popov V.V., Loitarenko M.V. Self-organizing systems in the context of post-nonclassical science // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 3–2. S. 177–178.
8. Popov V.V., Music O.A., Maksimenko L.V. Conceptual aspects of social dynamics in the context of the interval concept of time // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 2–1. S. 130–133.
9. Popov V.V., Music O.A. Historical process: alternativeness and evaluation // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–1. S. 147–150.
10. Popov V.V., Music O.A. Conceptual approach to a transitive society // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2016. No. 12–3 (74). S. 128–130.
11. Popov V.V., Music O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of society // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2016. T. 5. No. 5A. S. 114–122.
12. Popov V.V., Timofeenko V.A. Methodological features of the transit period in a catching up state // *Fundamental research*. 2015. No. 2–25. S. 5743–5747.
13. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006. No. 1.P. 24.
14. Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of an inclusive society: the phenomenological aspect // *Sociology*. 2020. No. 2. P. 376–380.
15. Shemanov A. Yu., Psychological and pedagogical foundations of inclusive education. Moscow: MGPPU, 2013.315 p.
16. Hickey-Moody A. “Turning away” from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought // *Critical Studies in Education*. 2003. No. 44 (1). R.1–22.
17. Slee R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. // *International Studies in Sociology of Education*. 2008. No. 18 (2). R. 99–116.

Наука (о прокуратуре и прокурорской деятельности): к вопросу о важности развития научной школы

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Статья посвящена вопросам осмысления научной школы как важного социального явления. В тексте уделено внимание анализу содержания конструкции «научная школа». Автором определены характерные черты научной школы: наличие лидера и ученых – исследователей, увлеченных идеей; наличие особого предмета (области) исследований; определенным образом заданные цель и особое предназначение научного поиска; наличие правил работы, принципов, традиций; преемственность поколений; благоприятный психологический климат; научный сценарий, план развития; научный язык как средство коммуникации субъектов школы в вербальной или невербальной формах, выраженный через систему терминов и терминологических конструкций, присущих определенной научной области, позволяющие обособить ее от иных форм научных сообществ и иные признаки, отграничивающие научную школу от других форм научных сообществ. Сделан вывод о важности дальнейшего развития Уральской школы прокурорской науки, поскольку, отчасти благодаря ее усилиям совершенствуется правовая регламентация организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурорская наука; признаки научной школы; научный лидер.

В последние годы все большее внимание привлекает научная школа как особый центр исследовательской жизни. Она может быть представлена в виде результата преемственности поколений в науке; двигателя знания; точки притяжения и сосредоточения научных идей; истока научного поиска и роста личности; площадки для дискуссий и рождения науки вообще.

Научная школа – такая форма организации научного сообщества, которое «... состоит из людей, признающих парадигму, определяющих модель постановки научных проблем и их решений. Для такого сообщества характерно единое понимание предмета и методов исследования, научный язык, дисциплинарная матрица».[1]

Сложно переоценить важность научной школы, поскольку она – показатель зрелости научной области, проверенной временем, опытом нескольких поколений.

Жизненный цикл научной школы может состоять из нескольких стадий (этапов): зарождение; формирование; развитие; укрепление позиций посредством приобретения иного статуса, например, ведущей научной школы; распад или дальнейшее совершенствование. Такая дорога по силам далеко не всем в силу множества причин. Создание и прогресс научной школы – это длительный, дорогой и очень сложный процесс, но именно школа выступает в роли хранителей лучших научных традиций, передавая их через своих учеников другим научным коллективам и всему научному сообществу. [2]

Представляется, смысловой объем конструкции «научная школа» включает в себя (в качестве базовых компонентов): ученых как субъектов постижения научной истины; определенную информационно-аналитическую сферу; продукты производства – разноформатные научные результаты; систему передачи накопленных компетенций последующим поколениям при условии сохранения незабываемыми некоторых особенностей научного познания, стилистики мышления, традиций, культуры, языковой картины.

По количеству и качественным характеристикам научных школ в стране можно в определенной мере судить о состоянии развития науки в целом. Становление науки вообще и научных школ, в частности, в России обусловлено историческими традициями, в этом смысле генезис научной школы как явления исторически обусловлен.

Примечательно, что термин «научная школа» не получил законодательного оформления ни в одном из правовых актов РФ, в отличие от на-

учной деятельности [3]. Думается, обозначенный пробел правовой регламентации требует восполнения путем внесения дополнений в текст соответствующего закона.

Факторы, влияющие на появление и развитие научной школы, имеют субъективный и объективный окрас. К примеру, на рождение научного сообщества с последующей его трансформацией в научную школу, воздействие оказывают: ученые как активные субъекты познания, предмет исследования (область исследования, как правило, отличающаяся малой степенью изученности или, наоборот, стремительно меняющуюся, но в любом случае всегда вызывающую живой научный интерес, она требует разностороннего научного осмысления); общественный запрос, потребность государства и прочее.

Таким образом, научная школа – сосредоточение ученых, объединенных общими идеями, взглядами, устремлениями, имеющее лидера, увлекающего за собой коллектив и продвигающего, тем самым, развитие научного направления. Школа характеризуется тесными внутренними организационными связями (структура и в определенной степени иерархия); при смене поколений пропагандируемые (исповедуемые) постулаты не утрачиваются, а продолжают звучать, транслироваться и внедряться в практический опыт.

У истоков формирования Уральской школы прокурорской науки стояли Александр Фролович Козлов и Владимир Михайлович Семенов – выдающиеся ученые – мыслители, посвятившие жизнь изучению деятельности прокуратуры как важнейшего элемента государственного механизма. Они, на базе Свердловского юридического института, поочередно возглавляли специализированную кафедру, объединяя вокруг себя увлеченных наукой людей, становились в разное время руководителями научных изысканий в форматах диссертаций, монографий и иных научных публикаций, посвященных глубокому анализу вопросов организации и деятельности прокуратуры России. Научные мысли, получившие оформление в виде законодательных предложений, оказали влияние на совершенствование правовой регламентации прокурорской системы.

Центральной, ключевой фигурой научной школы является ее лидер (основатель, руководитель, организатор), которого отличает особенный стиль научного мышления; в высокой степени творческий, организаторский талант и талант оратора; харизма. Данные качества позволяют его носителю увлечь, мотивировать, повести за собой коллектив, четко сформулировать цели и определить предназначение, поставить задачи научной работы. Высокая степень ответственности за результаты своего труда и непререкаемый авторитет также считаются обязательными чертами лидера научной школы.

Успешное функционирование школы обусловлено также максимально комфортным психологическим микроклиматом, когда авторитет базиру-

ется не на страхе, а на уважении (и в некотором смысле почитании) основателя (и\или лидера) исследовательской сферы. В отсутствие не просто руководителя, а именно лидера создание, творческий рост научной школы затруднительны.

Научный лидер – всегда носитель особого мировоззрения, традиций, культуры, менталитета, ценностных ориентаций, технологий поиска и передачи полученного научного знания. Он – ключевая фигура в придании и прочном закреплении статуса научного сообщества как научной школы. Научная школа, являясь прямым носителем принципа академической свободы, появляется благодаря ее лидеру и соответствующему научному вкладу и прекращается согласно своему жизненному циклу [4].

Важнейшими составляющими научной школы являются: ученые – исследователи; достижения научной мысли, проверенные доказательным путем, имеющие ценность для науки в целом, общества, государства и отдельной личности; научные методы познания, активная жизненная позиция ученых; общественный запрос и потребность государства в результатах деятельности научного сообщества. Школу отличает диалектическое единство процессов познания и передачи накопленных знаний, навыков и умений, наличие традиций. Она, образно выражаясь, продуцирует не только научные продукты, но и личности ученых, именно научная школа формирует ученого как субъекта познания, без которого невозможен научный прогресс.

Обобщая множество имеющихся в информационном пространстве сведений, можно предположить, что к ключевым признакам, свидетельствующим об объединении личностей в научную школу, относятся:

А) наличие лидера – идейного вдохновителя, человека, связавшего ученых не просто в сумму человеческих единиц, но создавшего сплоченное научное сообщество. Уральская школа прокурорской науки относится к числу формирующихся, но имеющих перспективы для дальнейшего научного роста. Сегодня продолжателем научных традиций, идей и убеждений А.Ф. Козлова и В.М. Семенова (как основоположников Уральской школы прокурорской науки) является руководитель кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного университета д.ю.н., профессор Евгений Рашидович Ергашев. Он, в свою очередь, выступил наставником в науке для ряда молодых ученых, передавая следующему поколению приобретенный и умноженный опыт в сфере изучения вопросов организации и деятельности российской прокуратуры, побуждая к научному поиску и дальнейшему научному познанию;

Б) ученые-исследователи. Кафедра прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета, представляющая Уральскую школу прокурорской науки, – относительно молодой коллектив ученых, пространство научных интересов которых образуют актуальные

проблемы организации и деятельности прокуратуры;

В) наличие предмета (области) исследований. Для прокурорской науки таковым является собственно прокуратура как элемент государственного механизма и ее деятельность, носящая как надзорный, так и ненадзорный характер;

Г) определенным образом заданная цель научного поиска; особое предназначение. При этом, цель – результат существования школы, а предназначение – особая миссия школы;

Д) наличие правил работы, принципов, традиций;

Е) преемственность поколений. Данный признак отражает способность школы к достаточно длительному существованию, что выступает, своего рода, критерием проверки школы «на прочность».

Метод научного мышления передается путем устного предания, носителем которого является не мертвое слово, а всегда живой человек. На этом именно зиждется незаменимое значение учителя и школы. Никакие книги никогда не могут дать того, что может дать хорошая школа [5]. В этой связи справедливым представляется утверждение о том, что «...научная школа – инструмент межпоколенной трансмиссии жизненных ценностей и научной методологии, опыта творческого отношения к жизни, изучаемым в ней объектам» [9];

Ж) внутривидовая организация, которую рассматривают через количественные и качественные характеристики. Коллектив ученых – исследователей во главе с лидером, наличие тесных внутренних связей, распределение научного функционала, нацеленность на общий результат;

З) научные достижения, представленные в разнообразных форматах, эффективность работы научной школы, измеряемая (в том числе) определенными наукометрическими показателями;

И) особенная научная стилистика (стиль научного мышления);

Л) специфическая атмосфера, благоприятный психологический климат, нравственные каноны, отношения между членами сообщества ученых, особая система коммуникаций [6]. Известно, что отношения внутри научного коллектива способствуют или препятствуют обмену информацией на уровне идей, что значительно повышает или понижает эффективность творческой научной работы, а также живучесть самой школы [7].

М) материально – техническое обеспечение. Уральская школа прокурорской науки базируется в Уральском государственном юридическом университете в виде самостоятельной кафедры;

Н) научная программа, научный сценарий, план развития;

О) научный язык как средство коммуникации субъектов школы в вербальной или невербальной формах, выраженный через систему терминов и терминологических конструкций, присущих определенной научной области.

Функциональная характеристика научной школы позволяет увидеть познавательный, образо-

вательный, воспитательный векторы ее работы. Форматы научной деятельности обусловлены приверженностью школы к определенному виду и типу.

К числу принципов в качестве фундаментальных руководящих положений можно отнести: инициативность, целеустремленность, приверженность научным убеждениям, сплоченность в отстаивании позиции, высокая степень ответственности за свою работу и ее результаты, открытость не только для научного сообщества, но и общества в целом, разработка перспективных сценариев развития.

Отдельного внимания заслуживает тема дифференциации научных школ. В основание классификации положена степень научного развития и признания, та стадия научного роста, на которой пребывает то или иное научное сообщество: формирующиеся научные школы; развивающиеся научные школы; признанные научные школы, выдающиеся научные школы. Возможны и иные критерии систематизации научных школ, так, к примеру, «... по виду связей между членами научной школы – научное течение, научная группировка; по статусу научной идеи – экспериментальные, теоретические научные школы; по широте исследуемой предметной области – узкопрофильные, широкопрофильные; по функциональному назначению продуцируемых знаний – фундаментальные, прикладные; по форме организации – деятельности учеников – с индивидуальными формами организации научно-исследовательской работы; по характеру связей между поколениями – одноуровневые, многоуровневые; по степени институализации – неформальные, кружки, институальные; по уровню локализации – национальные, локальные, личностные [8].

Любая научная школа остро нуждается в том, чтобы быть представленной в сообществе, в привлечении новых кадров для проведения исследований, в реализации результатов своего труда на практике. Разработки, подготовленные учеными в рамках Уральской школы прокурорской науки, в определенном смысле помогают совершенствовать деятельность прокуратуры РФ, поскольку законодательные предложения, досконально проанализированные учеными (в частности, отраженные в диссертациях и монографических работах), нацелены на восполнение пробелов правового регулирования, реформирование деятельности органов прокуратуры РФ. В идеале в качестве особой миссии (как предназначения) прокурорская наука видит служение обществу, государству, отдельно взятой личности через формирование идей и положений, направленных на совершенствование работы прокуратуры России.

И, наконец, дальнейшее внедрение в науку идей глобализации позволяет рассуждать также о значимости коллаборации научных школ (в рамках прокурорской науки) и рассматривать их в качестве важнейших элементов инфраструктуры науки вообще.

Литература

1. Т. Кун. Структура научных революций. 2 издание, дополненное. М., 1977. С. 234.
2. А. И. Владимиров. О научных и научно-педагогических школах. М., 2013. С. 4.
3. Федеральный закон РФ от 23.08.1999 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно – технической политике» //СЗ РФ от 26.08.96 № 35. Ст. 4137.
4. Т. Ю. Красикова. Научная школа как точка роста научного знания. Университетское управление: практика и анализ. Том 22, № 12018. С. 53.
5. С. И. Гессен. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 35.
6. А. И. Владимиров. О научных и научно-педагогических школах. М., 2013. С. 14.
7. М. Р. Арпентьева. Особенности научного творчества в контексте развития научных школ. Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2015. № 3. С. 26.
8. О. Ю. Грезнева. Научные школы (педагогический аспект). М., 2003. С. 69.
9. М. Р. Арпентьева. Особенности научного творчества в контексте развития научных школ. Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2015. № 3. С. 32.

SCIENCE (ON THE PROSECUTOR'S OFFICE AND PROSECUTORIAL ACTIVITIES): TO THE QUESTION OF THE IMPORTANCE OF THE DEVELOPMENT OF A SCIENTIFIC SCHOOL

Ротарова Л.В.

Ural State Law University

The article is devoted to the issues of understanding the scientific school as an important social phenomenon. The text pays attention

to the analysis of the content of the «scientific school» construction. The author defines the characteristic features of the scientific school as the presence of a leader and scientists – researchers, keen on the idea; the presence of a special subject (area) of research; in a certain way set the goal and special purpose of scientific research; availability of work rules, principles, traditions; the continuity of generations; favorable psychological climate; scientific scenario, development plan; scientific language as a means of communication of school subjects in verbal or non-verbal forms, expressed through a system of terms and terminological constructions inherent in a certain scientific field, allowing it to be isolated from other forms of scientific communities and other signs that distinguish the scientific school from other forms of scientific communities. In conclusion the author says about the importance of further development of the Ural school of prosecutorial science, since, partly thanks to its efforts, the legal regulation of the organization and activities of the prosecutor's office of the Russian Federation is being improved.

Keywords: prosecutorial science; signs of a scientific school; scientific leader.

References

1. T. Kuhn. The structure of scientific revolutions. 2nd edition, revised. M., 1977.P. 234.
2. A. I. Vladimirov. About scientific and scientific-pedagogical schools. M., 2013.P. 4.
3. Federal Law of the Russian Federation of 23.08.1999 No. 127-FZ «On Science and State Scientific and Technical Policy» // SZ RF dated 26.08.96 No. 35. Art.4137.
4. T. Y. Krasikova. Scientific school as a point of growth of scientific knowledge. University Management: Practice and Analysis. Volume 22, No. 12018. P. 53.
5. S.I. Gessen. Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy. M., 1995.P. 35.
6. A. I. Vladimirov. About scientific and scientific-pedagogical schools. M., 2013.P. 14.
7. M.R. Arpentieva. Features of scientific creativity in the context of the development of scientific schools. Humanitarian vedomosti TSPU named after L.N. Tolstoy. 2015. No. 3.P. 26.
8. O. Y. Grezneva. Scientific schools (pedagogical aspect). M., 2003.P. 69.
9. M.R. Arpentieva. Features of scientific creativity in the context of the development of scientific schools. Humanitarian vedomosti TSPU named after L.N. Tolstoy. 2015. No. 3.P. 32.

К проблеме эволюции сознания. Мультисубстанциальная эволюция наблюдателя и иерархия модальных логик в каузальном дуализме

Сафронов Алексей Владимирович,

кандидат технических наук, соискатель кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: alexey.safronov.w@gmail.com

Предметом исследования автора являются существующие и возможные теории, описывающие развитие или эволюцию такого психического феномена как сознания. Рассмотрены основные подходы к формированию таких теорий в их исторической перспективе. В частности, актуальная сегодня теория интегрированной информации Д. Тонини объединяет идею панпсихизма о фундаментальной роли психического и теорию эволюции Г. Спенсера о возрастании уровня сложности в мире. Эволюционные теории Д. Деннета и Р. Докинза построены на дарвиновской идее естественного отбора. Периодизация культурно-исторических этапов развития человечества и, как следствие, типов мышления человека К. Ясперса продолжает традицию историзма Гегеля и выделения духовного начала в развитии человека Дильтея. Также рассматривается подход к эволюции сознания в рамках каузального дуализма. В статье предлагается мысленный эксперимент, в котором древнегреческий философ Сократа переносится в настоящее время. Исследуется вопрос о том, как бы философ воспринял тип мышления и сознания современного человека. Делается вывод, что Сократ относится к определенному типу мышления, соответствующему его историческому периоду эволюции мышления и сознания.

Ключевые слова: Сократ, каузальный дуализм, плюрализм, эволюция сознания, эволюция мышления, иерархия логик, высказывание наблюдаемости, высказывание каузальности.

Был ли Сократ таким же человеком как мы? Прежде всего поясним, почему мы задаем этот вопрос, и почему для этого вопроса выбран именно этот легендарный греческий философ, а например, не его ученик Платон или человек другого рода занятия – знаменитый поэт древности, олимпийский атлет или скульптор. Задавая вопрос, был ли Сократ таким же человеком, мы имеем в виду, прежде всего, его образ мышления, а не, скажем, физиологию или способ художественного самовыражения. Предметом нашего изучения является то, чем гражданин греческого полиса отличается от нас в плане способа осмысления и восприятия мира, и в этом смысле философ, конечно, это наилучший кандидат для такого сравнения.

Но почему именно Сократ? Можно было бы сказать, что его личность слишком таинственна и многогранна, и кроме того, мало изучена в силу отсутствия необходимых достоверных данных о нем, а также из-за того, что он не оставил после себя ни одного текста. Более того, в уста философа, как известно, много идей было вложено его учеником Платоном, поэтому философия и образ мышления Сократа, строго говоря, собирательны, и размышляя об этой исторической личности, мы имеем в виду, возможно, вообще мудрость нескольких поколений греческих философов.

Как пишет М.С. Разумов [1]: «Сократ, не оставив собственных философских текстов, сам лишь всех своих оппонентов возможности продуктивно полемизировать с ним на понятийном уровне, заставив их полемизировать с собой на уровне “текстов в широком смысле”...». Так же он дополняет: «Сократ был не просто типичным греком своего времени, он носил в себе еще и «человека будущего»».

Важной составляющей образа Сократа являются обстоятельства его смерти. Задолго до Христа этот человек (вместе с его учениками) подарил миру и обоснование идеи бессмертия души (диалог «Федон») и идею жертвенности, сознательно пойдя на казнь, которой мог бы избежать. Величина Сократа как человека и мыслителя настолько необъятна, а его роль в истории мировой мысли столь значительна, что, пожалуй, нет другой исторической личности, подходящей для сравнения с современным человеком больше чем он. Иными словами, если не Сократ, то кто же?

При рассмотрении этого вопроса, мы необходимо сталкиваемся с различными подходами, и требующим обсуждения соображением о том, эволюционирует ли мышление человека также как и его тело. Для этого прибегнем к рассмотрению

существующих теорий такого рода, а также к мысленному эксперименту, перемещающему Сократа из прошлого в наши дни.

Биологическая эволюция человека остановилась задолго до рождения Сократа, и если бы его новорожденным на машине времени доставили в наш век, то он, вероятно, вырос бы современным человеком, и мы не смогли бы его отличить от остальных по поведению. Возможно, так как его ДНК «не пережила» великие эпидемии прошлого, иммунитет «ребёнка» Сократа подвергся бы серьезному испытанию, но это совершенно другой вопрос, который мы не будем здесь рассматривать, фокусируясь только на ментальной стороне вопроса.

Сократ во-многом очень современен, и если бы его перенесли в наше время уже взрослым человеком, ему бы не составило труда осознать очень многие современные социальные отношения. Он знал о семье, государстве, работе, праве, эксплуатации, образовании и многом другом, что существовало в его время (что-то из этого даже было изобретено им самим), и существует и по сей день. В то же время, чтобы понять очень многое из того, что имеет место в нашем мире, философу пришлось бы познакомиться с историей прошедших более, чем двух тысячелетий, осознать, как изменился мир и в техническом, и в общественном плане. Вопрос в том, смог бы древнегреческий мыслитель, перенесенный в наш мир во взрослом возрасте, постичь все в нашей современной жизни или нет. И дело не в интеллектуальных способностях, а в типе мышления, доступном ему как самому передовому гражданину своего времени.

Скажем, было ли сознание Сократа столь же гибким, каково оно у нас сегодня? Слово «гибкость» здесь используется не в положительной коннотации, а как синоним слов «изворотливость» или даже «беспринципность». Не стоит забывать, что Сократ придерживался определенной концепции истины, и считал, что она достижима путём рационального доказательства. Несмотря на то, что в арсенале его метода была и ирония, эта ирония все-таки была направлена на высмеивание нерационального, то есть в ее основе лежит все то же стремление к истине, как с соответствием мышления и действительности.

Именно истину, как тождество мысли и действительности, Сократ почитает выше всего, и даже выше телесной жизни. Платон его устами сообщает нам в диалоге «Федон» [2]: «Итак, в силу этого, сказал Сократ, не должна ли в умах истинных философов явиться мысль, которую они будут и высказывать друг другу, – именно, что при мысленном исследовании нас ведет как будто какая-то тропинка, потому что, пока мы облечены телом, пока наша душа соединена с этим злом, мы никогда не будем обладать в надлежащей полноте тем, к чему стремимся: я разумею истину».

Смог бы Сократ принять тот вполне нормальный для обычного человека факт, что истины в по-

следней инстанции не существует, причем не потому, что мы слишком мало знаем, а потому, что она, может быть, онтологически не дана, и сегодня можно верить в одну систему ценностей, а уже завтра в другую? Причём каждый раз совершенно убежденно. На полотне «Смерть Сократа» (1787 год) Жак Луи Давид противопоставил решимость философа быть приданным смерти по закону, хотя его оковы уже были сняты, глубокому отчаянию собравшихся вокруг него. Даже палач, принёсший яд, и тот потрясен происходящим. Нет, конечно! Сократ, который научил человечество следовать своим принципам до конца, который научил нас всех тому, что значит поступать по совести задолго до христианства, не смог бы принять эту «гибкость» сознания современного человека. Ведь чтобы принять ее, он должен был бы прежде сам разочароваться в том, что стало смыслом его жизни – в истине.

Не даром Ницше видел в Сократе одного из своих главных оппонентов. Но ещё раньше Ницше мы находим предвестники нового типа мышления в русской литературе, и прежде всего в произведениях Пушкина и Лермонтова. Как указывает В.С. Соловьев [3]: «Произведения Лермонтова, так тесно связанные с его личной судьбой, кажутся мне особенно замечательными в одном отношении. Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать «ницшеанством», – по имени писателя, всех отчетливее и громче выразившего это настроение, всех ярче обозначившего это направление».

Смог бы Сократ понять в полной мере душу Онегина или, что очевиднее и важнее, Печорина (роман опубликован в 1840 году)? Печорин говорит одно, а делает другое. Его жизнь полна убеждений и противоречий, а поведение часто беспринципно и принципиально одновременно. Печорин одинок среди других людей и несчастлив при множестве талантов, а источник этого одиночества и несчастья – его собственное сознание, точнее, его расщепленность, и как следствие, всеядность – предтечи современной гибкости.

Печорин говорит [4]: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера – напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!» Чем такой способ мышления принципиально отличается от сократовского стремления к истине? Лермонтов через Печорина сообщает, что он ощущает себя увереннее, когда не знает, что его ждёт в будущем. При этом Печорин не просто неглупый человек, он – «герой нашего времени», то есть в плане мышления должен опережать своих современников. Он сообщает нам: «Я стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди – невежды».

Принципиальное отличие лермонтовского мировоззрения здесь от сократовского взгляда на мир в том, что истина для него есть нечто бесполезное, и может быть вообще не существующее. Печорин не стремится что-либо доказать не потому, что не мог бы, а потому, что не видит в этом никакого смысла. При этом иррационализм Печорина направлен, как и философия жизни на решения насущных, действительно важных для героя проблем, скажем, на то, чтобы быть увереннее. И в этом, мы бы сказали, можно усмотреть форму адаптации человеческого мышления к безмерной сложности мира, каким он предстал человеку этого времени. Если Сократ ещё надеется узнать то, что он не знает, то Печорин уже нет.

Таков «герой нашего времени», и чтобы постичь это, личность самого Сократа должна была бы пережить подобное внутреннее расщепление и раскол, причем именно в том возрасте, в котором это ещё возможно. Следовательно, нельзя исключать, что Сократ все-таки, в каком-то смысле, отличается от нас сегодняшних.

На это можно услышать много возроджений. Например, что человек древнегреческого полиса с его культурой и цивилизацией отличается далеко не только от современного человека, но и от средневекового человека, и человека эпохи возрождения, и так далее, что выразилось в понятии сознания человека каждой эпохи. Можно было бы также сказать, что каждая новая философская школа, каждый новый общественный институт, каждое новое искусство или научная парадигма, техническое новшество вносят в культуру что-то такое, что делает человека каждый раз немного другим, меняет его представление о мире, о себе и тому подобное. Однако, это не означает, что между всеми этими эпохами существуют настолько принципиальные отличия, что передовой житель каждой более ранней эпохи не смог бы понять передового жителя каждой более поздней. Мы знаем, что многие мыслители опережали своё время. А Сократ не теряет своей актуальности и в наши дни.

Но был ли Сократ таким же человеком как мы сегодня? Он – один из ярчайших представителей того времени, которое Карл Ясперс (1883–1969 гг.) назвал осевым (800–200 лет д.н.э.), то есть того времени, когда на смену мифологическому мышлению пришло рациональное мышление и философия – когда, по мнению Ясперса, сформировался современный нам тип мышления и человека [5]. Значит по Ясперсу, мы и Сократ – люди одного типа, и между нами нет таких принципиальных отличий, которые нельзя было бы восполнить. При этом, царь Вавилонии Навуходоносор I, который правил приблизительно в 1125–1104 годах до н.э., по Ясперсу не попадает в период осевого времени, и, следовательно, принципиально отличается от современного человека. Должны ли мы сделать вывод, что машина времени, доставившая бы его в наши дни, не позволила бы пролить свет на представления прославленного царя о нашем мире, и он воспринял бы 21 век как искривлен-

ное отражение его собственного мифологического сознания, из которого он не смог бы пробиться и осознать нашу действительность так же как это делаем мы?

Во всем этом рассуждении для целей данной статьи важно то, что Ясперс в отличие, скажем, от Маркса, предлагает, следуя Дильтею, такую культурно-историческую периодизацию, которая в качестве своего принципа использует не внешние материальные факторы, а духовное начало человека, точнее – тип мышления или сознания человека. Этим самым он имманентно допускает, что помимо культурно-исторических формаций человека, а также биологических стадий его эволюции, есть и ещё одна форма исторической градации человека – по типу его мышления, или по форме ментальности, или даже по типу сознания. Хотя сам экзистенциальный философ связывал свою периодизацию с развитием культуры – освоением орудий труда, формированием мифологии, появлением мировых религий и рациональной философии – все же его концепция стала также одной из первых, которая связала поведение человека с его мировоззрением и развитием его мышления.

Ясперс делил историю только на четыре этапа – «прометеевская» эпоха (освоение орудий труда), эпоха великих культур древности (мифология), эпоха духовной основы человеческого бытия (осевое время) и эпоха развития техники. Каждой из этих эпох по Ясперсу соответствует и свой тип человека с присущей ему формой мышления. При этом предполагается, что современная форма мышления – рациональная, логическая, научная – появилась именно в осевое время, и связана в том числе и с Сократом. Однако, можем ли мы уверенно утверждать, что наш передовой современник мыслит только рационально? Точнее, не изобрело ли со времён Сократа человечество каких-то ещё форм мышления, каких-то ещё ментальных идей, изменивших сознание человека. Не стал ли Печорин (Лермонтов) продуктом мысли, которая сама возникла благодаря идеям Канта, Шопенгауэра и т.п.?

Возможно, мы могли бы, сохраняя общий замысел философа, в котором Ясперс по-своему выразил исторический подход, изучить стадии развития типов человеческого мышления более подробно с позиций современного знания о природе человека и его сознания. Если мы, скажем, хотели бы исследовать, являлся ли Сократ современным типом человека, и задать вопрос, может ли периодизация Ясперса быть расширена, и могут ли в истории человечества быть выделены и другие этапы эволюции форм мышления (или форм сознания) человека, как до, так и после осевого времени. В каком-то смысле, чтобы осознать факт существования человека осевого времени, сам Ясперс уже должен был принадлежать как передовой мыслитель к какому-то иному типу человеческого сознания, и в этой связи, возникает следующий вопрос. А точнее несколько взаимосвязанных вопросов.

- Можем ли мы выделить этапы развития человеческого сознания не как культурно-исторические (этапы развития общественного сознания), а как этапы развития форм индивидуального мышления и сознания?
- Какой принцип должен быть заложен в такую периодизацию или классификацию?
- И, наконец, как периодизация типов индивидуального человеческого сознания должна сочетаться с биологической и другими формами эволюции человека?

Данная проблема адресует нас сразу к двум темам, одна из которых сегодня называется проблемой эволюции сознания, а вторая – проблемой развития личности. При этом обе проблемы должны быть связаны, так как стадии развития человеческой личности в некоторой степени, в миниатюре человеческой жизни, частично повторяют стадии эволюции сознания или типов мышления от животного до взрослого человека. И их взаимосвязь можно было бы грубо, из общих соображений, описать так. Развитие всякой личности происходит в тот или иной исторический период, которому свойственен свой характерный тип мышления, а также доступны более ранние типы мышления. Среднестатистический человек в своём личностном развитии достигает эволюционно допустимого в данный момент уровня развития мышления, при этом передовой человек несколько превышает его, определяя вектор развития, а отстающий, наоборот, – не вполне достигает.

Связывая обе проблемы, можно было бы задать вопросом, в каком возрасте Сократ, доставленный в наши дни на машине времени, смог бы сформировать современным нам тип мышления. А в каком возрасте это уже было бы недостижимо, и он остался бы слеп к нашему «беспринципному» миру одиноких людей. Наподобие того, как реально существующие дети-маугли проходят определенный возраст «невозврата», после которого мозг теряет необходимую пластичность для изучения языка и социализации, и они остаются одичавшими. Не вполне корректный пример, но он показывает, что те или иные формы мышления доступные человечеству (в данном примере, речь), могут заимствоваться или не заимствоваться индивидом в зависимости от конкретных обстоятельств. И это, конечно, касается не только речи, но вообще всех доступных человечеству форм мышления, передаваемых через культуру, воспитание, образование или достигаемых в результате саморазвития.

Проблема генезиса форм мышления человека в детском возрасте была доступна для экспериментального изучения уже в конце 19 и начале 20 века. Ей подробно занимались К. Бюлер, В. Штерн, Ж. Пиаже, а в советской России – Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и их ученики. Несмотря на то, что в этом вопросе до сих пор остается много неизученного, в этом направлении достигнут значительно больший прогресс, чем в вопросе эволюции сознания от животного к человеку.

Культурно-историческая теория развития психики и развития личности [6], которая разрабатывалась Л.С. Выготским и его последователями в 20–30 годы прошлого века, является одной из наиболее проработанных и научно обоснованных, так как имеет дело с внешними проявлениями психики и среды, в которой она возникает и развивается. Подход Выготского рассматривает социальную среду как главный источник развития психики человека, изучает становление личности от состояния ребенка до взрослого человека, в процессе которого он взаимодействует и сотрудничает с другими людьми и социальными группами.

По Выготскому, развитие мышления, восприятия, памяти и других психических функций происходит через этап внешней деятельности, где культурные средства имеют предметный вид, и психические функции действуют внешне, интерпсихически. Но по мере отработки процесса деятельность психических функций интериоризируется, переходит из внешнего плана во внутренний, становится интрапсихической.

В соответствии с данной теорией, процесс психического развития происходит ступенчато через преодоление личностных кризисов. Ребенок как природное существо преодолевает кризис взаимодействия с социумом, принимая на себя определенные социальные ограничения, после чего на сцене появляется социальная личность, которой свойственны определенные психические способности. Следующий кризис, уже внутренний, преодолевается путем выделения внутри самой психики различных форм и способов мышления, что открывает почти неограниченные возможности психологического и личностного роста. Весьма важно, что Выготский и его последователи приходят к идее, что развитие психики связано с ее внутренним расщеплением и объединением вновь в личность с уже более сложной структурой.

Теория Выготского и представителей его школы является актуальной при изучении развития личности и сегодня, но она не учитывает специфику сознательных процессов в современной постановке этой проблемы. Феномен сознания в те годы представлялся менее проблемным, чем сегодня. Лишь с развитием нейробиологии и информационных технологий стало понятно, что сознание представляет собой значительно более сложный фундаментальный феномен природы, чем казалось раньше. Сегодня уже нельзя уверенно утверждать, что животные не обладают сознанием, и поэтому недостаточно иметь в виду, что у животных имеет место психика, и только человек обладает сознанием, как высшей формой психики. И необходимо указать тот самый момент в эволюции человечества или в жизни ребёнка, когда сознание возникает в его минимальном проявлении.

Работы таких философов как Д. Чалмерс [7], Т. Нагель, Дж. Серль и многих других раскрыли подлинную проблему сознания, которая пока не поддается научному описанию, а само созна-

ние не может быть воссоздано известными нам техническими способами. Ожидания научного сообщества начала и середины 20 века в этой области были связаны с тем, что сознание окажется таким же “податливым” для изучения предметом, как например, электричество или электромагнетизм. Предпосылки в области развития техники вселяли надежду на изобретение искусственного человека в обозримом будущем, а нейронаука должна была выявить элементы “души” в мозге человека. Но оказалось, что хотя нейроны представляют собой автоматы, работающие по известным математическим принципам, выполняя простое условие «если-то», тем не менее, как работает весь «аппарат» вместе в системе мозг-мир совершенного неясно.

Для объяснения сознания должно быть «что-то ещё», кроме вычислений, совершаемых нейронами или микросхемами. Поэтому начиная с середины 20 века и до настоящего времени появилось множество теорий сознания, учитывающих новое обстоятельство, что возможно, материалистическая картина мира не полна. Это и натуралистический дуализм Чалмерса, и панпсихизм Тонини, и реакция Деннета, стремившегося защитить материалистические представления и многие другие теории.

В этом смысле, оглядываясь на теорию сознания Выготского-Леонтьева, а также другие теории, возникшие с конца 19 до середины и начала второй половины 20 века, – У. Джеймс, З. Фрейд, К. Левин, У. Штерн, А. Маслоу и др. – можно заключить, что для всех перечисленных исследований проблема сознания стояла иначе, чем она сформулирована сегодня. Кроме того эти исследователи за редким исключением не рассматривали проблему как эволюционную, то есть в ее динамике от животного к человеку. Поэтому данные концепции не будут нами рассматриваться в этом ключе.

Занимаясь проблемой развития и эволюции сознания или эволюции форм мышления от животного к человеку, крайне важно определиться с ответом на вопрос, что именно эволюционирует. Как указывает в работе «Введение в диалектику, или философия в науке. От вещи в себе к вещи для нас» проф. В.И. Метлов, ключевым вопросом для науки является следующий – «что именно эволюционирует?» [8]. Или, в данном случае, этот вопрос можно сформулировать так – эволюция чего именно приводит к тому, что формы сознания и мышления развиваются и проходят различные стадии. Идёт ли речь о биологической эволюции, то есть развитию на уровне естественного отбора и мутаций ДНК, или мы должны иметь в виду прежде всего эволюцию культурно-исторических формаций, или в центре нашего внимания должна быть эволюция идей-мемов, или такой сложный объект как совокупность организма и его среды и т.п.? Благодаря идеям Г. Спенсера мы имеем возможность говорить об эволюции самых разных объектов, но на каком из них следует остановиться?

Рассмотрим ниже некоторые из существующих теорий, которые мы могли бы объединить под лейблом – теории эволюции сознания. Хотя такое объединение пока должно пониматься как весьма условное. Под эволюцией обычно понимается биологическая эволюция живых существ, но разработка теории эволюции сознания представляет собой весьма непростую и даже парадоксальную задачу, так как в отношении сознания, в отличие от большинства психических способностей, таких как внимание или память и т.д., до сих пор неизвестно, в чем именно заключается его адаптивная функция и ценность. А если неизвестна адаптивная ценность, то сознание не может быть вписано и в эволюционную модель. Нидерландский этолог и орнитолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине Николас Тинберген сформулировал четыре основных вопроса всех поведенческих наук: 1) какие факторы регулируют поведение? 2) каким путём формируется поведение в онтогенезе? 3) как формируется поведение в филогенезе? и 4) какова его адаптивная ценность? [9].

Эволюция организмов неразрывно связаны с поведением, поэтому теория эволюции сознания необходимо включает в себя ответы на четыре вопроса Тинбергена в отношении него. А именно, ответы на следующие вопросы:

1) Какие факторы регулируют сознание? Или какова каузальность сознания?

2) Каким путём сознание формируется в онтогенезе? То есть как формируется сознание у ребенка и развивается далее в процессе жизни?

3) Как формируется сознание в филогенезе? То есть как формируется сознание в процессе эволюции от животного к человеку?

4) Какова адаптивная ценность сознания? Или, чем сознательное существо выигрывает в плане адаптации?

Все перечисленные вопросы в отношении сознания не имеют сегодня необходимых решений. Первый вопрос, в данном случае, по сути представляет собой нерешенную до сих пор проблему ментальной каузальности или, иными словами, проблему сознание-тело. Второй вопрос частично связан с проблемой развития психики человека, а также с проблемой развития личности в процессе жизни, которые отчасти разработаны, но, как было указано выше, не отвечают на вопрос о сознании в постановке «трудной проблемы» Д. Чалмерса. Третий вопрос связан не столько с развитием психики у человека, сколько, собственно, с эволюции сознания в живой природе вообще, а значит, в большей степени касается животных. И эта проблема сегодня тоже не решена. Наконец, вопрос об адаптационной ценности сознания также остается открытым, так как функциональная сторона сознания остаётся неочевидно.

Казалось бы, что на поверхности лежит возможная методика исследования данного вопроса – сопоставление биологической эволюции мозга и психических процессов – познавательных, эмоциональных, волевых. Есть многочисленные

данные о том, какие отделы мозга ответственны за различные психические процессы – ощущение, восприятие, представление, воображение, память, мышление, внимание, речь, рефлексия, эмоции, аффекты, стресс, принятие решения и т.д. Однако, простое сопоставление биологической эволюции нервной системы и хронологии проявления тех или иных психических процессов очень мало говорит об эволюции сознания, поскольку сознание до сих пор не имеет доступных для изучения внешних проявлений или общепринятых нейронных коррелятов. Сознание не сводится к перечисленным психическим процессам.

Используя терминологию Д. Деннета, которую он отчасти заимствовал у уже упомянутого выше Дильтея, мы можем говорить об эволюции компетенций или психических способностей, а не об эволюции понимания. Нам доступна материальная сторона вопроса, к которой относится нейронная структура и ее связь со способностями, которые проявляются внешне, но при этом «понимает» ли человек или животное, обладающее той или иной нейронной структурой, что оно делает, или оно делает это автоматически и бессознательно, мы не можем судить строго. Поэтому любая эволюционная теория форм «понимания», или проще говоря, эволюция сознания, для текущего состояния науки, может быть только сугубо гипотетической. Связь между психическими процессами и «внутренними» сознательными процессами пока не имеет твердых оснований.

В то же время, представляется, что тема эволюции сознания является сегодня крайне актуальной, поскольку может пролить свет на само это явление. Всякая эволюционная теория вынужденно сопоставляет предмет на разных его эволюционных стадиях с внешними (материальными) обстоятельствами этих стадий. Поэтому такая теория должна была бы объяснять поведение не только, скажем, человека, но и описать появление простейших форм стимулов и ощущений и у животных или новорожденных детей – дать внятное обоснование тому как «ощущение» простейшего агента (первого чувственного наблюдателя) выделяется из окружающей среды, противопоставляя себя тем самым всему миру. А также описать все промежуточные стадии. Не удивительно, поэтому, что на сегодняшний день, было предложено несколько десятков конкурирующих теорий сознания, но при этом, теорий эволюции сознания крайне мало.

Как считает автор статьи «Проблема эволюции сознания: что препятствует включению сознания в структуру эволюционного процесса» Йорам Гатфренд [10] в настоящий момент пока нет хорошей теории эволюции сознания: «Сознание – один из последних биологических феноменов, в отношении которого у нас нет надежной идеи, как оно появилось и эволюционировало. Можно сделать вывод, что для определения адаптивной ценности сознания прежде всего необходимо установить связь между мозгом, поведением и сознанием».

Можно выделить несколько основных теорий эволюции сознания или форм/типов человеческого мышления (не следует путать с теориями развития личности). Поскольку, сознание все ещё является «таинственным» объектом для изучения, эти теории очень разнообразны, подходят к сознанию с совершенно разных сторон, существенно отличаются основным принципом и, как следствие, тем, что эволюционирует. Мы не будем рассматривать креационистские концепции, так как они не являются эволюционными. В первую очередь, необходимо упомянуть теорию развития абсолютной идеи Гегеля, причём именно в том ее варианте, которая имеет смысл эволюционной теории, а не теории развития личности или индивидуального сознания.

Немецкий философ, один из родоначальников историзма вообще, повлиявший косвенно и на Ясперса, он описал эволюцию форм сознания, которая начинается с объективной абсолютной идеи, затем трансформируется в свою противоположность – телесную форму, и затем снова, путём отрицания, превращается в субъективное сознание человека. Несмотря на то, что Гегель не раскрывает доступно механизм этих преобразований, его модель описывает все основные черты эволюции сознания. Сознание здесь начинается с некоторой объективной формы, присущей миру в целом, то есть берет свое начало там же, где и все явления природы, а не в отдельно взятом мозге человека. Но за пределами телесности, оно носит объективный характер, поэтому переход к субъективности (приватности) сознания происходит через приобретение телесности, индивидуальности и последующее ее отрицание.

Основной движущей силой развития абсолютной идеи по Гегелю является единство и борьба противоположностей, то есть абстрактный принцип его диалектики. «Эволюционирует» при этом сама идея, которая претерпевает изменение своей формы, от абстрактной к конкретной. Очень важно, что Гегель стремится показать природу возникновения «субъекта» на почве объективных процессов. Он пишет: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект». Гегель Г.В.Ф. «Феноменология духа» [11]. Это положение делает Гегеля актуальным для решения проблемы сознания и сегодня. Однако, его теория «субъекта» идеалистична и поэтому не дает ответ на вопрос, как субъект возникает в материальной среде. У Гегеля субъект уже имманентно заложен в самой абсолютной идее, поэтому философ не занят поисками критериев возникновения субъекта, и тем, какую роль в этом играет, скажем, человеческий мозг.

Модель эволюции сознания Дэниела Деннета, напротив, является материалистической и ставит во главу угла дарвиновский принцип естественного отбора. Теория Деннета связана с анти-приватной линией в философии сознания Витгенштейна-Райла-Деннета, и рассматривает

сознание как эпифеномен, но при этом, что весьма важно, сознание у Деннета появляется не сразу, а как следствие длительного эволюционного процесса. В произведении «Виды психики: На пути к пониманию сознания» [12] Деннет пишет: «Я хочу предложить общую схему, в которую можно включить различные варианты конструкций для мозга, с тем чтобы понять, откуда проистекают его способности. Это крайне упрощенная структура, но идеализация является ценой, которую зачастую приходится платить за суммарное представление. Я называю эту структуру Башней порождения и проверки. При возведении каждого нового этажа Башни организмы получают возможность находить все лучшие и лучшие ходы и находить их все более эффективным способом».

Деннет считает сознание нашей удобной иллюзией, поэтому в его теории эволюционируют не сами формы сознания, а их носители, которых философ называет «созданиями». Они отличаются изошренностью форм адаптации к условиям среды. «Дарвиновское создание» по Деннету проходит эволюцию телесных форм. Менее успешные организмы проигрывают более успешным, поэтому они постепенно исчезают. А более успешные напротив продолжают эволюцию. «Скиннеровское создание» конкурирует уже на уровне поведения, а не только строения тела. Поэтому здесь имеет место эволюция форм поведения и закрепления наиболее удачных из них. «Попперовское создание» может прогнозировать будущее и выбирать модели поведения. Такое создание избегает собственной гибели, и вместо него погибают его мысленные модели. «Грегориюское создание» выбивается из предыдущих концепций Деннета и, по словам автора, оно возникает как форма эволюции информации.

Модель Деннета, безусловно, имеет серьезное научное обоснование. Формы эволюции, от телесных до информационных, имеют здесь материальные воплощения и могут быть изучены. Однако, эта модель имеет два существенных недостатка. Во-первых, переходы между «этажами Башни» по Деннету происходят случайно. Появление более адаптивно успешных форм есть результат биологической или какой-либо ещё рулетки, что часто выглядит сомнительно, так как вероятность требуемых совпадений приближается к нулю. Известно, что в биологии сегодня наиболее авторитетной является синтетическая теория эволюции, учитывающая помимо естественного отбора (то есть случайности), также и генные мутации. И, во-вторых, эволюционная теория Деннета это все-таки теория эволюции организмов, проявляющих некоторые формы поведения, а не эволюция самого сознания. Иными словами, Деннет не решает вопрос о связи сознание-мозг, и даже не стремится к этому.

Необходимо отметить, что Деннет также разделяет взгляды своего коллеги Ричарда Докинза, разработавшего идею эволюции мемов. По Докинзу, эволюция культуры, построена по аналогии

с генетикой и биологической теорией эволюции Дарвина. Но вместо генов здесь эволюционируют единицы культурной информации – мемы. Докинз описывает эту теорию в книге «Эгоистичный ген» (1976). Концепция мама является оригинальной и весьма продуктивной, но, к сожалению, связана с проблемой эволюции сознания только косвенно. Как уже было отмечено выше, проблемы эволюции сознания и эволюции культуры отличаются.

Другая важная эволюционная модель не является явно выраженной, но имманентно входит в теорию интегральной информации Джулио Тонини [13]. Это современный панпсихизм и ему присуще представление о том, что мир содержит определенное распределение информации с разной плотностью. Информация также интегрируется и возникают области, в которых количество интегрированной информации значительно превосходит сумму информации частей этой области. Как например, мозг в целом может содержать несопоставимо больше информации, чем сумма информации во всех его нейронах по отдельности. Но при этом информация содержится также и в неодушевленных предметах, хотя она в них не интегрируется.

Идея Тонини является объединением двух больших теорий – панпсихизма и теории эволюции Г. Спенсера. Именно Спенсер показал, что развитие форм происходит путём интеграции и усложнения. Эволюция сознания по Тонини, таким образом, это усложнение и эволюция форм интеграции информации. С ее помощью можно количественно выделять уровень интегрированной информации близкий к нулю (для неодушевленных предметов), низкого и среднего уровня (для животных и современной компьютерной техники), и высокого уровня (для человека и искусственного интеллекта). Такая модель, безусловно, имеет свои преимущества. С использованием этой теории, в частности, производятся расчеты, какова вероятность выхода человека из комы, и стоит ли поддерживать жизнь ее биологического носителя. Однако, модель Тонини имеет и существенные ограничения.

Мы не будем подробно останавливаться на том обстоятельстве, что, по этой теории, неодушевленные предметы имеют «чуть-чуть» сознания. Это обстоятельство часто становится объектом для шуток, но при этом не несёт какой-то эвристической силы. Важным недостатком теории Тонини является то, что она никак не объясняет в чем заключается сам феномен сознания, и почему-то или иное количество «интегрированной информации» приводит к возникновению субъекта опыта. Эта теория не проводит качественную градацию типов сознания, ограничиваясь количественной мерой «интегрированной информации», так как в противном случае пришлось бы связывать то или иное количество «интегрированной информации» с определенными свойствами сознания. А этого данная теория пока не делает.

Например, данная теория не решает задачу, что такое-то количество «интегрированной информа-

ции» приводит к появлению простейших ощущений, а такое-то количество – к способности принимать решения и т.д. Для подобных выводов эта теория должна была бы обладать объяснениями, в чем состоит некий информационный смысл (как аналог физического смысла) ощущений, а в чем информационный смысл принятия решений. Для таких суждений не достаточно количественных критериев.

Например, если сравнить количество «интегрированной информации» с температурой (что допустимо, т.к. для Тонины этот показатель не менее фундаментален), то можно было бы сказать, что при данной температуре вещество имеет такое-то агрегатное состояние, а при данной – такое-то. Но при этом физика дополняет это представление утверждением, что температура имеет физический смысл меры внутреннего движения частиц вещества. И смена агрегатных состояний вещества связана с изменением форм этого движения. При разных температурах частицы вещества совершают колебания, соответствующие энергетически стабильным состояниям. Поэтому понятия температуры недостаточно для описания механизма смены агрегатных состояний (фазовых переходов), для этого нужны понятия внутреннего движения, внутренней энергии и энергетического состояния. И если измерение температуры было уже доступно Галилею (1597 год), то внутреннюю энергию смогли оценить только через два с половиной столетия в середине 19 века с открытием первого начала термодинамики.

Таким образом, теория Тонины, безусловно, является важным шагом на пути к научной теории эволюции сознания, но она также далека от неё как измерения температуры Галилея – от первого начала термодинамики. При этом дальнейшие исследования в области науки о сознании могут привести к тому, что сохранив идею Тонины об «интегрированной информации», эта теория отбросит отсылку к панпсихизму, так как последняя лишает этот подход возможности качественно выделять различные состояния сознания, отличая их от полностью бессознательных состояний.

Эволюционные теории сознания и психологические теории развития личности часто путают. Это связано с тем, что личность в своем становлении проходит, вероятно, очень близкие по смыслу этапы. Безусловно, это ошибка, но в ней есть и здоровое зерно. Оно заключается в том, что эволюционная теория сознания должна показывать, как процесс эволюции способствует развитию поведения и мыслительных способностей, то есть, в конце концов, и развитию личности среднестатистического или передового человека эпохи. Поэтому при разработке теорий эволюции сознания целесообразно учитывать и наработки теорий развития личности. Вот одна из таких теорий.

В книге «Психическое требованиям современной жизни» [14] Р. Кеган представил свою теорию саморазвития, которую также по ошибке называют теорией эволюции сознания. Весьма важно, что Кеган выделяет этапы развития именно разу-

ма (mind), а не какого-то сопутствующего ему материального свойства. Этот американский психолог говорит о шести уровнях развития сознания или разума.

Уровень 0 у новорожденных, которые «живут в беспредметном мире, мире, в котором все чувства считаются расширением младенца». К семнадцати месяцам они начинают признавать существование объектов вне себя.

Уровень 1. Дети развиваются до возраста двух лет, когда они понимают, что контролируют свои рефлексы и осознают объекты окружения независимо от них самих. Их мышление «фантастично и нелогично, их чувства импульсивны и текучи».

Уровень 2. Инструментальный разум (Instrumental Mind). Ребенок в состоянии классифицировать объекты, других людей и абстрактные идеи. Мышление становится логичным и организованным, чувства более прочными.

Уровень 3: Социализированный разум (Socialized Mind). Приобретается способность сопоставлять категории, мышление становится более абстрактным, человек уже знает о своих чувствах и внутренних процессах, связанных с ними, и может брать на себя ответственность перед другими. Меняется восприятие других.

Уровень 4: Самостоятельный разум (Self-Authoring Mind). Доступно межкатегориальное конструирование – способность обобщать в рамках системного мышления. Человек берет на себя ответственность и создает свои собственные системы ценностей и идеологию.

Уровень 5: Самосовершенствующийся разум (Self-Transforming Mind). Достигается примерно к сорока годам. Человек понимает, как взаимодействуют все люди и системы, признает свою «общность и взаимозависимость с другими».

В теории Кегана проявляется современный научный запрос к подобного рода теориям. Этапы развития сознания должны объясняться усложнением мыслительных «механизмов» на стыке мозг-сознание, а также объяснять различные специфические формы поведения человека. Будучи психологом, Кеган исследует эти мыслительные механизмы, показывая, как они могут усложняться, но при этом он не выявляет их связи с нейронными процессами.

После краткого рассмотрения некоторых показательных теорий эволюции сознания, коснувшись их преимуществ и недостатков, можно перечислить, что именно мы ожидаем от такой теории. Представляется, что научная теория эволюции сознания должна:

1. Описывать эволюцию форм сознания (от животного к человеку, и в процессе развития цивилизации), сознательного опыта и т.п., представленных в том или ином виде, а не каких-либо материальных свойств, сопутствующих этим формам;
2. Выделять различные стадии развития как формы сознания, описывая «механизм» этого развития сознания от одной формы к другой;

3. Объяснять природу «субъективного опыта», или, по крайней мере, целесообразность «субъективного опыта» для эволюции;
4. Связывать различные формы сознания с поведением и нейронными процессами.

Косвенным признаком «хорошей» эволюционной теории сознания также должна быть ее фундаментальность. Например, теория Деннета стремится соединить сразу множество других научных дисциплин в общее смысловое поле, что закономерно, так как теория сознания находится на стыке большого числа областей знания – естественнонаучных и гуманитарных. В частности, философ стремится объяснить эволюционную целесообразность языка или религии, желая каждому явлению найти своё место в объективной картине мира. Поэтому к четырем критериям мы добавим ещё один:

5. Данная теория должна иметь эвристическую силу для объединения многих естественнонаучных и гуманитарных дисциплин в единую систему понятий, создавая необходимое для этого связующее звено в объяснении.

Как уже упоминалось, на сегодняшний день, нет общепризнанной теории, которая бы соответствовала этим критериям. Однако, теории продолжают появляться, и возможно, в скором времени эта область получит научное объяснение. Ключевой чертой всех рассмотренных выше подходов, от Гегеля до Деннета является то, что все эти теории относятся к монистическим, либо идеалистическим, либо материалистическим. Дуалистические и плюралистические онтологии до сих пор не предложили своих версий эволюции сознания по разным причинам. Более ранние концепции такого рода, включая религиозные или, скажем, философские построения Декарта или Лейбница не рассматривали сознание как нечто, что появляется в процессе эволюции. Сознание для них было одной из субстанций, существовавшей всегда. Кроме того, и это уже относится не только к классическим теориям, но и к современным формам дуализма и плюрализма, в рамках этих онтологий до сих пор остается открытым вопрос о возможной форме каузальности между субстанциями. Поэтому, например, натуралистический дуализм Чалмерса не выразился до сих пор какой-либо из форм эволюционной теории. В этом вопросе Чалмерс оказывается ближе к панпсихизму, и во всяком случае, считает сознание фундаментальным явлением природы, таким же как пространство или заряд, что лишает смысла саму идею эволюции этого явления.

В этой статье мы хотели бы рассмотреть ещё один из возможных подходов к проблеме эволюции сознания, который является как раз плюралистическим. Этот подход носит название каузальный или нейтральный дуализм/плюрализм. Он был сформулирован в книге «Каузальный дуализм. Размышления об онтологии и природе сознания» [15]. Мы не будем рассматривать данный подход с онтологической точки зрения, так как это лишь косвенно касается темы данной статьи, и приве-

дём только основной принцип эволюции сознания, который он предлагает, и саму периодизацию.

В соответствии с этой теорией, сознание эволюционирует и усложняется. Но если у Деннета это усложнение выражается в поведении субъекта, то здесь речь идёт о ментальных способностях наблюдателя. То есть эволюция сознания связывается здесь с развитием форм мышления, и следовательно, развитием форм логики, доступной наблюдателю. В свою очередь уже форма логики мышления определяет поведение наблюдателя, его адаптационные способности и т.д.

Теорией были предварительно выделены следующие этапы развития онтологии наблюдателя, а также была указана их возможная взаимосвязь с психическими и мировоззренческими этапами развития человека вообще. Эти этапы также связаны в модели с иерархией типов логического суждения/высказывания, доступных наблюдателю на том или ином этапе эволюции:

1. До возникновения жизни наблюдателя не существует, или можно говорить о **неопределённом наблюдателе**. Предмет возможного наблюдения и наблюдатель каузально не разделены.
2. Животные и гоминиды. Возникает **чувственный наблюдатель** (наблюдает собственные чувства). Он обладает чувственным сознанием, и способен отличить себя от наблюдаемого объекта, но при этом не различает галлюцинацию от реального объекта, не способен выявить каузальные связи. Логика такого наблюдателя может быть названа логикой **Высказываний о наблюдаемости**: «Я наблюдаю А».
3. Некоторые животные, первобытный, архаичный человек. Возникает **Волевой наблюдатель** (наблюдает закономерности), который осознает принцип причина-следствие. Усложнение здесь связано с тем, что такой наблюдатель как бы включает несколько наблюдателей предыдущего типа, и способен соотносить чувственные наблюдения, выявляя каузальность. Множественность “чувственных” интерпретаций позволяет такому наблюдателю понимать причины, и проявлять формы волевого (целенаправленного) поведения, но он ещё не выделяет себя из природы. Отсутствует абстрактное мышление (А.Ф. Лосев). Одушевление природы, анимизм, тотемизм. Такому наблюдателю доступна логика **Высказываний каузальности**: «А есть причина В».
4. Древний человек. В частности, античность. **Лживый наблюдатель** (наблюдает множественность интерпретаций одной закономерности). Такому наблюдателю доступна множественность интерпретации одной закономерности. Как следствие, возникает потребность в доказательстве одной интерпретации и методе доказательства – философия и наука. Черты периода: абстрактное мышление, прикладная доказательна религия – язычество, политеизм, миф как реальность лжи, парадоксы,

логика как наука о лжи. Такому наблюдателю доступна логика **Высказываний истинности**: «Я знаю, что А».

5. От поздней античности до нового времени. **Сомневающийся/постулирующий наблюдатель** (наблюдает множественность доказательств, и как следствие противоречий). Требуется убежденность в одном из доказательств (аксиоматика) или в отсутствии необходимости оных (постулаты веры). Как следствие этих мотиваций: единобожие, вера в бессмертие души, философия сознания, научный метод. Такому наблюдателю доступна логика **Высказываний убежденности**: «Я верю, что А».

6. Человек нового и новейшего времени. **Одинокий наблюдатель** (наблюдает множественность одинаково возможных верований и мировоззрений, множественность собственных концепций себя и мира). Требуется надежный метод выработки основательных принципов познания. Как признаки: онтологическая относительность, гибкое мировоззрение, позволяющее убежденно принимать различные парадигмы, ощущение онтологического одиночества (разочарование), стремление отказаться от онтологии шестого порядка в пользу более ранних (философский дауншифтинг), доверие новым возможным формам разума (развитие информатики и теории искусственного интеллекта). Такому наблюдателю доступна логика **Высказываний надёжности**: «Я надеюсь, что А».

7. Возможный человек будущего или искусственный интеллект. **Будущий наблюдатель**. Усложнение онтологии наблюдателя в разные периоды можно связать с развитием мозга (ростом массы, усложнением его структуры), развитием “культурного” тела человека и его “внешней” памяти. Однако, дальнейшее развитие онтологии наблюдателя в рамках человека как вида не имеет понятной нам мотивации. Ощущение онтологического одиночества и растущей концептуальной неопределенности заставляет человека скорее отказываться от сложных форм мировоззрения в пользу более простых. Поэтому, для достижения онтологии седьмого порядка человеку необходима принципиально новая культура мышления. Либо это развитие может быть продолжено уже искусственным интеллектом. Доступна некая логика **Будущего высказывания**.

В соответствии с этим подходом, тип мышления Сократа связан с множественной интерпретацией одного и того же наблюдаемого явления, и с поиском доказательств в пользу одной из интерпретаций и формированием теории. В своих рассуждениях Сократ стремится к истине, и стоит рассуждения так, чтобы они были непротиворечивыми. Истина для Сократа самоценна, и он подразумевает, что она существует. Даже вопрос о вечной жизни души в диалоге «Федон» он решает рациональным путём, когда уже в христианской

философии этот вопрос оказывается в совершенно новой категории сознания – в измерении веры.

Вот выдержка из диалога [2]:

«— Скажи же мне и ты, продолжал Сократ, точно таким же образом относительно жизни и смерти. Не говоришь ли ты, что смерть составляет противоположность жизни?»

– Да.

– И что оба эти явления рождаются одно из другого?»

– Да.

– Итак, что же рождается из живого?»

– Мертвое, сказал Кевис.

– А из мертвого что? – спросил Сократ.

– Необходимо признать, что живое, ответил Кевис.

– Итак, любезный Кевис, живое равно как и живущие люди рождаются из умерших.

– Очевидно, ответил тот.

– Следовательно, наши души, продолжал Сократ, по смерти находятся в аиде».

Такое рассуждение показалось бы спорным и в средневековье, а в наше время оно выглядит как история мысли, а не как сама мысль. Изучая этот текст, никому сегодня не придет в голову рассматривать его вне исторического контекста. Вот, что указывает Д. Лебедев: [16]: «Первое, что останавливает на себе внимание при чтении «Федона», – это искусственность его концепции как произведения художественного. Впечатление, выносимое по прочтении диалога таково, что ни мысль, ни чувство не остаются вполне удовлетворенными. Еще не умея отдать себе ясного, сознательного отчета, почему диалог производит такое впечатление (по крайней мере, такое именно он постоянно производил на меня, как ни много я его изучал), чувствуешь, что в его целом чего-то недостает, как будто бы прочитаны два совершенно отдельных сочинения, механически соединенных в одно».

Невозможно не согласиться с Лебедевым в том, что «ни мысль, ни чувство не остаются вполне удовлетворенными». И хотя «Федон» это поистине – прорыв человеческой мысли, но это произведение основано на форме мышления, которое присуще древнему человеку, и является исторически более ранней. Современный человек, рассуждая о бессмертии души, не сможет прибегнуть к подобному способу доказательства всерьёз.

В этом смысле можно заключить, что хотя идеи Сократа актуальны и сегодня, и что он значительно опередил свою эпоху, в то же время с точки зрения способа мышления и типа сознания он – человек своей эпохи и ярчайший ее представитель.

Литература

1. М.С. Разумов. “Проблема Сократа” глазами Ницше//Вестн. Ом. ун-та. No 2., 2008. – с. 58–62.
2. Платон, Федон, разговор Платона, перев. Д. Лебедева. М., 1896.

3. Соловьев В.С. Лермонтов // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 379.
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. СПб.: Лениздат, 2014. – 222с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991. с. 32–50.
6. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
7. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Перевод с английского В.В. Васильева. М: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
8. Метлов В.И. Введение в диалектику, или философия в науке. От вещи в себе к вещи для нас. – М.: Ленанд, 2016.
9. Тинберген Н. Поведение животных, 1965 / Пер. с англ. – М.: Мир, 1985. – 192 с.
10. Gutfreund Y. The Mind-Evolution Problem: The Difficulty of Fitting Consciousness in an Evolutionary Framework. *Front. Psychol.* 9:1537, 2018. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01537
11. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. / Пер. Г.Г. Шпета – СПб.: «Наука», 1992.
12. Деннет Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004. – с. 89.
13. Tononi, Giulio (2008). «Consciousness as Integrated Information: A Provisional Manifesto». *The Biological Bulletin.* 215 (3): 216–242.
14. Kegan R. *In over our heads: The mental demands of modern life.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
15. Сафронов А.В. «Каузальный дуализм», М.: Эксмо, 2021. – 224 с.
16. Лебедев Д. Платон о душе. Анализ диалога «Федон» с переводом текста разговора и объяснительными к переводу примечаниями// Из «Записок Императорского Новороссийского университета». Одесса, 1874. Т. XIII.

ON THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF CONSCIOUSNESS. MULTISUBSTANTIAL EVOLUTION OF THE OBSERVER AND THE HIERARCHY OF MODAL LOGICS IN CAUSAL DUALISM

Safronov A.V.

Moscow State University. M.V. Lomonosov

The subject of the author's research is existing and possible theories describing the development or evolution of such a mental phenomenon as consciousness. The main approach to the formation of such

theories in their historical perspective are considered. In particular, the currently relevant theory of integrated information by D. Tonini combines the idea of panpsychism about the fundamental role of the mental and the theory of evolution by G. Spencer about the increasing level of complexity in the world. Evolutionary theories of D. Dennett and R. Dawkins are built on the Darwinian idea of natural selection. The periodization of cultural and historical stages in the development of mankind and, as a consequence, the types of human thinking K. Jaspers continues the tradition of Hegel's historicism and the isolation of the spiritual principle in the development of man by Dilthey. The causal dualism approach to the evolution of consciousness is also considered. The article proposes a thought experiment in which the ancient Greek philosopher Socrates is transferred to the present. The question of how the philosopher would perceive the type of thinking and consciousness of a modern person is investigated. It is concluded that Socrates belongs to a certain type of thinking, corresponding to his historical period of the evolution of thinking and consciousness.

Key words: Socrates, causal dualism, pluralism, evolution of consciousness, evolution of thinking, hierarchy of logics, statement of observability, statement of causality.

References

1. M.S. Razumov. "The problem of Socrates" through the eyes of Nietzsche // *Vestn. Ohm. un-that.* No 2. 2008. – pp. 58–62.
2. Plato, *Phaedo*, Plato's talk, transl. D. Lebedev. M., 1896.
3. Soloviev V.S. Lermontov // Soloviev V.S. *Philosophy of Art and Literary Criticism.* M., 1991.S. 379.
4. Lermontov M. Yu. *Hero of our time.* SPb.: Lenizdat, 2014. – 222s.
5. Jaspers K. *The meaning and purpose of history.* M.: Republic, 1991. p. 32–50.
6. Vygotsky L.S. *Psychology of human development.* – M.: Publishing House of Meaning; Eksmo, 2005. – 1136 p.
7. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory.* Translated from English by V.V. Vasiliev. M: URSS: Book House «LIBROKOM», 2013. – 512 p.
8. Metlov V.I. *An introduction to dialectics, or philosophy in science. From a thing-in-itself to a thing for us.* – M.: Lenand, 2016.
9. Tinbergen N. *Behavior of animals, 1965 / Per. from English* – M.: Mir, 1985. – 192 p.
10. Gutfreund Y. *The Mind-Evolution Problem: The Difficulty of Fitting Consciousness in an Evolutionary Framework.* *Front. Psychol.* 9: 1537, 2018. doi: 10.3389 / fpsyg.2018.01537
11. Hegel G.V.F. *The phenomenology of the spirit.* / Per. G.G. Shpet – SPb.: «Science», 1992.
12. Dennett D. *Types of psyche: Towards an understanding of consciousness.* – M.: Idea-Press, 2004. – p. 89.
13. Tononi, Giulio (2008). «Consciousness as Integrated Information: A Provisional Manifesto». *The Biological Bulletin.* 215 (3): 216–242.
14. Kegan R. *In over our heads: The mental demands of modern life.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
15. Safronov A.V. «Causal dualism», Moscow: Eksmo, 2021. – 224 p.
16. Lebedev D. *Plato about the soul. Analysis of the dialogue «Phaedo» with the translation of the text of the conversation and explanatory notes to the translation // From the «Notes of the Imperial Novorossiysk University».* Odessa, 1874. Т. XIII.

Идея личности в философском творчестве русского мыслителя И.С. Продана

Сизинцев Павел Васильевич,

кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА
E-mail: sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу личности в философском творчестве русского мыслителя И.С. Продана с психолого-антропологическим осмыслением всех элементов его произведений (с учетом привлеченных источников, рассматриваемых тенденций мышления, оценки применяемых им критериев). Он стремился выстроить педагогический процесс на информации по психологии, количественных результатах собственных экспериментальных и психологических лабораторно-практических работ. И большое внимание уделял рассмотрению воздействия учителя на учащихся. Автором проведен историко-критический обзор в социально-философских представлениях. Ибо, даже религия, являющаяся сугубо душевным феноменом в миг своего возникновения и последующего формирования, становится социальным явлением в дальнейшем развитии. Ибо нравственному человеку-субъекту присущи как раз все признаки, определяющие собственно, чувство: приятное или неприятное и прочие. Но все эти чувства получают название нравственных только тогда, когда они соединяются с суждениями о нравственной ценности явления. Единство нравственного переживания и интеллектуальных размышлений находило свое проявление с точки зрения психолога в термине «человеческая совесть», который понимался как высшая степень осознания человеком своего нравственного долженствования. Говоря иначе, – чувствование имеет нравственный характер, в случае, если чувство выражено с проявлением совести.

Ключевые слова: Личность, общество, экономика, нравственность, человек, достоинство, педагогика, информация, психология, феномен, учитель, формирование, развитие.

К числу философских публицистов, оказавших влияние на русскую мысль XIX–XX вв. следует отнести российского ученого И.С. Продана.

Необходимо отметить, что философ И.С. Продан был автором «философии здравого смысла», которую он изложил в своем труде «Познание и его объект (Оправдание здравого смысла)» и рассмотрение которого является целью данного исследования. В начале труда философы показаны как люди, которые «спорят о том, что такое истина, где ее надо искать и какой путь к ней ведет» [6, 3], а также «каково назначение человека и существует ли оно вообще, в чем состоит истинное счастье и существует ли оно на земле» [6, 3–4]. Отрицательный ответ на эти вопросы ведет человеческий разум или к самообману, или к скептицизму. Подлинной природе и личности человека свойственна вера в целесообразность жизни, нравственно-социальные идеалы и в принципе в совершенствование человечества. Такому подходу чужды как мораль эпикуреизма, так и пессимистический фатализм восточного мышления. Он признает высшую ценность свободы, но и серьезность обязанностей по отношению к семье, социуму и человечеству в целом. Осуществление удовольствий как главных целей существования в различных античных школах вело человека к измождению плоти, нравственно-жизненной пустоте и следующих за этим телесных болезней, переходящих в болезни душевные [3]. Деятельность ученика глашатая гедонизма Аристиппа Игисия, – провозвестника смерти, – доводящего своими лекциями (о пессимизме, страданиях, неблагодарной судьбе) людей до отчаяния, была категорически запрещена египетским царем Птолемеем. Причина таких событий крылась «в неправильном понимании жизни» философом только как череды телесных удовольствий и безудержных наслаждений. Это «вызывает пресыщение и неизбежное разочарование» [6, 7] в подобного рода жизнедеятельности и в принципе в бытии. Ибо онтологическое назначение человека и его глубинная духовная сущность заключается не в том, что сближает его с животным миром, но в кардинальной отличимости от него. «Язык», в частности, определял не только «способ коммуникации, но и способ мышления». В XXI веке это стало еще более явно, ибо на мышление повлияли связи людей в социальных сетях мира. Специалист по лингвистике М. Кронгауз свидетельствует, что именно в Интернете у людей в полной мере проявилась способность «говорить письменно. Массовые коммуникации создают унифицированное массовое

общество, которое не переносит различий оригинальности и тонкого вкуса». И уравнивая каждого в навязываемой СМИ потребности в «сенсации, экстраординарном событии» [11, 221–222], погружающее сознание человека в дозированное безумие происходящего в мире. Глобализация медиасистем создает не знакомство с информацией, а «условия познания, действия, мысли». Подача сведений становится само-референтна т.е. отсылается к самой себе, само-наблюдаема, что понимал и И.С. Продан. Этот вывод неизбежно диктует человеку его инстинктивный и бессознательный здравый смысл, который по мысли философа был создан вместе с человеческим умом и до сотворения человека как такового. Здравый смысл означал, что если жизнь человека и общества людей в действительности разумно устроена и имеет разумную цель, которую самому человеку допустимо и не знать, то человек должен ценить свою жизнь и дорожить ею не ради мимолетных забав, телесных утех и противоестественных удовольствий, но прежде всего для личного благополучия и всеобщего счастья, долга и призвания его как личности. Человек «обязан направлять свои стремления и действия к возвышенным идеалам» [6, 9] и достижению вечных ценностей, личностному постижению подлинной, Богом заданной цели собственного бытия. Идеи «философии здравого смысла», высказываемые И.С. Проданом открыто и аргументированно противостояли позитивизму О. Конта и Дж. Ст. Милля, а также и философии агностицизма и скептицизма Г. Спенсера. Они противоречили, как взглядам кантианцев, отдавших себя в рабство философии И. Канта, так и поклонников «критики чистого опыта» Авенариуса, идеи которого были материально-критически оценены в единственном философском труде марксиста В.И. Ульянова (Ленина).

Но только через анализ обычных познавательных процессов, общеизвестных фактов и сделанных на этой основе обобщений, проверенных к тому же противными сведениями и рассуждениями, человек способен дойти до метафизических истин, поверенных позитивным знанием действительности. Говоря языком христианского персонализма, «путь к универсальному лежит не через абстрагирование от личности человека, а через погружение вглубь этой личности» [9, 310]. Кратковременный процесс обретения истины человеческими сознанием и чувствами возможен только посредством веры, разумное постижение истины неизбежно требует временного периода на осмысление и обоснование. Предшественником умозрительных рассуждений И.С. Продана следует назвать шотландского философа Т. Риду [4] современника и активного критика Д. Юма, основателя шотландской «концепции здравого смысла», сыгравшего знаковую роль в процессе просвещения Шотландии. Т. Рид полагал, что именно философское понимание здравого смысла есть основа решения какой угодно философской проблематики. И не соглашался с Д. Юмом и Дж. Берк-

ли в том, что окружающий человека мир означает только идеи в сознании. Шотландец предполагал, что как раз трезвые соображения здравого смысла свидетельствуют о бытии внешнего мироздания. Развернутая критика Дж. Беркли была им дана в труде «Опыты об интеллектуальных способностях человека» [5], до сих пор не переведенном на русский язык. Т. Рид полагал, что именно эпистемология есть вводная часть этики в практическом смысле. Ибо если люди убеждены в их общих верованиях с помощью философии, то людские поступки будут совершаться согласно их убеждениям, поскольку такие люди точно будут знать о том, что правильно. Его нравственная философия [8] похожа на римский стоицизм, обогащенный схоластическими идеями Фомы Аквинского и глубоко христианским мироощущением, где цитируется Цицерон и его термин «здравый смысл», имеющий личные коннотации. В то же время, нельзя не признать, что философ пришел в определенной степени «к рационалистическому и легалистскому пониманию человеческого существования, подчиненного» [7, 419] не только евангельским ценностям, но в не меньшей степени мирскому закону и традиционным обычаям. В его рассуждениях с помощью понятия души «объяснялись все процессы жизнедеятельности организма. Понятие души по своему содержанию было не только психологическим, но скорее биологическим, объясняющее все жизненные процессы с помощью» библейского «толкования» [1, 514]. Апелляции к здравому смыслу в XVIII веке не остановили «варварство, войны, невежество, обскурантизм, абсолютную не просветленность демонических начал в человеке» [10, 451]. Вторая попытка вернуть здравый смысл в философию и в реальную жизнь была предпринята в России в начале XX века И.С. Проданом. Он подверг критике имманентную философию и мистический эмпиризм Н.О. Лосского, французский позитивизм и американский прагматизм у. Джеймса, наблюдая их истоки в античном скептицизме. В то же время, русский философ относил свою критику и к его предшественнику Т. Риду. Он пенял шотландскому философу, что тот в своих рассуждениях ограничивался анализированием чувственных восприятий человеком действительности, не разделяя их четко на ощущения и восприятия. Не была им проведена связь «принципов общечеловеческого смысла» и знания. А также не имелось должной теории суждения, отсутствовало доказательство важности метафизических законов тождества и причинности онтологической структуры мира. И.С. Продан применяет индуктивно-аналитический метод исследования проблемы. В своих рассуждениях он фрагментирует сущее исходя не из его природы, но из существа мысли, пытаясь своим усилием и волей удержать и предъявить смысл рассматриваемого феномена. В ходе исследования он берет факты наблюдения из совершенно разных научных сфер познания окружающего мира, начиная зоологией и биологией и заканчивая фи-

зикой и лингвистикой. Рассматривает данные психологических анализов [2] познавательных процессов, которые опираются как на самонаблюдения, так и на психофизиологические наблюдения за детьми. Положения своей концепции философ проиллюстрировал многообразными примерами конкретных случаев из жизни. И ни одно из его обобщений не представлено вне фиксированной связи с событиями. Личность становится для него фундаментальной основой, ведущей к духовному повороту бытия человека. Им сделана жесткая дефиниция собственно максимально достоверного в мышлении от только вероятного и лишь возможного. Развитость мышления и самопознание человека влечет за собой актуализацию его обретаемого опыта, более глубокого понимания искусства и поднятия уровня повседневного общения. Что же касается вечных вопросов метафизического характера, то «пока нужно довольствоваться теми ответами, которые на них даются боговдохновенными мужами» [6, 17], то есть, святоотеческой традицией православия. Хотя следует признать, что в рамках философии, исповедуемой католическим кардиналом и теологом Николаем Кузанским – диалектике манифестируемого совладения абсолютного минимума и абсолютного максимума миг противостоит вечности, как предельно ничтожная и самостоятельно-автономная единица времени противостоит всеобъемлюще-абсолютному единству всех периодов времени и сверхвременности.

Позже русский философ-экзистенциалист Н.А. Бердяев классифицировал по-своему виды времени земного бытия в нижеследующей классификации:

- Циклическое время земного природного мира,
- Линейное время протекающих на земле исторических процессов,
- Экзистенциальное время, которое уподобляется мгновенному проколу сферы земного бытия в точках, разрывающих пространство времени и граничащих с вечностью, осуществляющих «приобщение» человека к вечной сфере бытия «здесь и сейчас».

В своем труде философ И.С. Продан устанавливает определенную последовательность изложения материалов и самих исследований. Сначала им формулируются общеизвестные и всеми принимаемые необходимые предпосылки здравого смысла в человеке и подробно описывается основной метод исследований. Затем рассматриваются инструменты процессов мышления и познания человека вместе с системой критериев истинности суждений и выводов. Далее, раскрыты истоки познания и объекты познания, разделенные на чувственные и сверх – чувственные. Сам же «здоровый смысл» у И.С. Продана есть «священный огонь, зажженный предвечным Создателем в уме человека». Его «не могут затмить блуждающие огоньки лже-мудрецов среди тьмы над трясиной умственной лени и пороков. Блуждающие огоньки исчезнут бесследно, а свет истины бу-

дет светить вовеки» [6, 20]. Таким эмоционально-восторженным тоном философ вступает в научное пространство своего исследования концепта здравомыслия у человека, духовным фундаментом которого служит, как это уже только что показано выше, божественная искра света истины, заложенная в человека при рождении и присущая ему потенциально во все дни его бренной земной жизни. В этом контексте интерес данной статьи представляют далеко не все рассуждения И.С. Продана, но лишь касающиеся личных свойств человека – свободы, творчества, сознания, переживаний самосознания и самопознания, веры, высших вопросов человеческого духа, а также метафизического понимания феномена человеческого «Я» и понятия «личность» в отношении человека или Бога. К пониманию идеи Бога человек приходит через представление о своей личности как идеи «Я» с ее самоочевидностью личного восприятия самосознанием самого себя. Самосознание означает «результат развития сочетаний актов ощущения, стремления и волнений, таких, как:

- Опыт сравнения и тождества прошлого и настоящего человека,
- Различение внутреннего источника силы и сопротивления внешнего мира,
- Совокупности и оценки мышечных усилий человека и его впечатлений, запоминания, повторения и т.д.

И.С. Продан одобрял Дж. Локка за представленные в его исследованиях всевозможные данные о человеческом духе, но критиковал его за то, что тот недостаточно широко разграничил идеи – как познавательные элементы человеческого сознания, – от действительных вещей, побуждающих эти идеи в сознании. А также в малой степени Дж. Локком была раскрыта важность наследственных факторов и врожденных способностей. Но главное – английский эмпирик не принимал во внимание «самопроизвольную деятельность человеческой души, обуславливая память даже тождество личности» [6, 6]. Из преемников Дж. Локка тот же Беркли отрицал материальность вещей, отождествив их с идеями, И. Кант отрицал объективную реальность причин и субстанций, а Д. Юм помимо этого не только отождествлял предметы с впечатлениями, но и в принципе не признавал личность особым носителем «самосознания» [6, 7] в человеке. Русский же философ-теист и психолог В.А. Снегирев считал, что одной из форм сознания идеи «Я», которая возникает через различение человеком тела, а также и с эмпирическим потоком текущих процессов, может быть рассмотрено понятие «душа». На этом фоне русский философ И.С. Продан учитывал, что еще Т. Рид посредством своих умозаключений сумел успешно вывести самоочевидные истины человеческого духа, которые заключались в том, что:

- Состояния сознания являются изначальными и бесспорными фактами, которые не нуждаются ни в сомнениях, ни в доказательных аргументах,

- Мысли и ощущения человека имеют собственного уникального субъекта, который называется «свое «Я». Причем состояние «Я» никоим образом не следует отождествлять с различными постоянно меняющимися у человека формами сознания,
- Мыслящий человек-субъект постоянно сознает самого себя таким же в продолжение всего периода своей жизни, хотя его сознание постоянно изменяет состояние переживаний,
- Сознание полной тождественности человеку своего «Я» свойственно любому, даваясь человеку лично и ранее всякого рассуждения, и опытности,
- Внешние впечатления, идущие от чувствительности, безусловно вызывают в человеке личную веру в реальность видимых им соответственных вещей, людей или животных,
- Впечатление есть знак воспринятой человеком через чувства вещи, отражаемый в его сознании,
- Между самими окружающими человека предметами находятся такие же как он живые существа – люди.

Самоочевидность этих истин служит руководящей основой жизнедеятельности и познаний человека. Наличие их в человеке означает несомненное присутствие в нем «здорового смысла». Представляется, что именно идеи Т. Риды стали прототипами философских размышлений И. Канта. Но чувства человека не всесильны. В арифметических расчетах или геометрических построениях впечатления от чувств лишь подтверждают отвлеченные формулы или абстрактные теоремы. Поэтому, уже психология души чувству далеко не вполне доступна. Ибо психологические знания и зависимости обуславливаются не только методологией самонаблюдения, но и всеобщими обобщениями в отношении людей отдельных экспериментальных данных. А это уже есть следствие логического допущения единообразия душ и однообразности человеческих организмов. Чужих действий сознания (тем более иллюзий, наркотического транса или сновидений) никто из людей лично не способен наблюдать, о них можно лишь рассуждать на основаниях собственного внутреннего духовного опыта. Опыт же межличностного общения показывает и многократно доказывает, что любому человеку в той или иной степени обязательно присуще стремление к истине, справедливости, так же, как и потребность в идеальном, в высших над-природных ценностях и вечных смыслах. Это нередко отмечал в своих метафизических трудах еще Аристотель. Цели же познания в человеке сначала формируются на практической основе и служат элементарным задачам физического выживания. Но по мере его умственно-чувственного развития цели становятся более личностными, связанными с душевными потребностями человека в свободе, творчестве, вере, любви. Религиозные чувствования максимально сложны, так как приводят в напряжение все силы личности,

возглавляя иерархичность чувств. Ведь в основании чувств самих по себе находится оценочность, а в фундаменте высших чувств человека заложен процесс соотнесенности с идеальным, переживание от связанности с ним. Учитывая все эти обстоятельства высшее чувствование допустимо классифицировать на:

- Эстетическое, связанное с гармонией мира,
- Нравственное, связанное с идеалом личности и общества, и
- Религиозное, относящееся к истоку и окончанию любого бытия и любви к божественной Личности.

Ибо И.С. Продан полагал, что любовь изначально врожденное чувство человека, так же, как и вера в возможность ее достижения человеком. Он писал об этом в то время, когда некоторые философы даже «отрицали существование личности и ее субстрата, признавая только явления сознания или какую-то «психику», а самосознание и наше «Я» как и в прошлом Д. Юм считали «некоторым комплексом ощущений и представлений» [6, 23]. Однако все, что окружает человека и составляет переживания сознания его души может быть объектом познания, ибо и дикарь имеет личное представление о своем «Я» и собственном характере, существуя совершенно самобытным образом в земном бытии. Огромное значение для развития человека и познания им мира И.С. Продан отводил речи, отмечая с иронией, что «мимика глухонемых – несовершенное орудие мысли и ограничивается узкими интересами личности» [6, 25]. Слово ассоциируется у человека с представлениями и понятиями, входящими непосредственно в состав его мыслей. Само мышление, в том числе абстрактное, развивается исключительно одновременно с человеческой речью. В сущности, мышление является речью про себя, и наоборот, – речь человека есть его мышление вслух. Самопознание существует в пространстве временных символов личного мышления и объективно-постоянных символов, которыми обмениваются люди в целях взаимного понимания друг друга в обществе. Эта словесно-образная символизация обеспечивает развитие сознания и самосознания в течение всей человеческой жизни.

Литература

1. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней. – М: Академический проект, 2018. – 587 с.
2. Продан И.С. Психология внутреннего опыта, как основа философских наук. – Юрьев: Без издательства, 1904. – 82 с.
3. Продан И.С. Организация души. Отрывок из новой эволюционной монадологии. – Юрьев: Без издательства, 1905. – 58 с.
4. Продан И.С. Лекции по истории новейшей философии, читанные в Харьковском университете в 1909 году. Выпуск 1. – Харьков: Типография С. Иванченко, 1909. – 130 с.

5. Продан И.С. Лекции по истории новейшей философии, читанные в Харьковском университете в 1909 году. Выпуск 2. – Харьков: Типография С. Иванченко, 1909. – 104 с.
6. Продан И.С. Познание и его объект (Оправдание здравого смысла). – Харьков: Типография «Мирный труд», 1913. – 472 с.
7. Лаут Э. прот. Современные православные мыслители: от «Добролюбия» до нашего времени. – М: Паломник, 2020. – 620 с.
8. Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. – СПб: Алетейя, 2000. – 352 с.
9. Рябов П.В. Экзистенциализм. Возраст зрелости. –М: Панглосс, 2019. – 368 с.
10. Рябов П.В. Экзистенциализм. Период становления. –М: Панглосс, 2019. – 463 с.
11. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. – СПб: Алетейя, 2020. – 544 с.

THE IDEA OF PERSONALITY IN THE PHILOSOPHICAL WORK OF THE RUSSIAN THINKER I.S. PRODAN

Sizintsev P.V.

Graduate of the graduate school of MPDA

The article is devoted to the analysis of the personality in the philosophical work of the Russian thinker I.S. Prodan with a psychological and anthropological understanding of all the elements of his works (taking into account the sources involved, the considered tendencies of thinking, and the evaluation of the criteria used by him). He sought to build a pedagogical process based on information on psychology, quantitative results of his own experimental and psychological laboratory and practical work. In addition, he paid great attention to the consideration of the teacher's impact on students. The author conducted a historical and critical review in social and philosophical views. For even religion, which is a purely spiritual phenomenon now of its emergence and subsequent formation, becomes a social phenomenon in further development. For the moral

person-subject is characterized by just all the signs that determine the actual feeling: pleasant or unpleasant, and others. However, all these feelings are called moral only when they are combined with judgments about the moral value of the phenomenon. The unity of moral experience and intellectual reflection found its manifestation from the point of view of the psychologist in the term "human conscience", which was understood as the highest degree of awareness of a person of his moral duty. In other words, feeling has a moral character, if the feeling is expressed with the manifestation of conscience.

Keywords: Personality, society, economy, morality, person, dignity, pedagogy, information, psychology, phenomenon, teacher, formation, development.

References

1. Zhdan A.N. History of Psychology: from Antiquity to the Present. – М: Academic project, 2018. – 587 p.
2. Sold to I.S. Psychology of inner experience as the basis of philosophical sciences. – Yuriev: Without publishing house, 1904. – 82 p.
3. Sold to I.S. Organization of the soul. An excerpt from a new evolutionary monadology. – Yuriev: Without publishing house, 1905. – 58 p.
4. Sold to I.S. Lectures on the history of modern philosophy, delivered at Kharkov University in 1909. Issue 1. – Kharkov: Typolithography S. Ivanchenko, 1909. – 130 p.
5. Sold to I.S. Lectures on the history of modern philosophy, read at Kharkov University in 1909. Issue 2. – Kharkov: Typolithography S. Ivanchenko, 1909. – 104 p.
6. Sold to I.S. Knowledge and its object (Justification of common sense). – Kharkov: Printing house "Peaceful labor", 1913. – 472 p.
7. Louth E. прот. Contemporary Orthodox thinkers: from "Philanthropy" to our time. – М: Pilgrim, 2020. – 620 p.
8. Reed T. Research of the human mind on the principles of common sense. – SPb: Aleteya, 2000. – 352 p.
9. Ryabov P.V. Existentialism. Age of maturity. –М: Pangloss, 2019. – 368 p.
10. Ryabov P.V. Existentialism. Formation period. –М: Pangloss, 2019. – 463 p.
11. Philosophical projective dictionary. New terms and concepts. – SPb: Aleteya, 2020. – 544 p.

«Государство и революция» В.И. Ленина как доктринальное обоснование революционного переустройства общества

Шелест Дмитрий Александрович,

заместитель директора Экспертно-аналитического центра
Дальневосточного федерального университета (ДФУ)
E-mail: shelest.da@dvfu.ru

В статье рассматриваются положения работы В.И. Ленина «Государство и революция» как попытка написания философского, доктринального и прикладного (инструктивного) текста. В статье показано, что философский контекст «Государства и революции» сопряжён с революционной борьбой начала XX века, насколько и пытается в эскизном виде обрисовать горизонты будущего как иного по отношению к социальной действительности.

Показано, что В.И. Ленин предлагает новый подход к социальному праксису, пытаясь нащупать теоретические посылы и практические шаги, осуществляемые не столько в виде актов, сколько процессуально. При этом сам процесс уместно назвать не революцией, а революционным переустройством. В определённой степени форма построения соответствует более позднему термину Альфреда Уайтхеда «философия процесса». Философская рефлексия Ленина не стремится достичь переворота в рамках теории. Ленинские размышления заведомо не претендуют на всеобъемлющую систему гегелевского типа. Скорее В.И. Ленин «примеривает» положения марксизма к новой реальности, включает их в водоворот текущего, предполагая не столько синтез в рамках Логоса, сколько практический синтез.

Ключевые слова: будущее, государство, Ленин В.И., марксизм, революция, утопия.

Осмысление будущего с позиции философской рефлексии сталкивается с множеством препятствием. Любой взгляд, направленный в грядущие, заведомо бессилён перед обвинениями в утопизме (антиутопизме), чрезмерной детализации или, наоборот, отсутствии значимых вех, описывающих удалённые горизонты. В этом отношении работа В.И. Ленина «Государство и революция» является смелой попыткой обосновать желаемое будущее как идейный конструкт и, одновременно, указать на те необходимые практические шаги, которые должны привести к ожидаемым результатам в области социального строительства. Упомянутый текст содержит в своей основе «...выписки из произведений классиков марксизма, которые он сделал в Цюрихе зимой 1916/1917 г.» [12] и имеет длительную историю создания по сравнению со многими ленинскими работами периода 1917–1918 гг.

Название текста определяет границы ленинской рефлексии и в целом опирается на понятие революции, как главного «первоимпульса» переустройства общества. Подобная идея не являлась к моменту написания Лениным «Государства и революции» инновационной. Для К. Маркса, Ф. Энгельса, первого поколения их последователей типа А. Лабриолы «Революция становилась объектом политики, которая развёртывается в условиях, определяемых сложным характером общественной жизни; она становилась, следовательно, целью, которой пролетариат должен достигнуть, используя разные формы борьбы и разные организационные средства, ещё не известные старой тактике восстаний» [8].

При этом очевидно, что видение В.И. Ленина, прежде всего, соотносилось с революционной ситуацией в России после февральской буржуазной Революции 1917 года. В.И. Ленин выявил у Маркса и Энгельса концепции к пониманию российской действительности. Сама же работа несла на себе и явный отпечаток личности В.И. Ленина. И, в силу того, что «Он [Ленин] – человек и мыслитель события, и в этом среди современников ему не было равных» [7, с. 419], обладал незаурядным мышлением и политической интуицией «Государство и революция» с момента её выхода изучается с интересом как среди нескольких поколений марксистов, так и в среде их идейных противников.

За период с апреля 1917 г. по март 1918 г. создатель партии большевиков написал несколько работ прямо обращённых к революционной практике: «Начало бонапартизма», «Очередные задачи советской власти», «Апрельские тезисы»,

«Письма издалека», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и ряд других текстов. Но уже в довоенный советский период ей уделялось особое внимание. Несколько претенциозно в конце 1930-х годов М. Аржанов писал: «Его прогноз по вопросу о государстве был одновременно и научно обоснованным, и в революции практически осуществлённым, стратегическим и тактическим планом уничтожения старого и создания нового государства» [1, с. 12].

Не кажется удивительным то, что гораздо позднее британский марксист Ральф Маллибанд назвал «Государство и революция» одним из «священных текстов» марксизма, который в определённой степени чужд самому марксистскому языку [15]. Наряду с критическим анализом в нём содержатся визионерские послылы, а антикапиталистические тезисами соседствуют с очевидными антибюрократическими послылами [15]. Аналогичное положение есть в работах российского политического философа Б. Капустина: «Что же касается собственной ленинской программы революции и постреволюционного развития, какой, вероятно, следует считать его книгу «Государство и революцию», сочинённую буквально накануне Октября, то эту программу никто, никогда на всём протяжении существования советской власти и не пытался реализовать» [7, с. 417, 418]. Возможно точку в этом ставит постмарксист Фридерик Джеймсон. Революция для Ленина «...является философским концептом в гораздо большей степени, чем, к примеру, идея партии или капитализма» [3, с. 79], становясь центральным понятием в учении лидера большевиков. Уже в силу изложенных мнений рассматриваемый ленинский текст привлекает большее внимание исследователей, чем многие работы В.И. Ленина того же периода.

Следует учитывать, что лидер большевиков полагал, что в России 1917 года «...освобождение угнетённого класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан...» [9, т. 2, 232]. Позднее, Т. Скочпол это трактовалось как понимание Лениным того факта, что государство принуждения не зависит от ценностного консенсуса в обществе или удовлетворённости народа [16, с. 8]. Такой подход со стороны государственной власти не предполагал соотношения управленческих решений с мнением народа и его благосостоянием. Описываемое состояние *de facto* приводит к дискретности в развитии социума, необходимости поиска той «отсутствующей структуры», которая вызвала «нарушение идеологических ожиданий» [14, с. 140]. То есть речь идёт о легитимизации насильственной смены власти, чьи традиции имеют свои истоки в «Политике» Аристотеля.

Отталкиваясь от тезисов Энгельса, Ленин обрисовывает современные ему империалистические государства, как пространства организованного насилия, которые бесконечны в своей трансформации. В свою очередь это базируется на атрибу-

те капитализма, отмеченного «ранним» Марксом: «В прямом соответствии с ростом *стоимости* мира вещей растёт обесценение человеческого мира» [10, с. 346]. Общественные отношения в них, в отличие от традиционных, архаичных социумов, имплицитно включают насилие в ткань общества. Таким образом капитал обретает власть, постоянство которой обеспечивает угроза насилия и произвол бюрократического аппарата. И в этом социальном поле «Всевластие «богатства» >...< не зависит от отдельных недостатков политической оболочки капитала...» [9, т. 2, 236]. Так возникает образ «государства-паразита», который постепенно детализировался от «Коммунистического манифеста» до «18 брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Затем В.И. Ленин, опять же опираясь на работы Ф. Энгельса, поднимает тезис о необходимости масштабного насилия, если государство «принадлежит» не всему обществу. Когда же общество присутствует как государство, последнее фактически «отмирает». Реализация такой возможности запускается через революцию, которая выглядит уже не только и не столько как политическое действие, сколько как целенаправленный *praxis*. И конечно, с позиции В.И. Ленина попытки реформировать социальные структуры и найти примирение в существующем обществе выглядят «мелкобуржуазной утопией». Об этом Ленин упоминает, ссылаясь на текст Карла Маркса «К критике Готской программы» и более позднюю работу Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» (Эртфурская программа).

Оппортунизм многих представителей социал-демократии не учитывал, что в государственных структурах «...тысячи нитей связывают эти учреждения именно с буржуазией» [9, т. 2, с. 249]. Поэтому даже сложившийся монополистический (империалистический) капитализм неуместно приравнивать даже к подобию «протосоциализма». И естественно, что такое состояние находится в контрадикции с потребностями развития общества. Поэтому во всём ленинском тексте имплицитно присутствует следующая мысль: реформизм и примирение с капиталистическим строем невозможно не столько в силу «воинственности» большевиков, сколько в невозможности самого капитализма перешагнуть свои же пределы, несостоятельности радикально измениться и не «откатиться» вновь к дикой эксплуатации при благоприятных условиях. Именно «Отсюда ключевой тезис Маркса и акцент Ленина: демократия в условиях капитализма – это форма экономической и политической власти буржуазии» [2, с. 7].

Таким образом, речь идёт о необходимости революционного *праксиса*, когда «...ход событий вынуждает революцию *концентрировать все силы разрушения* против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение её*» [9, т. 2, с. 250]. И также естественно, что Владимир Ильич возвращается к опыту Парижской

Коммуны 1871 года в прочтении Маркса «Гражданская война во Франции». Этот опыт Ленин пытается приложить к российской действительности, найти методологию революционной практики, которая будет являть собой невиданный до этого социальный синтез. «Коммуна – «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда» [9, т. 2, с. 271]. Позднее Борис Кагарлицкий сказал: «... Действительно радикальные (и поэтому наиболее эффективные и исторически необходимые) меры настолько выходят за рамки всего повседневного опыта, накопленного нами в буржуазном обществе, что порой кажутся даже нам самим нереалистическими, невысказанными и утопичными» [6, с. 534].

Итак, в ленинском прочтении государственное управление и крупные производства должны быть переподчинены пролетариату, а «Коммуна – первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которую можно и должно *заменить* разбитое» [9, т. 2, с. 271]. Такой подход станет первым шагом и ближайшей целью: получить «...освобождённый от паразита высоко технически оборудованный механизм...» [9, т. 2, с. 266]. «Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов здесь нет» [9, т. 2, с. 264]. Уместно заметить, Ленин не выступает против реформизма, он настаивает на подчинении реформ окончательной цели, то есть построению коммунистического общества [15]. Другим шагом в будущее видится формирование нации как основы нового строя. По Ленину «...возможен добровольный централизм, добровольное объединение м в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины» [9, т. 2, с. 269].

В силу изложенного уместно вспомнить утверждение С. Жижека, который полагает, что «...Ленина как наивысшего политического стратега ни в коем случае нельзя отделять от Ленина-технократа» [5, с. 132]. Поэтому В.И Ленин отвечает на вопрос: «...Какой будет власть после того, как мы её получим» [9, т. 2, с. 226]. Опираясь на безусловную необходимость трансформации социальной структуры, он предлагает стратегическое решение, которое вполне реализуемо в тактическом воплощении. «Для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учёта, которые доступны, посильны громадному большинству населения...» [9, т. 2, с. 289].

При этом Ленин исходил из тезиса: «Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма» [9, т. 2, с. 289]. И естественно он пытался обрисовать следующее движение к социализму. «Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимых работ, получает

удостоверение от общества, что он такое-то количество работ отработал» [9, т. 2, с. 300]. В этом контексте И. Розенфельд в работе «Третий марксизм» акцентирует внимание на понятии синдикат у Ленина, полагая его одним из наиболее важных шагов в социалистическом строительстве. Сам Владимир Ильич писал: «Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката»» [9, т. 2, с. 308]. Он выделяет упомянутый термин как «Государственный Синдикат», который является первым этапом движения к коммунистическому обществу. Ленин обозначает это как «предсоциализм», то есть первую стадию посткапиталистической формации, противопоставляя это капитализму как расчлённому обществу.

Во всех приведённых посылах лидер большевиков предвосхищает фразу Альфреда Уайтхеда: «Будущее просто реально, не являясь актуальным» [13, с. 302]. Фактически В.И Ленин вслед за К. Марксом определяет будущую реальность, актуализируя её в рамках соответствующего настоящего. Так революционный проект задаёт вектор к общественному развитию, которое, как писал Карл Маркс в 1844 году, способно: «...очеловечить чувства человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство*, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности» [10, с. 352].

Коммуна обретает черты отличного от прежнего государства организма, движется к статусу не-государства, отходя от правления меньшинства. И само движение общества в сторону от государства виделось в подавлении того меньшинства, которое управляло народом и, по мере укрепления Коммуны «...в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждения: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать» [9, т. 2, с. 279]. В свою очередь ресурсы и поддержание энергии для движения общества в заданном направлении делается за счёт очевидной вещи. «...Экспроприация даст возможность гигантского развития производительных сил» [9, т. 2, с. 303]. Стоит предположить, что в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» когда Маркс утверждал: «Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего» [10, с. 358], он руководствовался своим видением нового экономического перераспределения общественного продукта и прав собственности.

Опираясь на изложенное, уместно задаться вопросом: «Почему В.И. Ленин решил переосмыслить идеи Маркса и Энгельса?» Ответ очевиден, но не однозначен. Одна сторона имеет не столько философский, сколько политический контекст. Поэтому, по мнению Жижека: «Вопреки своему философскому – не побоюсь этого слова – невежеству, Ленин был выдающимся философом-практиком, для которого мысль стала орудием в политической борьбе» [4]. В.И. Ленин не преми-

нул выстроить линию преемственности идей создателей марксизма в новой революционной ситуации, фактически усугубляя контраст с другими блоками социал-демократических движений в пользу большевиков. Так он стал единственным «держателем» концепта «революция» на рассматриваемый период в России.

В.И. Ленин выдвигал идеи, которые не могли быть оформлены ни как план, в отличие от «Очередных задач советской власти», ни как чисто теоретическое построение. Возможно, в силу этого его мысль выглядит как своеобразный парафраз идей Гераклита: война и огонь – перводействие и первоэлемент начинающегося нового мира. И естественно, что «Революция также является уникальным явлением, в котором коллективное измерение человеческой жизни проявляет себя в качестве центральной структуры...» [3, с. 79]. Принимая такой порядок вещей, В.И. Ленин пытается найти те пространства, которые предшествуют рождению нового жизненного уклада. И только тогда «...будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнули* к соблюдению элементарных условий общественности без *насилия* и без *подчинения*» [9, т. 2, с. 293] как результат революционного процесса.

Во многом поэтому «Государство и революция» воспринимается как текст, неуместный с точки зрения формальной логики и с консервативной позиции относительно политических доктрин. По этой же причине работа Ленина в какой-то степени безыскусна и прямолинейна. Он мечтает о будущем и, вероятно, у него отпадает необходимость подбирать формулировки, описывающие шаги, предшествующие ленинскому *видению* грядущего. Так «Государство и революция» сохраняет свою актуальность потому, что «...Первый аспект ленинского наследия, которое должно быть заново открыто сегодня, – это политика истины» [5, с. 30].

Философский контекст «Государства и революции» настолько же сопряжён с революционной борьбой начала XX века, насколько и пытался в эскизном виде обрисовать горизонты будущего как некоего Иного по отношению к социальной действительности. Это движение хорошо уловил Ф. Джеймисон, который полагал, что «...подлинное значение Ленина заключается не в политике и не в экономике, а скорее в их соединении в том Событии-как-процессе и процессе-как-Событии, которое мы называем революцией» [3, с. 80].

Таким образом текст Ленина становится «прометеевским» усилием «сшить» разрыв между существующей теоретической базой и революционным топосом России 1917 года. И в этом отношении «швы» становятся наиболее интересной частью работы. Речь идёт о переходных формах между известным обществом и обществом нового типа. Начало условных «швов» В.И. Ленин находит у создателей революционной теории. Энгельс

«...с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является» [9, т. 2, с. 284].

По сути, результатом ленинских усилий в этом направлении и стал проект советского государства, а «Государство и революция» определённой «инструкцией» по достижению идеального.

В силу изложенного можно утверждать, что Ленин предложил новый подход к социальному праксису, пытаясь нащупать теоретические послылы и практические шаги, осуществляемые не столько в виде актов, сколько в процессуальной форме. При этом сам процесс уместно назвать не революцией в понимании единовременного действия, а революционным переустройством. В определённой степени такое построение по смыслу соответствует более позднему термину Альфреда Уайтхеда «философия процесса». Владимир Ленин ухватил то настоящее, которое у американского философа «...есть непосредственность телеологического процесса, благодаря которому реальность становится актуальной» [13, с. 302]. Эта телеология и определила актуализацию революции в той мере, в которой «...в структуре настоящего запечатлены его взаимоотношения с будущим» [13, с. 592]. При этом революция объединяет действия тождественные в своей процессуальной направленности. Так, понятие революции становится «марксистским Единым», перекликаясь с идеями Плотина. Революционный *praxis* становится тем явленным, которое насильно освобождает сокрытое. Революция становится приближением если не к онтологическому, то, по крайней мере, к аксиологическому Единому марксизма.

Очевидно, что философская рефлексия Ленина не стремится достичь переворота в рамках теории. Ленинские размышления заведомо не претендуют на всеобъемлющую систему гегелевского типа. Скорее Владимир Ильич примеривает положения марксизма к новой реальности, включает их в «водоворот текущего», предполагая не столько синтез в рамках Логоса, сколько практический синтез. Теория в этом случае становится опорным конспектом интуитивного *видения* будущего. Сама же ленинская работа не утрачивает своей значимости и в силу уже реализованного советского проекта как продукта теоретического осмысления и своеобразного инсайта.

Литература

1. Аржанов, М. Исторический журнал, 1939 г., № 8/ О гениальном труде В.И. Ленина «Государство и революция»// № 8, август, 1939, с. 6–18
2. Бузгалин А.В. Ленин как теоретик// Альтернативы № 2–2010, с. 5–27.
3. Джеймисон, Фридерик. Научный ежегодник Института философии и права Уральского от-

деления РАН/ Ленин как политический мыслитель // 2015. Том 15. Вып. 2, с. 71–85.

4. Жижек, Славой. Ленин лучше некрофилов // интервью «Собеседник», 2004 г., № 214 <https://www.sobesednik.ru/weekly/214>
5. Жижек, Славой. 13 опытов о Ленине / Suhrkamp Verlag, 2002, Издательство «Ад Маргинем», 2003. – 254 с.
6. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революций / М.: Алгоритм, 2007–576 с.
7. Капустин, Борис. Критика политической философии: Избранные эссе / Кризис и революция // Борис Капустин, М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 424 с.
8. Лабриола, Антонио. Очерки материалистического понимания истории / <https://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/566777-1-a-labriola-ocherki-materialisticheskogo-ponimaniya-istorii-gosudarstvennoe-izdatelstvo-politicheskoy-literaturi-moskva.php>
9. Ленин В.И. Избранные произведения в трёх томах. Том второй / М.: Издательство Политической литературы, 1966. – 826 с.
10. Маркс, Карл. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. – 775 с.
11. Розенфельд Игорь. Третий марксизм: Очерки современной левой идеологии / Тарту; Санкт-Петербург: Крипта, 2018. – 752 с.
12. Старцев, В.И. [электронная библиотека] <https://leninism.su/books/4191-rabota-vilenina-nad-knigoy-igosudarstvo-i-revoljucziyar.html>
13. Уайтхед, Альфред. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
14. Эко, Умберто. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / СПб.: «Симпозиум», 2004. – 544 с.
15. Miliband, Ralph. Lenin's The State and Revolution // <https://jacobinmag.com/2018/08/lenin-state-and-revolution-miliband-08.14.2018>
16. Skocpol, Theda. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China // Theory and Society, Vol. 7, No. 1/2, Special Double Issue on State and Revolution (Jan. – Mar., 1979), pp. 7–95.

“THE STATE AND THE REVOLUTION” BY V.I. LENIN AS A DOCTRINAL BASIS FOR THE REVOLUTIONARY REORGANIZATION OF SOCIETY

Shelest D.A.

Far Eastern Federal University (FEFU)

The article examines the provisions of VI Lenin's work “State and Revolution” as an attempt to write a philosophical, doctrinal and ap-

plied (instructive) text. The article shows that the philosophical context of “State and Revolution” is associated with the revolutionary struggle of the early XX century, as far as it tries to sketch out the horizons of the future as different in relation to social reality.

It is shown that V.I. Lenin proposes a new approach to social praxis, trying to find theoretical premises and practical steps, carried out not so much in the form of acts as procedurally. At the same time, it is appropriate to call the process itself not a revolution, but a revolutionary reorganization. To a certain extent, the form of construction corresponds to the later term “philosophy of process” by Alfred Whitehead. Lenin's philosophical reflection does not seek to achieve a revolution within the framework of theory. Lenin's reflections certainly do not pretend to be an all-embracing system of the Hegelian type. Rather V.I. Lenin “measures” the provisions of Marxism to the new reality, includes them in the whirlpool of the current, suggesting not so much a synthesis within the Logos as a practical synthesis.

Keywords: The future, the state, Lenin V.I., Marxism, revolution, utopia.

References

1. Arzhanov, M. Historical magazine, 1939, no. 8 / On the genius work of V.I. Lenin “State and revolution” // No. 8, August, 1939, p. 6–18
2. Buzgalin A.V. Lenin as a theorist // Alternatives № 2–2010, p. 5–27.
3. Jameson, Frederick. Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences / Lenin as a Political Thinker // 2015. Volume 15. Issue. 2, p. 71–85.
4. Zizek, Slava. Lenin is better than necrophiles // interview “Interlocutor”, 2004, No. 214 <https://www.sobesednik.ru/weekly/214>
5. Zizek, Slava. 13 experiments about Lenin / Suhrkamp Verlag, 2002, Publishing house “Ad Marginem”, 2003. – 254 p.
6. Kagarlitskiy B. Yu. Political science of revolutions / M.: Algorithm, 2007–576 p.
7. Kapustin, Boris. Criticism of Political Philosophy: Selected Essays / Crisis and Revolution // Boris Kapustin, Moscow: Publishing House “Territory of the Future”, 2010. – 424 p.
8. Labriola, Antonio. Essays on the materialistic understanding of history / <https://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/566777-1-a-labriola-ocherki-materialisticheskogo-ponimaniya-istorii-gosudarstvennoe-izdatelstvo-politicheskoy-literaturi-moskva.php>
9. Lenin V.I. Selected works in three volumes. Volume two / M.: Publishing House of Political Literature, 1966. – 826 p.
10. Marx, Karl. Economic-philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. M.: Academic Project, 2010. – 775 p.
11. Rosenfeld Igor. Third Marxism: Essays on Contemporary Left Ideology / Tartu; St. Petersburg: Crypta, 2018. – 752 p.
12. Startsev, V.I. [electronic library] <https://leninism.su/books/4191-rabota-vilenina-nad-knigoy-igosudarstvo-i-revoljucziyar.html>
13. Whitehead, Alfred. Selected works on philosophy. Moscow: Progress, 1990. – 720 p.
14. Eco, Umberto. Missing structure: Introduction to semiology / SPb.: “Symposium”, 2004. – 544 p.
15. Miliband, Ralph. Lenin's The State and Revolution // <https://jacobinmag.com/2018/08/lenin-state-and-revolution-miliband-08.14.2018>
16. Skocpol, Theda. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China // Theory and Society, Vol. 7, No. 1/2, Special Double Issue on State and Revolution (Jan.-Mar., 1979), pp. 7–95.

Процессы десакрализации китайской народной медицины

Ван Хайянь,

аспирант филос. наук, доцент, Северо-Западный педагогический университет, Китай
E-mail: 380862378@qq.com,

Хэ Ижуй,

магистр, старший преподаватель, Северо-Западный педагогический университет, Китай
E-mail: 380862378@qq.com,

В статье показано, что китайская народная медицина как философское течение является пантеистической с точки зрения мировоззрения. Ее мистические элементы не только определены представлениями о природе в китайской культуре, но и распространены в территории Китая религиозными культурами, в частности даосизмом и буддизмом. С развитием науки ее концептуальный базис стал отличаться от влияния религиозно-мистических представлений. После установления для современной науки цели "поиск истин" и принятия научных парадигм как единственного подхода к поиску истины, этот процесс окончательно сформировался. При этом, в современных условиях в китайской народной медицине (ТКМ) не осталось мистических элементов, при этом произошел процесс атеизации и попытки истолкования своих теорий с точки зрения философии. Данная статья посвящена анализу влияния религиозных воззрений даосизма и буддизма на ТКМ и её десакрализации в эпоху марксизма. Цель статьи заключается в том, чтобы исследовать предпосылки научного анализа ТКМ и рассмотреть основания её интеграции с современной медициной.

Ключевые слова: даосизм, буддизм, отход от обожествления, марксизм, ТКМ.

Даосизм и буддизм являются главных религиозными культурами по численности верующих в Китае. Они оказали большое влияние на образование цивилизации китайской нации. С глобализацией современной науки, взгляд на вселенную и подход к ее исследованию кардинально изменилось. Такие эмпирически полученные знания, как ТКМ, эффективность которой была доказана пяти тысячелетней историей китайской нации, активно ищут пути десакрализации. Это, в первую очередь, касается атеизации местных знаний или отхода от опоры на религиозные культы. Анализ этого процесса дает возможность рационального рассмотрения интеграции местных знаний и современной науки. ТКМ же является самым подходящим предметом данного исследования в связи со своим цивилизационным фоном и масштабной медицинской практикой в Китае.

В Китае под даосизмом, помимо философской школы, подразумевается и религия и составляют совершенно разных понятия, и называют их по-разному: «даоцзя» – философия даосизма и «даоцзяо» – религия даосизма, между которыми существуют большие различия.

Даосы (верующие в даосизм) не верят ни в судьбу, ни в мир будущего, только стремятся к созданию большого дао нынешней жизни, то есть к бессмертию. В свою очередь, люди, практикующие доктрины религии даосизма, занимаются и изучением медицины. Для этого, в процессе развития религии даосизма образовались девять способов продления жизни путем самосовершенствования.

Под влиянием религии даосизма медики ТКМ в период династий Мин (1368–1644 гг.н.э.) и Цзин (1636–1911 гг.н.э.) стали уделять внимание идее о великой душе (юань шэнь): «Отказаться от продуктов, не есть – это есть дао (закон) юань шэнь». В ТКМ юань шэнь воспринимается по-другому. Она соединяет великую душу с физическими функциями человеческого тела. Ли Шичжэнь (1518–1593 гг.н.э.) считает: «Мозг является местонахождением юань шэнь, а нос – вратами жизни» [4, с. 553].

Отдельно следует рассмотреть взаимосвязь ТКМ и буддизма. Китайский буддизм (заимствован во второй половине III века до н.э.) придерживается теории «освобождение от жизни», которая является учением об образе жизни и рассматривает вопросы о космосе в связи с тем, что вопросы жизни человека связаны с окружающей средой. Теоретическую систему китайского буддизма можно разделить на две части:

1. Практика, догмат и мораль о добре и зле. В этике ТКМ взгляд милосердия китайского буддизма был принят медиками, что послужило образованию этического принципа ТКМ. Лекарства часто носят имена Будд, например, «Порошок Гуаньинь», «Пилули Цзиньган» и т.д.

2. Знания о жизни и космосе, которые отражают теорию доктрины, диалектический образ мышления буддизма. Среди этих знаний учение «причины возникновения» (юань ци) буддизма тесно связано с теорией патогенеза ТКМ. Под юань ци подразумевается зарождение всех предметов и явлений, взаимозависимое, взаимопричинное отношение и процесс. Учение причины возникновения согласовывается со взглядом на небо и человека, по сути которого подчеркивается взаимозависимая, взаимоопределяющая связь всего сущего. Она и есть метод эпистемологии и восточного мышления. Буддисты считают, что причины возникновения болезней разделяются на внутренние, внешние, а также на причины под воздействием кармы. Под внутренними причинами подразумеваются физиологическая функция и психологические факторы, под внешними причинами – семейная, социальная и природная обстановка. Такая классификация отсылает нас к тройной этимологии: внутреннюю, внешнюю и неэтноэзогенную, т.е. причины, которые не относятся ни ко внутренним, ни ко внешним, например, неправильное питание, неравномерность между трудом и отдыхом и т.д.

Нужно отметить, в ТКМ были заимствованы также и религиозные ритуалы и суеверные толкования причин болезней, которые подчеркивают связь с иным миром. Например, по доктрине кармы буддизма, мучение, в том числе болезни, полученное человеком в этой жизни, является следствием совершенных грехов в предыдущей жизни. Для религии даосизма типичен метод лечения болезни амулетами и заклятиями, который существовал и в глубокой древности, когда лечили магией. Как записано в «Трактате Желтого императора» – учении о перемещении цзин и изменении ци» [9], «Желтый император спросил: древние люди лечили болезнь посредством перемещения цзин и изменения ци, осуществленным через чжюу (магию). А сейчас болезнь лечится лечебными травами для внутреннего применения, иглоукалывание и прижигание действуют снаружи. Возможно, человек вылечится или нет. Почему?» Слова Желтого императора указывали на магический источник ТКМ. Тесная связь с религией и магический источник ТКМ стали основаниями рассмотрения ее как псевдонауки. В Европе она нередко отождествляется с магией.

Однако необходимо обратить внимание на одну из важных предпосылок для становления науки – это отделение ее от религии в частности и любых мистических представлений в целом. В Европе этот процесс стимулировали мысли таких великих ученых, философов, как Дильлея, Декарта, Коперника, Ньютона и т.д. Большое различие между ки-

тайским и европейским мировоззрениями в том, что в китайской культуре не возникли философские и научные идеи, которые способствовали бы вытеснению мистических элементов из знаний. Но существует несомненный факт, упущенный сторонниками магической принадлежности ТКМ, что ТКМ не перестала развиваться со времени Средневековья и не ограничивается только китайской традиционной культурой, ее теоретическая система находится в постоянном взаимодействии с учениями европейской философии, среди которых нужно отметить марксизм, который глубоко повлиял на все сферы Китая.

Взаимодействие теорий марксизма и ТКМ. Марксизм является главной идеологией основания КПК и КНР. КПК, как правящая партия марксизма [8], создана на основе его научных теорий. В Китае марксизм, изменив категорию философии, стал основополагающей верой, которая оказывает большое влияние на все сферы жизни китайской нации. На Конференции, посвященной 200-ой годовщине со дня рождения К. Маркса, генеральный секретарь Си Цзинпин сказал: «Марксизм глубоко изменил не только мир, но и Китай» [5].

Китайский марксизм включает в себя не только основные мысли, теории и методы марксизма, созданные К. Марксом и Ф. Энгельсом, но и его наследие в работах В.И. Ленина. Важную роль в китайском марксизме играют такие представители КПК, как Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзянь Цзэминь, Ху Цзиньтао, Сы Цзыпин, то есть произошла «китаизация марксизма», под которой понимается процесс сочетания ее основополагающих теорий с фактическими обстоятельствами Китая и образование новых теорий марксизма с учетом китайской специфики. Иначе говоря, осуществилось соединение основных теорий марксизма с практикой реформы и строительства Китая, с китайской культурой и традициями посредством поддержания и развития марксизма [1, с. 46].

Во время взаимодействия марксизма с китайской традиционной культурой самое большое расхождение отмечено в их отношении к Богу (религии). Философские мысли марксизма характеризуются атеистическим диалектическим и историческим материализмом, который подчеркивает первичность материи, определение материей сознания. Он критикует существование Бога, вечность души, и другие верования в духов и магию [6, с. 6–10]. «...Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [325, с. 328]. В свою очередь, хотя натурфилософия, на основе которой развивается традиционная культура, имеют магические источники. Ее главные учения о природе как первоисточнике мира, о единстве неба и человека, инь-ян и пяти стихий хотя и носят характер стихийного материализма, отражают пантеистические мысли: «...

древние натурфилософы – греческие, индийские, китайские – вовсе не отрицали существование попустороннего мира. ...философский материализм на первых этапах своего развития связан с религиозным свободомыслием, но никак не с атеизмом» [3, с. 120].

В Китае задача атеизма марксизма заключается не только в критике и отрицании теизма, но и в помощи обществу по созданию научного мировоззрения, и таким образом воздействию на другие знания [2, с. 9–10]. В аспекте китайской традиционной культуры соединение атеизма марксизма и пантеистических мыслей не означает полностью отрицание существования Бога, так как в отличие от отделения науки от религии в Европе, которое является результатом мировоззренческого переворота в философии эпохи Просвещения (конец XVII–конец XVIII веков), и историческим процессом замены старых мыслей новыми, в Китае в течение пяти тысяч лет теистическая культура уже стала частью мировоззрения китайской нации. С ней связаны особые народные обычаи и традиции, например, праздник Циси¹, ритуалы почтения предков и т.д. Заимствованный марксизм, образовавшийся в рамках европейского мировоззрения, не соизмерим с китайским традиционным мировоззрением. Строгое вытеснение мистических элементов из него приведет к кризису разрыва китайской традиционной культуры и ее резкому сопротивлению марксизму.

Однако, по сравнению с европейским монотеизмом, особенности пантеизма в китайской традиции сделали взаимодействие марксизма с китайской традиционной культурой возможным.

Во-первых, в китайской культуре единый Создатель не единственное трансцендентное существо, имеющее сверхъестественную силу. В китайской культуре Будда, Ю-ди даосизма, Феи и многие другие сосуществуют в «небе». В одном из четырех классических литературных произведений «Путешествие на запад» есть сюжет, где Будда помогает Небесному императору Юхуану (божеству религии даосизм) завоевывать Сунь У-кун (Волшебного царя обезьян). Такая культурная толерантность позволила, что марксизм не исключается из нее.

Во-вторых, материальность сакральных трансцендентных существ, в том числе и Бога. С точки зрения генезиса мира, в мифах и религии Бог не сотворил мир из ничего. До сотворения мира существует некая материя, как ци. Подчеркивается первичность материи, которая сходится с позицией марксизма.

В-третьих, подчиненность действий Творца законам вселенной. Все сакральные трансцендентные существа соблюдают определенные законы (в религии даосизма они называются небесные законы), никто не может их переступить. Эта особенность менталитета дисциплинированности китайской нации. Предпочтение объективных законов, следование определенным законам так-

¹ Китайский аналог Дня Святого Валентина

же свойственно и марксизму, и науке. В данном случае следует учитывать и влияние природно-климатического фактора на ведение поливного земледелия в субтропических районах Китая Великих равнин, что исторически способствовало выработке коллективизма, дисциплинированности и уважения к государственной власти, а также популярности марксистских идей.

Поэтому главным путем вытеснения божества в китайской культуре является внедрение марксизмом мировоззренческой идеи традиционной китайской культуры и усиление образования атеизма, что заключается в создании представления о Боге китайского марксизма, в том числе определение Бога и духов на основе описания классическими марксистскими представителями – как сверхъестественное, сверхпригодное, как все «жизненные образы», «духовные существа», которые не имеют материального носителя, а обладают волей и силой, и отнесении всех их к одному виду, с общим наименованием «шэнлин» (Бог и духи). Таким образом произошло разделение материи и ума. Шэнлин существуют только в сферах жизнедеятельности, в том числе это и свободное вероисповедание, и традиционные жертвоприношения и т.д. А области научной деятельности строго ограничены материальным миром, с отрицанием возможности существования Бога и смысла теологии. Кроме того, решение вышеописанной задачи заключается в организации уроков марксизма в государственных образовательных учреждениях, в проведении экзаменов на вступительных экзаменах в университет, магистратуру, докторантуру.

В отношении ТКМ низвержение божества осуществляется через разрыв связи между ТКМ и религией, магией, удалением мистических элементов из ее теорий и практики, сохранение теорий, основанных на базе материалистических идей, и нормализацией ТКМ. Что касается методологии, то исключены лечебные магические ритуалы, неапробированные медицинские рецепты, но сохранены рецепты траволечения, иглоукалывание и прижигание, а также другие методы, которые записаны в общепризнанной древней медицинской литературе, а их эффективность доказана в клинике. В аспекте медицинских теорий ТКМ сближается с наукой в том смысле, что с материалистической точки зрения объясняются понятия, связанные с духом. Дух не находится в сфере исследования, соответственно, подчеркиваются умственная и психическая деятельность. Если понятию нельзя дать материальное объяснение, то проводится описание его функционального типа. Например, понятие «юань шэнь» в мифах и религии понимается как существо, что может отдельно существовать вне тела, а в ТКМ описывается, что оно образуется посредством закалки и совершенствования себя отшельниками, может управлять духом. В нем заключается настоящий смысл и квинтэссенция жизни человека. Господин Пань И в своей книге «Найти потерянную юань шэнь» истол-

ковал понятие юань шэнь таким образом, чтобы оно стало приемлемым для современной науки. Пань И считает: «Юань шэнь является истоком существования человека. Она врожденная часть человека, господствующая над жизнедеятельностью человеческого тела, являющаяся внутренним механизмом и законом внутреннего самостоятельного существования жизненной деятельности... Если сравнивать духовную деятельность человека с островом, юань шэнь является морским руслом по глубокому морю...» [7].

Развитие марксизма в Китае стало причиной разделения категории реальности и Бога. Китайская традиционная медицина была полностью десакрализована и стала осуществлять поиск научной основы. Таким образом, в Китае традиция и современная наука сосуществуют, развиваются во взаимодействии.

Литература

1. Гао, Ин. Обзор системы идеологии Мао Цзэдуна и китайской теории социализма / Гао Ин. – Пекин: издательство высшего образования, 2014. – 304 с.
2. Гун, Сюэцэн. Что такое атеизм марксизма / Сюэцэн Гун // Наука и атеизм. – 2011. – № 1. – С. 9–10.
3. Кузьменко, Г.Н. Введение в историю философию (мировоззренческий аспект): учебное пособие / Г.Н. Кузьменко. – М.: Ардарики, 2005. – 141 с.
4. Ли, Шичжэнь. Свод лекарственных трав / Ли Шичжэнь. – Пекин: Хуася, 2011. – Т. 2. – 1301 с.
5. Марксизм, глубоко изменивший Китай / Дневная газета Китая (05.17.2018)
6. Нью, Юфэн. Об основных идеях Коммунистической партии Китая / Юфэн Нью // Исследование Ханчжоу. – 2011. – № 26 (3). – С. 6–10.
7. Пан, И. Поиск потерянного юань в китайской медицине / Гималайского радио [Электронный ресурс]. / И. Пан. – Режим доступа: <https://www.ximalaya.com/jiankang/16344797>.
8. Пан, Сяньчжи. Коммунистическая партия Китая – марксистская партия с уникальными преимуществами. – В честь 95-летия Коммунистической партии Китая / Сяньчжи Пан // Газета народа (Жэньминь жибао) 03.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0603/c1003-28408077.html>.
9. Трактат Желтого императора. Учение о перемещении цзин и изменении ци [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gushiwen.org/GuShiWen_5eb7ffec65.aspx.
10. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Полн. собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – М.: Гос. Изд-во пол. лит. лит., 1988. – Т. 20. – С. 5–338.

PROCESSES DESECRATION OF CHINESE TRADITIONAL MEDICINE

Haiyan Wang, Yirui He
Northwest Normal University, China

The article shows that Chinese traditional medicine as a philosophical trend is pantheistic in terms of worldview. Its mystical elements are not only determined by ideas about nature in Chinese culture, but also by religious cults widespread in China, in particular Taoism and Buddhism. With the development of science, its conceptual basis began to differ from the influence of religious and mystical ideas. After setting the goal of “search for truths” for modern science and the adoption of scientific paradigms as the only approach to the search for truth, this process finally took shape. At the same time, in modern conditions, there are no mystical elements left in Chinese traditional medicine (TCM), while there was a process of atheization and attempts to interpret their theories from the point of view of philosophy. This article is devoted to the analysis of the influence of the religious beliefs of Taoism and Buddhism on TCM and its desacralization in the era of Marxism. The purpose of the article is to investigate the prerequisites for the scientific analysis of TCM and consider the foundations of its integration with modern medicine.

Keywords: Taoism, Buddhism, departure from deification, Marxism, TCM.

References

1. Gao, Ying. Review of the system of ideology of Mao Zedong and the Chinese theory of socialism / Gao Ying. – Beijing: Higher Education Publishing House, 2014. – 304 p.
2. Gong, Shutsen. What is the atheism of Marxism / Shucen Gong // Science and Atheism. – 2011. – No. 1. – P. 9–10.
3. Kuzmenko, GN Introduction to the history of philosophy (worldview aspect): a tutorial / GN Kuzmenko. – M.: Ardariki, 2005. – 141 p.
4. Li, Shizhen. Collection of Medicinal Herbs / Li Shizhen. – Beijing: Huaxia, 2011. – Т. 2. – 1301 p.
5. Marxism That Deeply Changed China / China Daily (05.17.2018)
6. New, Yufeng. On the main ideas of the Chinese Communist Party / Yufeng New // Study of Hangzhou. – 2011. – No. 26 (3). – P. 6–10.
7. Pan, I. Search for the lost yuan in Chinese medicine / Himalayan radio [Electronic resource]. / I. Pan. – Access mode: <https://www.ximalaya.com/jiankang/16344797>.
8. Pan, Xianzhi. The Chinese Communist Party is a Marxist party with unique advantages. – In honor of the 95th anniversary of the Communist Party of China / Xianzhi Pan // Newspaper of the People (People's Daily) 06/03/2016 [Electronic resource]. – Access Mode: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0603/c1003-28408077.html>.
9. Treatise of the Yellow Emperor. Teaching about moving the jing and changing qi [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gushiwen.org/GuShiWen_5eb7ffec65.aspx.
10. Engels, F. Anti-Duhring / F. Engels // Complete. collection op.: in 50 volumes – 2nd ed. – M.: State. Publishing house polit. lit, 1988. – Т. 20. – S. 5–338.

Ягина Ольга Михайловна,

аспирант кафедры управления персоналом
Института государственной службы и управления,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»
E-mail: olgamihnsuzdal@gmail.com

Олейникова Елизавета Эдуардовна,

аспирант кафедры управления персоналом
Института государственной службы и управления,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Master of Science in Occupational and Business
Psychology
E-mail: liz.oleynikova@gmail.com

В статье рассматриваются особенности психического здоровья как объекта социального управления через призму социологии М. Вебера, Э. Дюркгейма и Т. Парсонса. Социальное управление проанализировано с точки зрения теории социального поля П. Бурдьё. Описано многомерное пространство, в котором осуществляется управление психическим здоровьем, на примере деятельности профессиональных некоммерческих организаций в сфере охраны психического здоровья.

На основе анализа специфики объекта социального управления профессиональные профильные общественные организации рассмотрены как пример жизнеспособных систем социального управления, осуществляющих медиацию акторов в политическом супер-поле и суб-полях здравоохранения, социальной защиты, образования и науки.

Статья носит постановочно-проблемный характер – результатом аналитической работы, представленной в статье, является манифестация проблематики: тематика социального управления в сфере психического здоровья в контексте событий 2021 г. является актуальной и нуждается в академических исследованиях.

Ключевые слова: социальное управление, психическое здоровье, охрана здоровья.

Введение

Пандемия COVID-19 стала веским поводом к переосмыслению роли социально ответственных некоммерческих организаций в жизни общества, а также еще одним толчком для развития эффективного диалога между НКО и государством по решению приоритетных вопросов в социальной сфере: здравоохранении, социальной защите, образовании и науке.

В данном контексте VUCA (volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность)¹ мира исследования, направленные на совершенствование процессов социального управления и развития социологии управления как науки, становятся особенно актуальными [5].

Современная академическая литература представляет несколько трактовок социального управления [6], которые определяют концептуальную основу исследования:

1. Микроуровень: социальное управление как менеджмент организации, направленный на работу с персоналом, социальная ответственность;
2. Мезо-уровень: социальное управление как управление социально ориентированными организациями (включая некоммерческие организации), где объектом управления является не персонал, а поведение индивидов в той сфере жизни, с которой работает предприятие;
3. Макроуровень: социальное управление как государственное и муниципальное управление;
4. Мета уровень: социальное управление как медиация различных структур (государственных, коммерческих и некоммерческих) с целью гармонизации определенной сферы жизни индивидов.

Объединяют данные трактовки социального управления объект и цель, в широком смысле слова.

Объектом управления, в конечном счете, является взаимодействие индивидов в определенной сфере жизнедеятельности; целью же является структуризация и гармонизация отношений в данной сфере функционирования общества. Однако в данной статье, анализируя специфику социального управления психическим здоровьем населения, мы предлагаем сфокусироваться на различиях и дифференциации представленных выше определений.

На примере деятельности профессиональных некоммерческих организаций в сфере охраны психического здоровья будет рассмотрен тип организации, выступающей в мета-позиции относительно

¹ “Who first originated the term VUCA (Volatility, Uncertainty, Complexity and Ambiguity)? – USAHEC Ask Us a Question”. usawc.libanswers.com. Retrieved 2021–07–29.

но системы управления психическим здоровьем населения как объекта социального управления.

Социальное пространство охраны психического здоровья. Цели и задачи управления психическим здоровьем

Социальное управление включает в себя два компонента [3]: управление персоналом организации, осуществляющей деятельность, и непосредственное управление поведением социальных групп населения. Здесь мы рассмотрим управленческие особенности охраны психического здоровья на мезо- и макроуровнях, не останавливаясь на микроуровне.

С точки зрения социологической теории, социальное управление на всех уровнях может быть описано инструментарием теории П. Бурдье [1], в частности, концепцией социального пространства, которая предполагает под собой гибкость в методике исследования и применима в описании социальных структур различных масштабов: начиная от организации, заканчивая государством и международными отношениями. Социальное управление происходит в рамках различных социальных полей.

Чем крупнее масштаб управления, тем больше полей и суб-полей задействованы в коммуникативной деятельности, являющейся объектом.

Современная система управления охраной психического здоровья населения страны предполагает взаимодействие агентов из разных социальных полей: в политическом супер-поле и суб-поле систем здравоохранения, труда и социальной защиты, в образовательном и научном суб-полях, а также правовом, культурном, деловом и других суб-полях.

В каждом вышеперечисленном суб-поле также расположены свои подсистемы (рис. 1): государственные и негосударственные организации, коммерческий и некоммерческий сектора, система информационного и идеологического обслуживания (СМИ).

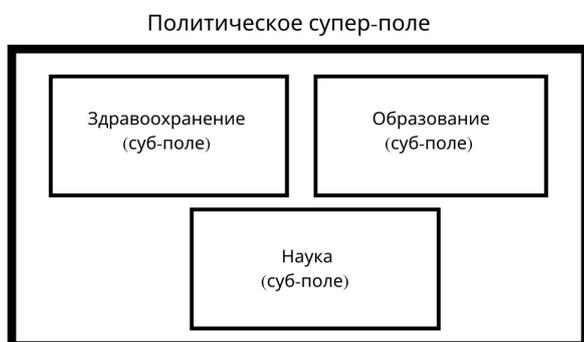


Рис. 1. Социальное пространство охраны здоровья населения

Управление охраной здоровья в масштабе страны является одной из ключевых частей социальной политики – следовательно, становится частью политического супер-поля, вне зависимости

от принадлежности организации или структуры к государственному или негосударственному сектору.

Профессиональные общественные организации и объединения, осуществляющие свою деятельность в сфере охраны психического здоровья (к примеру, Российское общество психиатров, Союз охраны психического здоровья и др.) по сути предстают в «мета позиции» социального управления психическим здоровьем: не находясь в прямой зависимости от государства, они играют одну из ключевых ролей в формировании инструментария для реализации целей социальной политики в области охраны психического здоровья, которая является также объектом деятельности государства.

Будучи своего рода «медиаторами», профессиональные НКО выступают в роли ресурсных площадок, координирующих взаимодействие организаций и людей из различных сфер, так или иначе связанных с вопросами охраны психического здоровья, активно участвуют в формировании социальной политики, которая может быть реализована исключительно в сотрудничестве с государством, обладающим исполнительной властью.

Объектом государственного управления являются общественные отношения. Профессиональные некоммерческие организации в сфере охраны психического здоровья координируют взаимодействие различных агентов социального пространства, но, в отличие от государственного управления, не обладают законодательными полномочиями, их деятельность не носит нормативно-распорядительный характер.

Таким образом, деятельность профессиональных организаций способствует достижению основной цели управления психическим здоровьем: формированию современной системы охраны психического здоровья населения, основанной на межсекторном и межведомственном взаимодействии всех ветвей власти и секторов экономики, государственно-частном партнерстве, сотрудничестве всех слоев и структур общества, включая некоммерческие организации, волонтерские объединения, религиозные конфессии и другие группы населения, а также на принципах непрерывности жизненного цикла человека и единства профилактики, лечебного и реабилитационного процессов¹.

Ключевые задачи управления психическим здоровьем включают в себя: совершенствование правового регулирования системы охраны психического здоровья; интегрирование профилактических мероприятий, касающихся психических расстройств и психического здоровья, в программы развития секторов экономики и социальной политики на федеральном, региональном, муниципальном уровнях; организованное, целенаправленное и системное сотрудничество со СМИ по широкому кругу вопросов, касающихся охраны психическо-

¹ Проект Стратегии развития системы охраны психического здоровья в Российской Федерации (2019–2025 гг.).

го здоровья, а также с целью изменения сознания общества в плане дестигматизации психических расстройств; обеспечение необходимых условий для профессиональной подготовки специалистов в сфере охраны психического здоровья.

Особенности психического здоровья как объекта социального управления

Психическое здоровье как объект социального управления представляет собой совокупность индивидов, обладающих здоровьем, как социально сконструированным понятием. Следовательно, управление предполагает воздействие на поведение индивидов, способствующее их психическому оздоровлению. Результатом управления охраной психического здоровья являются индивиды, способные эффективно функционировать в социуме.

В чем заключается особенность социального управления именно психическим здоровьем? Психическое здоровье как объект социального управления специфично тем, что включает в себя множество компонентов – политический, правовой, социальный, культурный, научный, медицинский. Вернемся к теории социального пространства П. Бурдье [1]. Устойчивость структуры пространства обуславливается социальными практиками, применяемыми социальными агентами, т.к. этот процесс обеспечивает воспроизводство той самой структуры. Психическое здоровье является объектом социальных практик, применяемых как на уровне индивидов, так и на уровне организаций.

В результате анализа определения психического здоровья, данного Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ), четко прослеживается социальный аспект: «...это состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество». Определение благополучия интерпретируется как способность эффективно функционировать в обществе и удовлетворять его потребности, а способности, которые нужно реализовывать, также относятся к успешной интеграции в социуме.

В «Комплексном плане действий ВОЗ в области психического здоровья на 2013–2030 гг.» именно психическому здоровью отводится важнейшая роль в обеспечении наилучшего общего здоровья для всех [13].

Так как исследовательская рамка данной работы задана социологией управления, стоит обратить внимание на то, что современная трактовка понятия «здоровье» в целом включает в себя не только биологическую, медицинскую составляющие, но и социальную, и ценностную.

Классики социологии сформулировали свои социально-детерминированные концепции данного понятия:

Э. Дюркгейм [4] сделал ядром своего концепта теорию морали, где роль морали – формирование здорового социального существа, которое

развивается в условиях социализации, приобретает необходимые установки, чтобы поддерживать свое здоровье. М. Вебер [2] подчеркивал, что поведенческие паттерны (т.е. социальные практики), способствующие сохранности той степени здоровья, необходимой для производства общественного блага, являются социальной ценностью, социальным действием. Т. Парсонс [7] позже развил концепцию социальной детерминации подобных паттернов поведения, определяя поведенческие установки как то, что формируется непосредственно во время социализации, и является ее необходимым условием.

Современные ученые говорят об особой роли психического здоровья как основе интеллектуальной и эмоциональной жизни индивида, обеспечивающей возможность реализации его социальной составляющей [8].

Сохранение и укрепление психического здоровья требует специфических социальных практик, включающих профилактические и оздоровительные мероприятия, образовательные, просветительские, исследовательские. Спецификой социальных практик, связанных с психическим здоровьем в РФ, на уровне поведения индивидов является стигматизация психических заболеваний, слабая социальная солидарность между различными группами населения. На уровне социальных структур это выражается в рассогласованности социальных агентов, задействованных в охране психического здоровья: органов государственной власти в социальных сферах, коммерческих и некоммерческих организаций, ВУЗов, СМИ и др. Эта специфика определяет особенности управления психическим здоровьем.

Именно поэтому деятельность профессиональных НКО направлена на поддержание психического здоровья россиян и улучшение качества жизни людей с психическими особенностями через координацию отношений между социальными агентами, задействованными в процессе управления психическим здоровьем, с мета-позиции, являясь связующим звеном, формирующим связи между государством, организациями и индивидами, таким образом формируя социальную систему.

Жизнеспособность данной системы обусловлена изменением государственного подхода к пониманию роли гражданского участия в социально-психиатрической работе [9], а также социальной солидарностью, которая стимулируется объединением различных социальных объединений индивидов, не ограничиваясь исключительно государственным законодательством, а включая в себя также механизмы вовлечения негосударственных, некоммерческих организаций, добровольных объединений граждан, бизнеса и волонтерства к решению проблем в области охраны психического здоровья.

Заключение

Изучение и моделирование жизнеспособных систем социального управления в исследовательской оп-

тике является бесспорно актуальным, и на данный момент в академической литературе практически отсутствуют работы, посвященные психическому здоровью в контексте социального управления.

Современные и системные научные исследования социальных аспектов психического здоровья представлены только в работах социолога С.А. Судьина. Фундаментальные труды ученого посвящены анализу социологических концепций феномена психической болезни и их сопоставлению с обыденными представлениями [10], а также изучению специфики становления и развития гражданско-общественных объединений социально-психиатрического профиля [11].

Социальное управление охраной психического здоровья населения в контексте пандемии коронавируса COVID-19 становится предметом особого интереса для академических теоретических (моделинг) и эмпирических работ. Таким образом, данная область знания имеет значительный потенциал для дальнейших научных исследований.

Литература

1. Бурдые П., Социология социального пространства: пер. с фр. / ответ. ред. перевода Н.А. Шматко – СПб.: Алетейя, 2017–288 с.
2. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. – М.: ИНИОН, 1991.
3. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Основы социального управления / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др. М.: Высшая школа, 2001.– 59 с.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995
5. Калашникова И.В., Филиппова К.В., Социальное управление, социальный менеджмент: понятия и трактовки // Вестник ТОГУ 2020. – № 1(56). – с. 65–70
6. Николаев А.А., Разов П.В., Социальное управление – учебник для ВУЗов / А.А. Николаев, П.В. Разов – М.: Прометей, 2019–21 с.
7. Социологический синтез Т. Парсонса. URL: <https://bookonlime.ru/lecture/1-8-sociologicheskij-sintez-t-parsonsa> (дата обращения: 15.01.2020).
8. Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 1. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. – 644 с.
9. Саралиева, З. Х.М. Взаимодействие государства и НКО, действующих в сфере социально-психиатрической работы / З. Х.М. Саралиева, С.А. Судьин // Отечественный журнал социальной работы. – 2017. – № 1(68). – С. 69–77.
10. Судьин, С.А. Соотношение обыденных и научных представлений о психических болезнях: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: дис-

сертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Судьин Сергей Александрович. – Нижний Новгород, 2005. – 143 с.

11. Судьин, С.А. Социологический анализ роли институтов гражданского общества в работе с психически больными и их семьями: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Судьин Сергей Александрович. – Нижний Новгород, 2017. – 22 с.
12. Официальный сайт Союза охраны психического здоровья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mental-health-russia.ru/>
13. Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/initiatives/mental-health-action-plan-2013-2030>

MENTAL HEALTH AS AN OBJECT OF SOCIAL MANAGEMENT

Yagina O.M., Oleinikova E.E.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Features of mental health as an object of social management are considered from the point of view of sociology of M. Weber, E. Durkheim and T. Parsons. Social management is analyzed within the framework of P. Bourdieu's theory of the social field. The multidimensional space in which mental health management is carried out is described on the example of the activities of professional non-profit organizations (specialized on mental health protection). Based on the analysis of the specifics of the object of social management, professional public organizations (specialized on health protection) are considered as an example of viable systems of social management that mediate actors in the political super-field and sub-fields of health care, social welfare, education and science. The result of the analytical work presented in the article is the manifestation of the problem: the topic of social management in the field of mental health in the context of the events of 2021 is relevant and needs academic research.

Keywords: social management, mental health, health protection.

References

1. Bourdieu P., Sociology of social space: trans. with fr. / answer. ed. translation by N.A. Shmatko – SPb.: Aleteya, 2017–288 p.
2. Weber M. Works of M. Weber on sociology, religion and culture / Academy of Sciences of the USSR, INION, All-Union. mezhdved. Center for Human Sciences under the Presidium. Issue 2. – M.: INION, 1991.
3. Gladyshev A.G., Ivanov V.N., Fundamentals of social management / A.G. Gladyshev, V.N. Ivanov and V.I. Patrushev et al. M.: Higher school, 2001–59 p.
4. Durkheim E. Method of sociology // Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. M., 1995
5. Kalashnikova IV, Filippova KV, Social management, social management: concepts and interpretations // Bulletin of PNU2020. – № 1 (56). – with. 65–70
6. Nikolaev A.A., Razov P.V., Social management – a textbook for universities / A.A. Nikolaev, P.V. Razov – M.: Prometheus, 2019–21 p.
7. Sociological synthesis by T. Parsons. URL: <https://bookonlime.ru/lecture/1-8-sociologicheskij-sintez-t-parsonsa> (date accessed: 15.01).
8. Transformation of human potential in the context of the century / Edited by prof. Z. Kh. Saraliev: In 2 volumes. Vol. 1. – N. Novgorod: Publishing house of NISOTs, 2017. – 644 p.

9. Saralievа, Z. Kh.M. Interaction between the state and NGOs operating in the field of social and psychiatric work / Z. Kh.M. Saralievа, S.A. Sud'in // Domestic journal of social work. – 2017. – No. 1 (68). – S. 69–77.
10. Sudin, SA Correlation of everyday and scientific ideas about mental illnesses: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Sudin Sergey Alexandrovich. – Nizhny Novgorod, 2005. – 143 p.
11. Sudin, SA Sociological analysis of the role of civil society institutions in work with mentally ill and their families: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": dissertation author's abstract for the degree of Doctor of Sociological Sciences / Sudin Sergey Aleksandrovich ... – Nizhny Novgorod, 2017. – 22 p.
12. Official site of the Union of Mental Health Protection [Electronic resource]. – Access mode: <https://mental-health-russia.ru/>
13. A comprehensive plan of action in the field of mental health for 2013–2030 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.who.int/initiatives/mental-health-action-plan-2013–2030>

Долгосрочные эффекты программы медико-психологической коррекции факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний с применением дистанционных технологий

Копылова Оксана Викторовна,

научный сотрудник ФГБУ «НМИЦ терапии и профилактической медицины» Минздрава России
E-mail: sivoksana@yandex.ru

Сирота Наталья Александровна,

доктор медицинских наук, декан факультета клинической психологии ФГБОУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова

Ялтонский Владимир Михайлович,

доктор медицинских наук, профессор кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО МГМСУ им. А.И. Евдокимова

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) являются ведущей причиной смертности на планете. Вместе с тем в настоящее время разработаны эффективные методы предотвращения таких жизнеугрожающих состояний, как инфаркт миокарда и инсульт, прежде всего путем контроля факторов риска (ФР) ССЗ. Однако достижение целевых показателей по основным ФР ССЗ, к сожалению, наблюдается далеко не всегда. Наиболее частыми причинами такой ситуации являются организационные трудности, поскольку консультирование относительно ФР ССЗ требует длительного наблюдения с регулярным взаимодействием медицинского сотрудника и пациента; а также психологические моменты, связанные с неправильными установками пациента, искаженной внутренней картиной здоровья, болезни и лечения, отсутствием навыков коррекции нездоровых привычек, сформировавшихся в детстве и молодости. Нами была разработана комплексная программа медико-психологической коррекции ФР ССЗ с применением дистанционных технологий, которая направлена на комбинацию применения передовых медицинских, психологических и цифровых технологий. Согласно проведенным ранее исследованиям данная программа показал эффективность при анализе выраженности ФР ССЗ сразу после ее проведения. В данной статье приведены результаты исследования долгосрочной эффективности данной программы, через четыре года после ее окончания.

Ключевые слова: медико-психологическая коррекция, факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний, дистанционные технологии, долгосрочная динамика.

Введение

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) остаются чрезвычайно актуальной проблемой, унося больше всего жизней на планете [1]. В Российской Федерации около половины всех смертей происходят по вине ССЗ [2]. В тоже время крупнейшие международные исследования четко показывают, что подавляющее большинство инфарктов миокарда и инсультов возможно предотвратить [3,4]. Однако достижение целевых показателей по основным ФР ССЗ, к сожалению, наблюдается далеко не всегда. Наиболее частыми причинами такой ситуации являются организационные трудности, поскольку консультирование относительно ФР ССЗ требует изменения привычек пациента, а следовательно длительного наблюдения с регулярным взаимодействием медицинского сотрудника и пациента; а также психологические моменты, связанные с неправильными установками пациента, искаженной внутренней картиной здоровья, болезни и лечения, отсутствием навыков коррекции нездоровых привычек, сформировавшихся в детстве и молодости. При этом в указанных и во многих других исследованиях выявлено, что меры, которые необходимо предпринять для предотвращения неблагоприятных сердечно-сосудистых событий, в значительной степени зависят от образа жизни и поведения конкретного человека [5].

Стоит отметить, что современная медицина уделяет недостаточно внимания работе с поведением и привычками человека, концентрируясь преимущественно на методах лечения уже развившихся заболеваний. В то же время достижения психологической науки позволяют решить многие релевантные проблемы, связанные с формированием привычек здорового образа жизни и коррекцией уже имеющихся приобретенных нездоровых паттернов поведения, что, безусловно, является принципиально важным при коррекции факторов риска (ФР) ССЗ.

Активное развитие информационных дистанционных технологий также открывает новые перспективы для долгосрочного регулярного наблюдения и консультирования пациентов по вопросам профилактики, раннего выявления и своевременной коррекции ФР ССЗ.

В связи с этим нами была создана комплексная программа медико-психологической коррекции ФР ССЗ с применением дистанционных технологий. Было проведено сравнительное исследование эффективности данной программы, осуществ-

влявшейся на протяжении 12 месяцев, результаты которого опубликованы ранее [6].

Целью данной работы явился анализ долгосрочных эффектов комплексной программы медико-психологической коррекции ФР ССЗ с применением дистанционных технологий.

Материалы и методы

Исходно исследование включило 140 пациентов в возрасте от 18 лет и старше, которые составили две группы пациентов экспериментальную (группа 1, $n = 70$) и группу сравнения (группа 2, $n = 70$). Критериями включения являлись: наличие одного и более ФР ССЗ, возможность использовать дистанционные технологии. Критериями исключения служили наличие тяжелой сопутствующей психической или соматической патологии. Группы были сравнимы между собой по полу, возрасту, отягощенности ССЗ, процентной доле пациентов, проживающих в сельской местности (таблица 1).

Таблица 1. Характеристики пациентов, включенных в исследование.

Характеристика	Обе группы	Группа 1	Группа 2	Статистическая значимость различий между группами
Возраст	53,21±17,11	53,14±17,12	53,27±17,22	$p = 0,96$
Процентная доля мужчин, %	54,29	54,29	54,29	$p = 1,0$
Процентная доля пациентов с ССЗ	28,57	28,57	28,57	$p = 1,0$
Процентная доля пациентов с ИБС	15,0	15,71	14,29	$p = 0,81$
Процентная доля пациентов с НРС	16,43	17,14	15,71	$p = 0,82$
Процентная доля пациентов с ХСН	7,14	7,14	7,14	$p = 1,0$
Процентная доля пациентов, проживающих в городской местности	87,86	88,57	87,14	$p = 0,80$

Средний возраст пациентов составил 53+/-17 лет, средний возраст в экспериментальной группе 53,14±17,12, в группе сравнения 53,27±17,22

($p = 0,96$). Процентная доля мужчин в обеих группах составила 54,29% ($p = 1,0$). Группы были сравнимы между собой по процентной доле пациентов с ССЗ (ИБС, НРС, ХСН), процентной доле пациентов, проживающих в сельской местности. Группы были сформированы методом подобранных пар.

Работа представляла собой экспериментальное клинико-психологическое проспективное сравнительное лонгитудинальное исследование. Исходно все пациенты проходили первичную очную консультацию, на которой проводилась процедура информирования пациента и подписания информированного согласия, фиксировалась степень выраженности ФР ССЗ, а также заполнялись специально разработанные опросники, включавшие социо-демографические, клинические и психодиагностические данные (в том числе с помощью «Восприятие социальной поддержки», «Локус контроля и самоэффективность в отношении болезни и лечения», «Когнитивные представления о болезни», «Госпитальная шкала тревоги и депрессии», «Методика оценки уровня тревоги о здоровье», «Шкала комплаентности Мориски – Грин», «Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями»).

Пациентам экспериментальной группы проводилось углубленное профилактическое консультирование с постановкой индивидуальных целей относительно каждого из имеющихся у пациента ФР ССЗ. Далее в экспериментальной группе было осуществлено регулярное (не реже одного раза в месяц) медико-психологическое консультирование с применением таких современных дистанционных технологий, как телефонная и мобильная связь, пересылка информационных и мотивирующих материалов с помощью смс-сообщений, интернет-мессенджеров, электронной почты. При консультировании пациентов использовались современные психологические технологии, такие как мотивационное интервьюирование, копинг-профилактика, учет внутренней картины здоровья, болезни и лечения, повышение осознанности пациентов, целенаправленное использование технологий повышения приверженности профилактическому лечению. Пациенты также имели возможность активного обращения при возникновении у них вопросов относительно коррекции ФР ССЗ. В группе сравнения на первой очной консультации производились оценка ФР ССЗ, заполнение пациентами опросников; далее в течение 12 месяцев их наблюдение осуществлялось стандартным образом по месту жительства в общемедицинской сети. Через 12 месяцев на повторном очном приеме в обеих группах произведена оценка выраженности ФР ССЗ, выполнено повторное заполнение психодиагностических опросников. Анализ результатов через 12 месяцев показал эффективность программы медико-психологической коррекции в отношении улучшения как профиля ФР ССЗ, так и показателей психодиагностических методик, а также повышение приверженности профилактическому лечению, что отражено в предыдущих публикациях [6,7].

Целью данного исследования являлась оценка долгосрочных эффектов проведенной программы медико-психологической коррекции ФР ССЗ с применением дистанционных технологий через четыре года после ее окончания на выраженность основных ФР ССЗ. Изучение долгосрочного влияния проведенной программы осуществлено с помощью методов анализа медицинской документации, а также путем телефонной связи с пациентами. В случае необходимости пациентами самостоятельно был проведен ряд измерений (таких как окружность талии, масса тела и т.п.).

Результаты и их обсуждение

Информация о достижении целевого уровня артериального давления (АД), уровне ФА, количестве употребляемых овощей и фруктов, статусе курения и употребления алкоголя получена у 45 из 70 пациентов экспериментальной группы (64,35%), и 41 из 70 пациентов группы сравнения (58,5%). Актуальные данные об уровне глюкозы крови имелись у 38 пациентов экспериментальной группы (54,3%) и 25 пациентов группы сравнения (35,7%); об уровне общего холестерина – у 37 пациентов экспериментальной группы (53,9%) и 22 пациентов группы сравнения (31,4%). Данные об индексе массы тела были получены у 44 пациентов экспериментальной группы (62,9%) и 37 пациентов группы сравнения (52,9%), об окружности талии – у 43 пациентов экспериментальной группы (61,4%) и 37 пациентов из группы сравнения (52,9%).

Результаты проведенного анализа приведены на рисунках 1 и 2. Достижение целевых цифр АД (менее 140/90 мм.рт.ст.) выявлено у 68,9% пациентов экспериментальной и 39% пациентов контрольной группы, различия оказались статистически значимыми ($p < 0,05$). Что касается достижения рекомендованного уровня ФА 150 минут в неделю и более, то оно отмечалось статистически значимо чаще у пациентов группы 1 (64,4%) по сравнению с группой 2 (26,9% пациентов), $p < 0,01$ (рисунок 1).

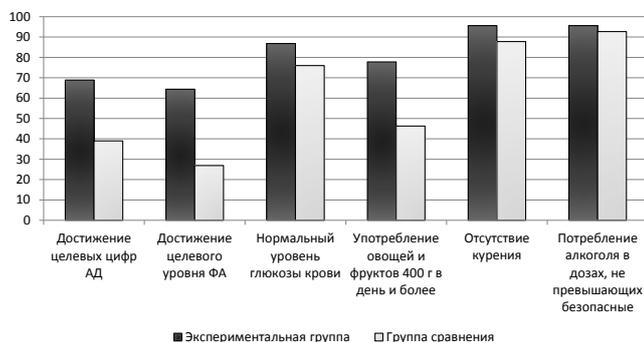


Рис. 1. Достижение целевых показателей (в процентах от общего числа пациентов, по которым получена информация) по уровню артериального давления (АД), физической активности (ФА), глюкозы крови, употреблению овощей и фруктов, отсутствию курения и потреблению алкоголя в дозах, не превышающих безопасные, через 4 года после окончания исследования

Также через четыре года после окончания программы медико-психологического консультирования с применением дистанционных технологий было выявлено статистически значимо более частое достижение целевого уровня употребления овощей и фруктов (400 г. в день и более) в экспериментальной группе (77,8% пациентов) по отношению к группе сравнения (46,3% пациентов), $p < 0,01$.

Что касается таких целевых показателей ФР ССЗ, как нормальный уровень глюкозы крови, отсутствие курения и потребление алкоголя в дозах, не превышающих безопасные, то наблюдалась некоторая тенденция к более низким их значениям в экспериментальной группе, однако статистически значимых различий выявлено не было ($p > 0,05$). При этом среднее количество выкуриваемых в день сигарет (у курящих пациентов) статистически значимо было ниже в экспериментальной группе ($p < 0,05$) (рисунок 2).



Рис. 2. Среднее количество выкуриваемых сигарет (у курящих пациентов) и средний уровень общего холестерина через 4 года после окончания исследования

Что касается среднего уровня общего холестерина, то в экспериментальной группе он оказался ниже и составил $4,77 \pm 0,42$ ммоль/л, а в группе сравнения $5,17 \pm 0,52$ ммоль/л, были обнаружены статистически значимые различия между группами ($p < 0,01$) (рисунок 2).

Также статистически значимые различия выявлены при сравнении индекса массы тела (ИМТ) в экспериментальной и группе сравнения (рисунок 3). В частности, ИМТ в экспериментальной группе составил $26,4 \pm 3,84$ кг/м², а в группе сравнения – $29,4 \pm 3,89$ кг/м² ($p < 0,05$).

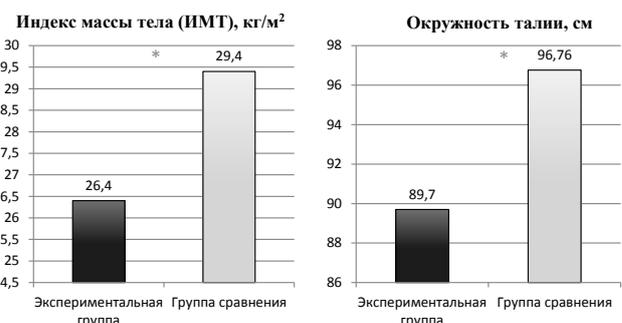


Рис. 3. Средние значения индекса массы тела (ИМТ) и окружности талии (ОТ) в двух группах через 4 года после окончания исследования

Среднее значение окружности талии также оказалось статистически значимо ниже в экспериментальной группе, составив $89,7 \pm 11,3$ см, чем в группе сравнения, где среднее значение равнялось $96,76 \pm 12,1$ см ($p < 0,05$).

Полученные данные согласуются с результатами основного исследования и свидетельствуют не только о краткосрочной эффективности комплексной программы медико-психологической коррекции ФР ССЗ, но также позволяют говорить о долгосрочном сохранении эффекта в отношении таких значимых ФР, как уровень АД и общего холестерина, употребление овощей и фруктов более 400 г в день и более, уровень ФА более 150 минут в неделю, индекс массы тела и окружность талии, а также количество выкуриваемых в день сигарет среди курящих пациентов.

Заключение

Комплексная программа медико-психологической коррекции с применением дистанционных технологий показала свою эффективность в отношении профиля основных ФР ССЗ как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Учитывая доступность используемых в данной программе психологический и цифровых технологий, их низкую стоимость, удобство применения, а также нарастающую потребность как в связи с ростом распространенности ряда ФР, так и в связи с новыми вызовами, такими как, например, пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, данная программа может оказать значимый вклад в сохранение здоровья пациентов с ФР ССЗ и профилактику таких жизнеугрожающих состояний, как инфаркт миокарда, инсульт. Уникальность программы состоит в объединении современных медицинских, психологических и информационных технологий, а также в возможности эффективного экстенсивного длительного взаимодействия с пациентами, что, по-видимому, явилось основой успеха по достижению целевых уровней значительного количества ФР ССЗ.

Литература

1. Cardiovascular Diseases. Key facts. [https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds)).
2. Демографический Ежегодник России. 2019. Москва: Федеральная служба государственной статистики; 2019.
3. Yusuf P.S., Hawken S., Ôunpuu S., et al. Effect of potentially modifiable risk factors associated with myocardial infarction in 52 countries (the INTERHEART study): Case-control study. *Lancet*. 2004;364(9438):937–952. doi:10.1016/S0140-6736(04)17018-9
4. O'Donnell M.J., Chin S.L., Rangarajan S., et al. Global and regional effects of potentially modifiable risk factors associated with acute stroke in 32 countries (INTERSTROKE): a case-control study.

Lancet. 2016;388(10046):761–775. doi:10.1016/S0140-6736(16)30506-2

5. Кардиоваскулярная профилактика 2017. Российские национальные рекомендации. // Российский кардиологический журнал. 2018;(6):7–122. doi:10.15829/1560-4071-2018-6-7-122
6. Сивакова О.В., Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Влияние медико-психологического консультирования с применением дистанционных технологий на профиль основных факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний *Уральский медицинский журнал*. *Уральский медицинский журнал*. 2018;167(12):107–112.
7. Сирота Н.А., Сивакова О.В., Ялтонский В.М. Динамика факторов риска заболеваний сердца под влиянием дистанционного медико-психологического консультирования. *Консультативная психология и психотерапия*. 2019;27(3 (105)):175–196.

LONG-TERM EFFECTS OF THE PROGRAM OF MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF RISK FACTORS FOR CARDIOVASCULAR DISEASES USING REMOTE SENSING TECHNOLOGIES

Kopylova O.V., Sirota N.A., Yaltonsky V.M.

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov

Cardiovascular disease (CVD) is the leading cause of death on the planet. At the same time, effective methods have now been developed to prevent such life-threatening conditions as myocardial infarction and stroke, primarily by controlling risk factors (RF) of CVD. However, the achievement of target indicators for the main RF CVD, unfortunately, is not always observed. The most common reasons for this are organizational difficulties, since counseling about CVD RF requires long-term follow-up with regular interaction between the healthcare professional and the patient; as well as psychological moments associated with the patient's incorrect attitudes, lack of skills to correct unhealthy habits that were formed in childhood and youth. We have developed a comprehensive program of medical and psychological correction of CVD RF using remote technologies, which is aimed at combining the use of advanced medical, psychological and digital technologies. According to previous studies, this program has shown effectiveness for CVD RF control immediately after its implementation. This article presents the results of a study of the long-term effectiveness of this program, four years after its completion.

Keywords: medical and psychological counseling, risk factors for cardiovascular diseases, remote technologies, long-term dynamics.

References

1. Cardiovascular Diseases. Key facts. [https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds)).
2. Demographic Yearbook of Russia. 2019. Moscow: Federal State Statistics Service; 2019.
3. Yusuf P.S., Hawken S., Ôunpuu S., et al. Effect of potentially modifiable risk factors associated with myocardial infarction in 52 countries (the INTERHEART study): Case-control study. *Lancet*. 2004;364(9438):937–952. doi:10.1016/S0140-6736(04)17018-9
4. O'Donnell M.J., Chin S.L., Rangarajan S., et al. Global and regional effects of potentially modifiable risk factors associated with acute stroke in 32 countries (INTERSTROKE): a case-control study. *Lancet*. 2016; 388 (10046): 761–775. doi: 10.1016/S0140-6736 (16) 30506-2
5. Cardiovascular prevention 2017. Russian national recommendations. // *Russian Journal of Cardiology*. 2018; (6): 7–122. doi: 10.15829/1560-4071-2018-6-7-122

6. Sivakova O.V., Yaltonsky V.M., Sirota N.A. The influence of medical and psychological counseling using remote sensing technologies on the profile of the main risk factors for cardiovascular diseases Ural Medical Journal. Ural Medical Journal. 2018; 167 (12): 107–112.
7. Sirota N.A., Sivakova O.V., Yaltonsky V.M. Dynamics of risk factors for heart disease under the influence of remote medical and psychological counseling. Counseling psychology and psychotherapy. 2019; 27 (3 (105)): 175–196.

Феноменология описания города: город видимый и невидимый

Ковалевский Андрей Владимирович,

аспирант кафедры «Социология, политология и регионоведение», Тихоокеанский государственный университет
e-mail: fakzy79@gmail.com

В данной работе автором исследуются «невидимые пространства» российских городов на примере города Хабаровска. «Невидимые пространства», при этом являются не столько частями пространства физического, сколько пространства социального. Кроме этого, в статье определяются условия и причины «невидимости» этих пространств. Также, автор описывает связи, возникающие в городском пространстве между видимыми и невидимыми городскими пространствами. Показано, что невидимые пространства в рамках «властного» дискурса рассматриваются исключительно в качестве «пустых», подлежащих освоению и постепенному превращению в город «видимый» (город – «нормальный»). В работе сделан вывод о том, что такое освоение на практике приводит куда к большим последствиям, чем реосвоение «маргинальных районов». Трансформация физического пространства уничтожает и городское сообщество, обитающее в его границах, превращая его в иную форму – совместность, несоорганизованное бытие людей на одной территории.

Ключевые слова: городское пространства, пустое пространство, невидимые группы, пограничные пространства, сообщество, совместность.

История формирования и развития Хабаровска отличается от других городов. Хотя именно в советский период он развивался особенно активно. Тем не менее, Хабаровск – обрастая с каждой пятилеткой все новыми районами не стал промышленной агломерацией и не стал военным городком – в наши дни город стал выполнять функцию мегаполиса, при этом не являясь им по параметрам.

Пребывая большую часть своего периода существования в качестве столицы, город формировался не только под влиянием естественного агломерационного эффекта – стягивания промышленных предприятий (накопления и распределения всех ресурсов), но и посредством своего институционального статуса. Столичность вела к размещению основных управленческих органов на центральных улицах, привлечению больших бюджетов и к существованию большей притягательности для миграции.

После 2000-х этот эффект лишь усиливается – Хабаровск сегодня имеет большие преимущества в распределении «выравнивающих мер поддержки», чем любой другой город края (тем самым напоминая Владивосток и Приморский край или Благовещенск и Амурскую область). В рамках такой государственной политики Хабаровск остаётся «центром притяжения» местной молодёжи, трудовых мигрантов и остальных мобильных групп населения. Таким образом естественным способом формируется высокий уровень притока/оттока жителей (столица региона и столица страны – куда так же выбывают наиболее мобильные группы), вследствие чего городская ткань постоянно трансформируется – новые жители заново учатся жить в новом для себя пространстве меняя его и приспособлявая. Выявить условия и направление трансформации этой ткани мы и попытаемся в настоящей статье.

Эмпирическим основанием для наших построений выступает корпус неформализованных интервью (12 интервью) с жителями города, собранные автором в 2019–2021 годах. Отбор информантов проводился, исходя из места проживания и типа жилья с тем, чтобы охватить все значимые варианты городского пространства.

Городское пространство меняется, но не монотонно и не равномерно, а эклектично. Если мы принимаем это замечание, перед нами встаёт очевидный вопрос – чем являются эти разнородные элементы в пространстве города и из чего они состоят? Чтобы ответить на него нам нужно понять с помощью чего мы можем разделить городское пространство на некоторые подмножества и тут мы подразумеваем два варианта действий. С од-

ной стороны мы можем разделить физическое пространство некоторыми границами, с другой мы можем определить структуру пространства социального, тем самым разделить городскую популяцию на большие группы и определить границы между ними.

В первом случае, речь идёт о границах реальных, которые могут носить либо административный характер и отражаться в официальных документах или о границах вернакулярных. Первый из вариантов не подходит для цели нашего исследования в виду своей искусственности по определению. Со вторым дела обстоят несколько сложнее. Проблема границ вернакулярных районов в Хабаровске посвящены ряд исследований [4; 5]. Однако с нашей точки зрения данный подход применим достаточно ограниченно – только для пространства физического и не находит своего отражения внутри пространства социального.

Рассматривая опыт зарубежных коллег, где социальные параметры отражаются в пространственных границах зарубежных поселений мы замечаем ряд существенных для нашей социальной реальности факторов, ограничивающих применение подобных моделей. EGP [1] применима для поселений Великобритании – где достаточно давно существует классовая стратификационная система, а например Янки-сити [2] отражает классовую дифференциацию североамериканского города с его капиталистическими ценностями, существующими столетия.

Но опыт образования поселений на Дальнем Востоке России иной. Как мы показали ранее, на примере Хабаровска, у нас есть опыт пространственного разделения на «город видимый» – районы капитальной застройки с асфальтированными дорогами и оборудованными рекреационными пространствами, где решаются актуальные проблемы комфортности и современности; и «город невидимый» – районы, существующие «на будущее», где проблемы, решённые в «видимом городе» десятилетия назад, до сих пор находятся на стадии осознания. В дополнении к этому в прослойке существует «серая зона» – приграничная территория, где в пространство «невидимого города» вторгается «город видимый» и образуется особый тип сообщества «негородских горожан».

Так как же соотносится наша классификация с результатами предыдущих исследований? С нашей точки зрения вернакулярные районы в Хабаровске отражают границы народной топонимики, сформированные вокруг промышленных слободок, военных территорий и спальных районов советского этапа. С этой точки зрения коллеги правы лишь отчасти – вернакулярные районы действительно отражают пространственные границы, которые чаще всего содержат реальные социальные различия и имеют признаки сообществ. В советское время рынок жилья отсутствовал как таковой – а жилье жители получали от государства неподалёку от места работы. В Хабаровске, помимо этого особо актуальной формой были неорга-

низованные слободки – деревянные усадьбы с земельным участком.

В таком случае сообщества – имели все черты трудового коллектива, идеологически гомогенизированного множества людей; или черты аграрного выселка, живущего по модели небольшого пригородного села; или наконец военного поста, если речь шла о территории военных частей. Социальные различия проявлялись в этнической однородности слободок, в трудовой функции предприятия или роде войск. Центральная же часть была гетерогенной на протяжении всей истории поселения – тут жили административная элита города, военное командование, интеллигенция, студенты, криминальные элементы, жители усадеб – которые ещё не успели урбанизировать и т.д.

Проблема современных вернакулярных районов заключается в том, что они перестают содержать в себе городские сообщества. После «длинных 90-ых» они становятся лишь реликтом и примером народной топонимики, в свою очередь меняющейся из года в год, однако безупречно сохраняющей очертания советских районов. В ряде интервью, в зависимости от возраста респондента один и тот же вернакулярный район мог иметь до 7 различных названий, при этом ограничивался он все теми же улицами и оврагом.

«Да на Пионерской раньше мало что было, молодёжь хулиганила, да бабки какие-то с огородами жили» (мужчина, 47 лет, охранник на автомобильной стоянке);

«Хорошие районы... Ну наверное, возле «Броско» (построенный недавно, крупный торговый центр – авт.) вроде все почистили, построили ...» (девушка, 21 год, студентка университета);

«Артзатон – это один из интереснейших районов вообще, там много чего было с самого образования поста в 19 веке ...» (женщина, 68 лет, местный житель);

«Мне бабушка моя говорила, что они это слободкой какой-то называли, а только родители, когда переехали в центр уже говорили про Запарина между питомниками или Затон иногда, тут жили толи украинцы, толи белорусы до этого, не помню уже...» (парень, 28 лет, местный житель).

Однако в этой ситуации довольно остро возникает другой вопрос, если границы в пространстве физическом устанавливаются народной топонимией, то каким образом устроено пространство социальное – как оно систематизируется, чем разграничивается и т.д.? Дело в том, что помимо той части городской популяции, которая проживает в «невидимом городе» и «приграничной территории» и содержит в себе явные признаки сообществ – там складывается солидарность и между ними возникает социальный конфликт, остальная часть – «видимый город» сообществ не образует, а выглядит как достаточно аморфное множество жителей.

Типичный капиталистический европейский город распределяет людей в своих районах относительно их дохода – центральная часть содержит

достаточно дорогие квартиры в старинных домах и элитные комплексы нового жилья, а пригороды образуют районы с доступным жильём для менее обеспеченных групп людей. Даже опуская множество дополнительных факторов, мы можем проследить механизмы формирования сообщества – общая улица, районная частная школа, общие рекреационные зоны и все это существует не одну сотню лет. Есть и другие примеры – где в центральной части сосуществуют бедные и богатые группы, но и в этом случае зарубежный город разделяет сообщества границами (один из ярких примеров район Гарлем на Манхэттене).

Что же касается нас, то искусственная административная модель социальной стратификации в России [6], образующая в нашем понимании структуру макроуровня имеет в городе лишь отношение к социально-профессиональному разделению – тем самым образуя большие группы в которых нет ни конфликта, ни солидарности, более того они не разделяются в пространстве. Механизм такого разделения должен был зародиться после «нулевых» – когда признаком расселения окончательно перестали быть трудовые коллективы и в город пришла рыночная экономика – городская земля начала стоить денег, а на рынок недвижимости начала приходиться конкуренция.

Однако правила рыночной экономики сыграли в Хабаровске лишь от части. Высокая стоимость строительства в городе и желание увеличить маржу от реализации жилья привели к достаточно высокой стоимости квадратного метра. Вторичное жилье, доставшееся «старожилам» от советских времён, поднялось до стоимости квартиры в Санкт-Петербурге, а новостройки с каждым годом обновляли рекорды цен. Большинство новых жителей не смогли позволить себе покупку квартиры и начинают жить в «серой арендной зоне» хаотично распределяясь по городу.

«Я с подругой квартиру снимаю, недалеко от площади (площадь Ленина – центральная площадь города – авт.) за двадцатку с коммуналкой. Раньше снимали в Северном, когда работали там в «Мегафоне», а теперь тут... Ближе все и хозяин нормальный...» (девушка, 21 год, студентка университета).

В сложной ситуации на рынке нового жилья в первое десятилетие двухтысячных (долгострой, некачественное строительство, невыгодные ипотечные условия) жители города с достатком (бизнесмены, новая интеллигенция, бюджетники с высокими должностями) выбирают квартиры на вторичном рынке – распределяясь по бывшим советским «промышленным слободкам» и «спальникам». Комфортным этот переход становится по нескольким причинам: во-первых, развитие дорожной сети и общественного транспорта при небольших размерах самого Хабаровска позволяет жителям быстро добираться до разных районов города – а значит фактор расстояния и скорости не играет большой роли; во-вторых, центр города не перестаёт выполнять функцию притяжения жи-

телей – здесь продолжают проводиться все праздники и события, а на главных улицах располагаются все основные заведения Хабаровска – следовательно все жители так или иначе пересекаются в одних и тех же местах, вне зависимости от места жительства.

«Мы с мужем сами с Полярной (улица с частным сектором в Северном районе города – авт.), сюда не очень часто приезжаем, в основном если в театр выбираемся или праздник какой... В прошлый раз уха была губернаторская, сейчас вон парад. Все же в центре проводят, как и всегда было – мы привыкшие к этому делу» (женщина, 65 лет, пенсионерка).

Это подтверждается и в серии собранных интервью. В большинстве из них мы улавливаем рифмующиеся сюжеты: и в городском центре, и в отдалённом от него Северном микрорайоне, и в бывшем закрытом военном районе – в одном и том же доме могут проживать крупный городской чиновник, компания студентов, местный художник, люмпен-дебошир и семейная пара с тремя детьми. Объективные факторы распределения жителей в капиталистическом городе (стоимость жилья / аренды, доступ к городским благам) столкнулись с реалиями места.

«Да тут вот какое дело, я не знаю никого, мы же тут недавно. Но вот уже столкнулись с местным алкашом, он пожар устроил в квартире пару недель назад. Мать у него в соседней квартире живёт – оказалась учителем в школе рядом, весь подъезд среди ночи подняла, шуму было конечно...» (девушка, 21 год, студентка университета).

«У нас вообще дом весёлый, как бабка померла на втором этаже, родственнички тут же стали сдавать хату эту. То каким-то непонятым гостерам (гастарбайтер – авт.), теперь студенты там ночами тусуются. Кстати, вспомнил моментик один, у нас же начальник из администрации какой-то тут располагается, вот его они конечно допекли. Так он вызвал каких-то вертушников, и они их мигом успокоили на пару месяцев точно...» (мужчина, 42 года, местный житель).

Внутри «новой стратификации» были не учтены ни особенности формирования экономического капитала жителей Хабаровска (обилие неформальной экономики [3], высокие цены за квадратный метр жилья и наследственно-приватизационные механизмы получения жилья), ни социальный капитал (следуя материалам интервью контакты жителей после «длинных 90-ых» продолжили формироваться через неформальные механизмы, а не следуя профессионально-экономическим параметрам), ни капитал культурный (основные культурные объекты сосредоточены лишь в одном районе города). Социальная сегрегация в «новом обществе» не сформировалась, а соответственно не перешла в форму физическую – что можно обнаружить и в столице страны [7].

В этих условиях социальное пространство «видимого города» представляет собой несформированные и рассредоточенные по всем районам

неформальные сообщества – приятельские компании, студенческие коллективы, творческие объединения, клубы по интересам. При этом сообщества не оформляются в пространственных границах – что в итоге и приводит к запустению физического пространства поселения. Если пространство не закреплено за сообществом – то оно не принадлежит никому и отдаётся во власть административного ресурса и органам ЖКХ. Сообщества «видимого города» – разобщены в территории, не закреплены ничем кроме неформальных контактов и в результате не могут производить городской солидарности и иметь между собой зоны конфликта.

Естественная солидарность, получившая развитие в «неформальной зоне» в 90-ые была остановлена сильной государственной рукой и вытеснена за пределы «видимого города». Но тем не менее, попытки государства сформировать солидарность искусственную по типу советского общества не завершилась успехом. В результате чего дальневосточный город в наши дни содержит два уровня: (1) «невидимый город» – который содержит в себе неформальные сообщества, воспроизводящие «негородские пространства» – стигматизированные и отторгаемые (2) «городом видимым» – активно трансформируемого федеральными программами под искусственную современную агломерацию не способную образовывать городские сообщества. В рамках этой оппозиции функционирует и «граница» – в которой существуют городские маргиналии, с одной стороны рифмующиеся с образом городского жителя, но с другой стороны остающиеся в тени социально-экономической деятельности повестки.

В тот момент, когда «видимый город» проводит наступление на «город невидимый» (регулярная застройка вторгается в локации частного сектора и бывшие промышленные зоны) тонкий баланс нарушается. «Невидимый город», десятилетия налаживающий собственные способы коммуникации и виды деятельности, старается противостоять внешней силе, которая стремится «во благо» уничтожить сложившееся сообщество. Практически всегда такая борьба оканчивается победой городской администрации и застройщика – ещё один район освоен, благоустроен и готов к заселению. Но такие районы становятся новыми лишь отчасти, так как бывшие члены местного сообщества не исчезают, а продолжают функционировать в рамках чужой среды. На месте растворяющегося сообщества возникает городская совместность – как результат плотного взаимодействия «нормального» и «маргинализованного» города.

Литература

1. Goldthorpe, J.H. Social Mobility and the Class Structure in Modern Britain / J.H. Goldthorpe, C. Llewellyn and G. Payne. – Oxford: Clarendon, 1980. – 398 p.
2. Warner, W.L. Yankee City / W.L. Warner, J.O. Law, Paul S. Lunt. – New Haven & London: Yale Univ. Press, 1963. – 432 p.

3. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ / С.Ю. Барсукова. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 448 с.
4. Гарнага А.Ф. Социальные процессы дальневосточного города в условиях трансформации: вернакулярный подход: диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук: 22.00.04. Хабаровск, 2020. – 143 с.
5. Демьяненко А.Н. Хабаровская агломерация: опыт декомпозиции городского пространства / А.Н. Демьяненко // Регионалистика. – 2019. – Т. 6. – № 4. С. 5–13.
6. Кордонский С.Г. Административно-территориальная структура России и её ресурсно-сословная природа / С.Г. Кордонский // Мир России: Социология, этнология. – 2009. – Т. 18. – № 3. С. 3–38.
7. Михайлова Т. Завод в центре: искривление советской географии / Т. Михайлова // Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов (сборник). М.: Strelka Press, 2015. – С. 36–54.

PHENOMENOLOGY OF CITY DESCRIPTION: CITY VISIBLE AND INVISIBLE

Kovalevsky A.V.

Pacific National University

In this work, the author describes the “invisible spaces” of Russian cities using the example of the city of Khabarovsk. “Invisible spaces” are not so much parts of physical space as social space. Additionally, the article defines the conditions and reasons for the “invisibility” of these spaces. Also, the author describes the connections that arise in the urban space between visible and invisible urban spaces. He shows that invisible spaces within the framework of the power discourse are considered exclusively as “empty”, subject to development and gradual transformation into a “visible” city (read as a “normal” city). But such development in practice leads to much greater consequences than the redevelopment of “marginal areas”. The transformation of the physical space also destroys the urban community that lives within its borders, transforming it into a different form – compatibility, disorganized existence of people in one territory.

Keywords: urban spaces, empty spaces, invisible groups, border spaces, community, interoperability.

References

1. Goldthorpe, J.H. Social Mobility and the Class Structure in Modern Britain / J.H. Goldthorpe, C. Llewellyn and G. Payne. – Oxford: Clarendon, 1980. – 398 p.
2. Warner, W.L. Yankee City / W.L. Warner, J.O. Law, Paul S. Lunt. – New Haven & London: Yale Univ. Press, 1963. – 432 p.
3. Barsukova S. Yu. Informal economy: economic and sociological analysis / S. Yu. Barsukova. – M.: Ed. House of the State University Higher School of Economics, 2004. – 448 p.
4. Garnaga A.F. Social processes of the Far Eastern city in the conditions of transformation: vernacular approach: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences: 22.00.04. Khabarovsk, 2020. – 143 p.
5. Demyanenko A.N. Khabarovsk agglomeration: experience of urban space decomposition / A.N. Demyanenko // Regionalistics. – 2019. – Т. 6. – No. 4. P. 5–13.
6. Kordonsky S.G. Administrative-territorial structure of Russia and its resource-class nature / S.G. Kordonsky // World of Russia: Sociology, Ethnology. – 2009. – Т. 18. – No. 3. S. 3–38.
7. Mikhailova T. Plant in the center: the distortion of Soviet geography / T. Mikhailova // Incentives, paradoxes, failures. The city through the eyes of economists (collection). M.: Strelka Press, 2015. – S. 36–54.

Компаративистика в оценке архитектурного образовательного пространства российской и китайской высшей школы

Беляева Екатерина Александровна,

доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социальной работы департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: Ekaterina.podergina@mail.ru

Грунт Елена Викторовна,

профессор, доктор философских наук, профессор, кафедра прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Ли Ян,

студент, кафедра прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: interaction06@gmail.com

Ложкин Дмитрий Викторович,

магистрант, кафедра социальной работы департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: interaction06@gmail.com

Статья посвящена применению статистических методов в международных сравнительных социологических исследованиях. Актуальность темы заключается в необходимости разработки большого количества критериев для сравнения поликультурных объектов изучения. На основе существующей методологии международных сравнительных исследований мы провели социологическое исследование, включающее в себя комплексный анализ различных сравнительных характеристик пространственного образа российских и китайских вузов по мнению студентов. Исследование проводилось методом анкетирования. Всего в исследовании приняли участие 500 китайских и 500 русских студентов. Данные количественного анализа были дополнены включенным наблюдением за образовательным процессом в российских и китайских вузах (исследование проводилось в 4 российских вузах и 2 китайских), а также 1 фокус-группой с китайскими студентами и 50 интервью с экспертами. В заключении работы обоснована необходимость развивать инновации в пространстве российских вузов, в крупных городах-мегаполисах необходимо улучшать условия размещения для приезжих студентов, а также студентов из Китая, выносить университеты за территорию города и создавать более комфортные условия для размещения иностранных студентов.

Ключевые слова: российско-китайское образовательное взаимодействие, архитектурное пространство вузов, инновации в высшей школе, поликультурная среда, сравнительные исследования.

За последние три десятилетия сравнительные исследования приобрели новое качество благодаря использованию системно-аналитических методов, в основу которых положены вероятностно-статистические модели, возникшие вслед за развитием передовых статистических методов и информатики. В зависимости от области применения, модели могут именоваться «каузальными моделями», «моделями структурного равенства» или «моделями систематического анализа» [1, 175 с.].

В разработке проблем международных сравнительных исследований активно участвуют крупнейшие международные организации, такие, как ЮНЕСКО, Международная организация труда, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Совет Европы и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) [2,3].

В ряде международных правовых соглашений показано, что мировой экономической порядок следует строить на основе равенства, независимости, общих интересов и взаимодействия всех государств. В то же время и сотрудничество в сфере образования должно быть двусторонним, взаимовыгодным процессом [4, 65 с.].

В рамках международного и регионального сотрудничества в сфере образования реализуются программы международных сравнительных исследований.

Азиатско-Тихоокеанская программа инноваций в области образования в целях развития (АПЕИД) связано с множеством насущных проблем развития образования в Азии, требовавших расширения международного сотрудничества и обмена опытом на региональном уровне.

АПЕИД исходит из педагогических, социальных, идеологических и культурных различий всех участвующих в ней стран и сосредоточивает внимание на образовательных инновациях в целях развития как общем, многоплановом и диверсифицированном процессе не только с точки зрения экономического прогресса, но и в контексте социальной справедливости, качества жизни и сохранения культурной самобытности сфер исследования [5, с. 68–84].

Отношения участвующих в Программе АПЕИД стран-членов и организаций строятся на заинтересованном изучении опыта друг друга и взаимном доверии; участники совместно разрабатывают, осуществляют, контролируют и оценивают Программу. Этот демократический принцип гарантирует полный анализ достигнутых результатов на базе сравнительного метода, а также свободный обмен идеями на общее благо.

Программа АПЕИД постоянно корректирует свою деятельность с помощью обратной связи, что придает необходимый динамизм исследованиям, непрестанно производящим новейшую информацию.

Региональное бюро ЮНЕСКО по образованию в странах Азии и Тихого океана (РОЕАП) и (АПЕИД) осуществили большую работу в этом направлении, сделав данные исследований доступными для университетских библиотек всех стран мира, национальных комиссий по делам ЮНЕСКО и их центров во многих странах [6].

На основе существующей методологии международных сравнительных исследований мы провели собственное социологическое исследование, включающее в себя комплексный анализ различных сравнительных характеристик российско-китайского взаимодействия.

Исследование проводилось в трех вузах города Екатеринбурга, одном из российских мегаполисов, методом анкетирования. Всего в исследовании приняли участие 500 китайских и 500 русских студентов (обучающихся или проживающих со студентами из Китая). Данные количественного анализа были дополнены включенным наблюдением за образовательным процессом в российских и китайских вузах (исследование проводилось в 4 российских вузах и 2 китайских), а также 1 фокус-группой с китайскими студентами и 50 интервью с экспертами.

Одной из задач нашего исследования являлось определение пространственного образа российских и китайских вузов глазами студентов.

На основе разработанного бланка наблюдения фиксировались особенности архитектуры и инфраструктуры, а также скорость передвижения и доступность образовательной информации, скорость образовательной коммуникации, общий архитектурный образ.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что архитектурный стиль вузов становится одним из ведущих факторов образовательного взаимодействия. Так, по мнению респондентов, удаленность учебных корпусов и кампусов негативно влияет на интенсивность и непрерывность образовательного процесса (78% ответов), отсутствие комфортных, современных, технически оборудованных помещений снижает ценностный компонент получаемого образования у студентов (76% ответов) и формирует негативное отношение к образованию в целом (45% ответов).

При поступлении в российские вузы китайские студенты характеризуются средним уровнем информационно-аналитического компонента (понимания того, насколько архитектурное пространство российских вузов отличается от китайских) ($M = 24,4$); мотивационно-оценочного компонента ($M = 24,7$), отражающего степень значимости инфраструктуры и архитектуры вуза в образовательном процессе, и социально-коммуникативного компонента ($M = 25,3$), отражающего характер образовательного взаимодействия в простран-

стве вуза. Низкий уровень выявлен в отношении к тем условиям обучения в российских вузах, которые определяются архитектурными особенностями помещений ($M = 24,1$), что показывает несоответствие ожиданий и реалий от архитектурного пространства российских вузов у китайских и российских студентов на начальных этапах обучения в российских вузах. На практике это выражается в том, что китайские студенты, поступающие в российские вузы, не понимают, в каком архитектурном пространстве им предстоит жить и обучаться, какие сложности будут с этим связаны. Также китайцы первого года обучения не имеют практики образовательного взаимодействия в пространстве российского вуза, что затрудняет их процесс инкультурации.

Проведение включенного наблюдения в российских и китайских вузах позволило нам сконструировать образы типичных университетов. Данные наблюдения были подтверждены опросом студентов. Таким образом, нами была сконструирована типология архитектурного и социального пространства вузов. Архитектурные здания начала XX века формируют образ классического университетского образования, фундаментальной науки и знания (37% ответов); здания 60–80 годов XX столетия студенты воспринимают как эстетически непривлекательные и неудобные пережитки советской эпохи (28% ответов), современные архитектурные здания воспринимаются как центры инновационной деятельности и науки (35% ответов). Таким образом, для успешного осуществления образовательного взаимодействия необходимо обновлять дизайн помещений под требования цифрового общества, создавать условия для ускорения передвижения и получения информации в пространстве российского вуза.

Также в ходе исследования удалось определить архитектурные особенности китайского и российского университетов. Так, по мнению респондентов, китайские университеты отличаются современным дизайном (65% ответов), удобством расположения кампусов и учебных аудиторий на единой закрытой территории (87% ответов). Использование большого количества технологических новинок (мультимедийные аудитории, удобство цифровых образовательных ресурсов, наличие компьютеров и ноутбуков) в заполнении пространства вузов создает дополнительные возможности для эффективной организации учебного процесса (76% ответов). Российские вузы, как правило, строились еще в советский период, что определяет и общий архитектурный стиль, характерный для прошлой эпохи, и создает трудности для инновационной образовательной деятельности (недостаточное количество технически оборудованных аудиторий (68% ответов), территориальная разрозненность учебных корпусов и кампусов (74% ответов), недостаточное применение цифровых технологий в пространстве вуза (37% ответов)).

Выявленные проблемы образовательного взаимодействия в архитектурном пространстве рос-

сийского вуза позволяют нам согласиться с мнением Вильковского М.Б. в том, что функциональное содержание напрямую зависит от архитектурной композиции вуза. Так, неудобные, территориально отдаленные сооружения сдерживают интенсивность образовательного процесса, негативно влияют на характер образовательного взаимодействия. Это также подтверждается исследованиями [7, 592 с.]. При отсутствии современных технически оборудованных образовательных аудиторий, студенты начинают терять интерес к образовательному процессу.

Нами были определены факторы, сдерживающие архитектурные инновации российской высшей школы: недостаточное количество российско-китайских инновационных образовательных проектов (32% респондентов), недостаточная инновационность российской высшей школы (23% респондентов), низкая техническая оснащенность российских вузов (24% респондентов), отсутствие стремления руководства к созданию комфортных условий проживания и обучения студентов (23% респондентов).

Китайские студенты также определили недостаточную информационность российской высшей школы (23%) и низкую техническую оснащенность российских вузов (24%) в качестве значимых факторов. К сожалению, в России на протяжении последних пяти лет, наблюдается снижение инвестиций в развитие высшей школы. Центр по вопросам исследований и инноваций ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) неизменно отмечает снижение уровня ежегодного финансирования инновационного развития пространства российских вузов на протяжении последних 5 лет [8]. Мы полагаем, что данный фактор тормозит инновации в архитектурном пространстве высшей школы и снижает качество образовательного процесса российских вузов.

Также респондентами был выделен фактор отсутствия стремления руководства к созданию комфортных условий проживания и обучения студентов (23% респондентов). Данный фактор отчасти подтверждается исследованием Даниленко О.И., Ли Ц., Сюй И. [9, С. 90–110], Попковой Е.Б. [10, С. 3] посвященным инкультурации китайских студентов. Мы согласны с мнением исследователей в том, что в российской высшей школе наблюдается низкая заинтересованность педагогов и руководства вузов в создании комфортных условий для китайских студентов (неудобство общежитий, отсутствие разработанных маршрутов для удобства получения образования). В своем исследовании мы предлагаем решить эти и другие противоречия, оптимизируя образовательный процесс в сложившейся инфраструктуре вузов, а также создавать новые архитектурные образовательные пространства.

Результаты проведенного исследования позволили нам сформулировать ряд рекомендаций по изменению образа российского вуза. По нашему мнению, необходимо развивать иннова-

ции в пространстве российских вузов, в крупных городах-мегаполисах необходимо улучшать условия размещения для приезжих студентов, а также студентов из Китая, выносить университеты за территорию города и создавать более комфортные условия для размещения иностранных студентов. Также необходимо увеличивать финансовую составляющую инновационного развития российской высшей школы и российско-китайского образовательного сотрудничества (строить современные образовательные центры, развивать образовательные технологии), привлекая различные источники (в том числе стран ШОС).

Литература

1. Розенберг Н.М. Проблема измерения в дидактике. Проблемы измерений в дидактике [Текст] / Под ред. Д.А. Сметанина. – Киев: Вища школа, 1979. – 175 с.
2. Statistics yearbook, UNESCO, 1993.
3. СБСЕ. Первые годы образования. Париж: СБСЕ, 1998.
4. Можаяева Л.Г. Научно-технический прогресс и современные концепции образования в развитых капиталистических странах. М., 1987. – 69 с.
5. Х. Шу и Н. Чжоу. Сравнительная педагогика в Азии и ее перспективы / Перспективы, № 1, 1991 С. 68–84.
6. ROEAP (UNESCO Regional Office for Education in Asia and the Pacific). 1985. Final Report of Fifth Regional Conference of Ministers of Education and Those Responsible for Economic Planning in Asia and the Pacific. Bangkok, UNESCO.
7. М.В. Vilkovsky, "Sociology of architecture", Moscow: Russian avant-grade Foundation, 2010. 592 p.
8. S.V. Dementieva, "Russian universities as a mechanism for the adaptation of migrants (in the context of sociological and philosophical analysis)". Bulletin of Tomsk Polytechnic University, no 6 (313), 2008. Pp. 158–164
9. O.I. Danilenko, Li, Ts., XU, I., "Adaptation of Chinese students at different stages of study at universities in Russia and China" in V.V. Kalita (ed.) Psychological Aspects of Intercultural Adaptation. Vladivostok / Dal'nauka, 2015, P. 90–110.
10. E.V. Popkova, "Inculturation of foreign students in the Russian high school: institutional conditions and the main stages: on an example of SRSTU (NPI)". Thesis (PhD in Sociology). – Rostov-on-Don. P. 3, 2013.

COMPARATIVE STUDIES IN ASSESSMENT OF THE ARCHITECTURAL EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIAN AND CHINESE UNIVERSITIES

Belyaeva E.A., Grunt E.V., Li Yang, Lozhkin D.V.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The article is devoted to the application of statistical methods in international comparative sociological research. The relevance of the topic lies in the need to develop a large number of criteria for com-

paring multicultural objects of study. Based on the existing methodology of international comparative research, we conducted a sociological study that includes a comprehensive analysis of various comparative characteristics of the spatial image of Russian and Chinese universities in the opinion of students. The research was carried out by a questionnaire method. A total of 500 Chinese and 500 Russian students took part in the study. The quantitative analysis data were supplemented by included observation of the educational process in Russian and Chinese universities (the study was conducted in 4 Russian universities and 2 Chinese ones), as well as 1 focus group with Chinese students and 50 interviews with experts. In conclusion, the work substantiates the need to develop innovations in the space of Russian universities, in large cities-megalopolises it is necessary to improve the accommodation conditions for visiting students, as well as students from China, to move universities outside the city and create more comfortable conditions for the accommodation of foreign students.

Keywords: Russian-Chinese educational interaction, architectural space of universities, innovations in higher education, multicultural environment, comparative studies.

References

1. Rosenberg N.M. The problem of measurement in didactics. Measurement Problems in Didactics [Text] / Ed. YES. Sour cream. – Kiev: Vishcha school, 1979. – 175 p.
2. Statistics yearbook, UNESCO, 1993.
3. CSCE. The first years of education. Paris: CSCE, 1998.
4. Mozhaeva L.G. Scientific and technological progress and modern concepts of education in developed capitalist countries. M., 1987. – 69 p.
5. H. Shu and N. Zhou. Comparative pedagogy in Asia and its perspectives / Perspectives, No. 1, 1991 pp. 68–84.
6. ROEAP (UNESCO Regional Office for Education in Asia and the Pacific). 1985. Final Report of Fifth Regional Conference of Ministers of Education and Those Responsible for Economic Planning in Asia and the Pacific. Bangkok, UNESCO.
7. M. B. Vilkovsky, "Sociology of architecture", Moscow: Russian avant-grade Foundation, 2010. 592 p.
8. S.V. Dementieva, "Russian universities as a mechanism for the adaptation of migrants (in the context of sociological and philosophical analysis)". Bulletin of Tomsk Polytechnic University, no 6 (313), 2008. Pp. 158–164
9. O.I. Danilenko, L. Ts., XU, I., "Adaptation of Chinese students at different stages of study at universities in Russia and China" in V.V. Kalita (ed.) Psychological Aspects of Intercultural Adaptation. Vladivostok / Dal'nauka, 2015, P. 90–110.
10. E.V. Popkova, "Inculturation of foreign students in the Russian high school: institutional conditions and the main stages: on an example of SRSTU (NPI)". Thesis (PhD in Sociology). – Rostov-on-Don. P. 3, 2013.